ЯКОВ РАБКИН

ЧТО ТАКОЕ ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ?

ИСТОРИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Говорим „сионисты“ – подразумеваем евреев» – широкое распространенное заблуждение. Сионизм – идеология, на которой основано Государство Израиль – это попытка превратить евреев в обычную малую нацию, отлучив тем самым от многовековой духовной традиции. Образование Израиля – знаковое событие XX века, хотя в судьбе этого государства немало парадоксов. Основанное после нацистского геноцида как прибежище для евреев, оно стало для них сегодня самым опасным местом в мире. Несмотря на военные, научные и экономические успехи, существование этого государства по-прежнему вызывает ожесточенные споры, причем его легитимность оспаривают в первую очередь евреи, ревностно соблюдающие традиции и законы иудейства. Эта книга – живой и откровенный рассказ о становлении Израиля в рамках стремительно обновляющегося мира.

- Яков Рабкин
  - Благодарность
  - Вступление
  - Земля Израилева и ее место в еврейской традиции
  - Кто такие евреи? История и коллективная память
  - Евреи Европы: между равенством и истреблением
  - Возвращение в Историю
  - Построение сионизма в Земле обетованной
    -
    - Вместе или порознь?
    - По следам европейского национализма
    - Переселенческий колониализм
    - Изобретение нового языка
    - Воспитание нового человека
    - Вклад российского еврейства
  - Нацистский геноцид: память и уроки
  - Сионистское государство
    - Военные и политические аспекты
    - Социальные и культурные аспекты
  - Иудейская оппозиция сионизму
    -
    - Религиозная и духовная оппозиция
    - Общественно-политическая оппозиция
    - Критика силового подхода
  - Пути развития израильского общества и еврейских

общин
- Государство Израиль на международной арене
- Заключение
- Глоссарий

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39

- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83

- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127

- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171

- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215

- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259

- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303

- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347

- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391

- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435

- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479

- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523

- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560

Яков Рабкин
Что такое государство Израиль?

Благодарность

Хочу поблагодарить свой Монреальский университет за создание прекрасных условий для работы и за помощь при подготовке этой книги. Члены моей семьи не только подолгу выносили беседы на темы этой книги за субботней трапезой, но и активно помогали мне при работе над ней, даже после того, как разъехались по свету.

Мне также очень помогли беседы с коллегами, журналистами и друзьями по поводу предыдущей книги, посвященной иудейскому сопротивлению сионизму. Их критика и поддержка мне очень дороги.

Я благодарю Мишеля Билиса, Фредерика Дебресса, Дон Глап и Кендзи Канно за исправления, внесенные в текст оригинала, и Наталью Бернадскую, Александра Кушнира, Вадима Менжулина и Веру Рейдер за помощь в подготовке к печати русского перевода. Тем не менее ответственность за все нижесказанное лежит только на мне.

Вступление

Государство Израиль – страна с населением около семи миллионов человек – расположено в Западной Азии. Хотя всех жителей Израиля можно легко разместить в каком-нибудь не самом большом китайском городе, значение этого государства и роль, которую оно играет на международной арене, едва ли сопоставимы с его размерами. Изучение истории и политики Государства Израиль, а также заложенной в нем идеологии сионизма, наводит на ряд принципиальных вопросов, в том числе и вопрос о рациональности в политике. Более того, у сионизма весьма сложные отношения с идеями Просвещения. С одной стороны, сионизм был бы немыслим без эмансипации евреев, основанной на идеях Просвещения, в частности, на идее о всеобщем равенстве. Но в своем утверждении извечности антисемитизма и уникальности еврейского этноса сионизм от этих основ отошел. Стоящие перед Израилем проблемы находятся на перекрестке политики и религии, что делает его относительно короткую историю весьма поучительной для понимания современного мира.

Нельзя не заметить, что одной из особенностей Израиля является тот факт, что основатели мирового сионизма, как и впоследствии руководители государства, избегали точного определения границ, на которые они претендуют. Именно так они поступали во время переговоров с мировыми державами о создании государства. Тактика эта оказалась действенной, в мае 1948 года в одностороннем порядке было провозглашено Государство Израиль, однако его границы установлены так и не были. Расширение в пространстве присуще всей истории Израиля, так что его граница, подобно американскому фронтиру, все время перемещается. Международные сионистские организации (например, Еврейский национальный фонд или Еврейское агентство для Израиля – Сохнут) активно участвуют в управлении землями государства, причем делают они это «от имени еврейского народа», где бы представители этого народа ни проживали. Завоевывая и затем заселяя новые территории, Израиль в то же время не определяет желаемых им границ. Почти полмиллиона израильтян заселили земли, занятые в 1967 году, отмежевавшись при этом от местных жителей – палестинцев, неожиданно для себя оказавшихся в административном и денежном пространстве государства, гражданами которого они не являются.

Современный Израиль – процветающее государство с

высоким уровнем ВНП на душу населения (около 33 тыс. долларов по состоянию на 2012 год[1]), что резко отличает его от соседей. В страну привлекаются значительные прямые инвестиции, объем которых за один лишь 2006 год превысил 13 млрд долларов. Хозяйственная деятельность переселенцев-сионистов, а позже и вся израильская экономика развивались независимо от того, что происходило и происходит не только в окружающем их арабском мире, но даже и в соседних палестинских городах и деревнях. Это явление известно как «переселенческая»[2], или колониальная, экономика. В наше время ее основой стали высокие технологии, особенно в военной сфере и сфере безопасности. Показатель ВНП на душу населения на палестинских территориях, находящихся под контролем Израиля с 1967 года, почти в двадцать раз ниже (1690 долларов)[3].

Для промышленно развитой страны даже в границах 1949 года уровень социально-экономического неравенства в Израиле весьма высок – по этому показателю он занимает второе место в мире после США. Наиболее резко расслоение просматривается между гражданами арабского и неарабского происхождения: доходы последних почти в три раза выше. Хотя когда-то Израиль был страной довольно эгалитарной, в настоящее время 21 % населения живет в нищете, что является самым высоким показателем такого рода среди стран – членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). По уровню развития человеческого потенциала Израиль находится на 22-м месте из 177 стран, но его арабское население занимает в этом списке лишь 66-е место[4]. Несмотря на то что арабы составляют 20 % населения, они владеют лишь 3 % земель страны[5]. Показательна разница в расходах на образование: на каждого арабского учащегося тратится 192, на каждого учащегося-неараба – 1100 долларов. Та же ситуация наблюдается и в области здравоохранения: смертность среди арабских детей в возрасте до года в два раза выше, а раннее выявление рака шейки матки среди арабских женщин проводится почти в пять раз реже[6].

Мощный военно-промышленный комплекс, задача которого – производить и эксплуатировать ядерное и конвенциональное оружие, позволяет Израилю господствовать в своем регионе. Ни одна армия – даже коалиция армий соседних стран – не представляет для страны значительной угрозы. Доля Израиля на международном рынке вооружений превышает 10 %, что никак не соотносится с размерами страны. Опыт ветеранов спецслужб и Армии обороны Израиля также стал важной статьей экспорта.

Государство Израиль опирается на политическую поддержку

правящих кругов западных стран. Например, спустя несколько месяцев после израильской атаки на сектор Газа зимой 2008–2009 годов, в ходе которой погибло 1400 палестинцев и 9 израильтян[7], Израиль единодушно приняли в члены ОЭСР – организации стран, исповедующих принципы демократии и рыночной экономики. Выдвинутые экспертами ООН Ричардом Фальком и Ричардом Голдстоуном обвинения Израилю в нарушении прав человека и даже военных преступлениях, совершенных в ходе нападения, ничуть не повлияли на результаты голосования в ОЭСР. Западные страны снова оказали поддержку Израилю летом 2011 года, перекрыв воздушные и морские пути пацифистам разных стран, пытавшимся пробраться в Газу и на Западный берег реки Иордан для выражения солидарности с палестинцами.

Запад поддерживает Израиль еще и потому, что считает поселения, из которых выросло государство, по сути европейскими, во многом похожими на старые британские колонии. Самоопределение Израиля как «еврейского государства» оправдывает возрождение идеи этнического национализма, ставит точку в деколонизации и таким образом способствует попыткам западных держав восстановить свое владычество на Ближнем Востоке. Постоянно укрепляющиеся органические связи Израиля с Западом во многом объясняют фактическое отсутствие критики со стороны европейских держав и бывших европейских колоний, таких как США, Канада или Австралия. Наличие подобных связей – особенно существенный фактор в свете находящей все большее признание в странах Европы и Северной Америки концепции «столкновения цивилизаций», причем Израиль уверенно позиционирует себя в качестве защитника Запада от предполагаемой угрозы со стороны мусульманского Востока.

Чувство вины за нацистский геноцид, которым некоторые объясняют такое снисходительное отношение, сегодня играет меньшую роль, нежели стратегические интересы Запада, представляемые Израилем в регионе. Интересы эти вкупе с верованиями протестантов-евангелистов составляют основу нееврейского сионизма (об этом движении, возникшем куда раньше сионизма еврейского, поговорим ниже). Однако поддержка Израиля западными руководителями осуществляется вопреки общественному мнению: большинство жителей западных стран считают, что Государство Израиль представляет собой угрозу международной стабильности.

Известно, что в основе любой формы национализма лежит некое «воображаемое сообщество»[8], однако искусственность

некоторых сообществ явно обнаруживается уже с первого взгляда. Европейский национализм был создан на основе местного самосознания, из которого впоследствии сформировалось самосознание национальное. Парадоксально, но политический сионизм[9] является одновременно и типичным, и уникальным примером такого подхода.

В основу Государства Израиль положена идеология этнического национализма, возникшая в позапрошлом веке в Центральной и Восточной Европе. Для разрешения присущего именно Европе «еврейского вопроса» европейцами, по образу и подобию национализма европейского образца, был создан его «еврейский» вариант – сионизм. Сионистам пришлось потратить немало усилий и средств для того, чтобы за один век переселить в Палестину половину евреев мира. Переселились туда не только люди, но и их кошмары об ужасах погромов в царской России (в основном на Украине и в Молдавии). Это сильно повлияло на социальный климат османской Палестины начала прошлого века, где на тот момент вполне мирно сосуществовали различные религиозные, этнические и языковые группы. Еще более глубокий отпечаток оставили последствия нацистского геноцида, задуманного в Европе и осуществленного европейцами против европейцев. В итоге на территории Палестины было образовано скроенное по европейским лекалам национальное государство, приверженное западным идеалам и утверждающее свою европейскую сущность.

На заре XX века этнический национализм, уже укоренившийся к тому времени во многих странах Европы, где присутствие меньшинств издавна вызывало напряжение, стал принимать форму «научного расизма». Крушение четырех многонациональных империй, произошедшее после Первой мировой войны, привело к усилению националистических настроений в Восточной Европе и созданию на основе этих империй новых государств. В то же время Великобритания не только оберегала, но и стремилась расширить свою империю, что и объясняет возникновение декларации Бальфура, поддержавшего в 1917 году идею создания «национального очага еврейского народа в Палестине»[10]. Официальное признание сионизма сделало его неотъемлемой частью европейской колониальной политики. Не стоит забывать, что тогда термин «колониализм» не имел современного уничижительного оттенка: например, главным финансовым учреждением сионистского движения был Еврейский колониальный трест (Jewish Colonial Trust), переименованный затем в Национальный банк, или Банк леуми.

Уникальность сионизма состоит в том, что его идеологи были

вынуждены создавать единый «еврейский народ» из разбросанных по миру людей, у которых, кроме религии, было мало общего. Сионистам пришлось не только сформировать и привить евреям исторически чуждое им национальное сознание европейского типа, но и создать для них общий язык. Первые сионистские поселения в Западной Азии были основаны по примеру европейских колоний в Африке, Австралии или Америке, однако подавляющее большинство евреев не воспринимали себя как отдельную нацию, или, как называли ее сторонники созданной в 1882 году Лиги антисемитов[11], особую расу.

По своему происхождению идея физического переселения евреев в Землю обетованную – протестантская. В еврейской традиции*[12] «возвращение» означает совсем другое и преследует иные цели: оно – часть радикального, мессианского переустройства мира, а не решение одного или нескольких людей перебраться на Святую землю. Поэтому неудивительно, что большинство евреев в начале XX века отвергли чуждую иудейскому сознанию идею сионизма, которая к тому же возникла в кругах протестантов и пропагандировалась в основном атеистами и агностиками еврейского происхождения.

В этой книге не раз говорится об иудейском сопротивлении сионизму. Сегодня оно многим кажется парадоксальным, ибо люди нередко путают евреев и сионистов, иудейство и сионизм, освященную веками еврейскую традицию и современный национал-иудаизм*[13], интересы Государства Израиль и интересы евреев разных стран мира. Поскольку такого рода смешение – часть сионистской идеологии, чтобы понять Израиль, необходимо четко отличать друг от друга религию, этнос и нацию.

Как сионисты, так и их противники отдают себе отчет в идеологической хрупкости сионистского государства. Многие израильтяне признают, что именно сионизм препятствует установлению мира и интеграции Израиля в регионе. Однако израильское руководство требует чтобы Израиль был признан в качестве «еврейского демократического государства» не только международным сообществом, но и палестинцами, которые первыми пострадали и продолжают страдать от возникновения на их земле такого рода государства. Это требование, становится, естественно, главнейшим политическим препятствием на пути к миру, однако оно лишний раз подчеркивает, как остро многие сионисты ощущают хрупкость своего государства несмотря на его мощь и процветание.

Ф.М. Достоевский (1821–1881) назвал мой родной город Санкт-Петербург «самым отвлеченным и умышленным городом на

всем земном шаре»[14]. И действительно, город, основанный по воле Петра Великого на 60-й параллели посреди болот, – город, постоянно находящийся под угрозой наводнения, – обречен вечно казаться хрупким и иллюзорным. Менее чем через 10 лет после своего основания Петербург, расположенный ближе к Нью-Йорку, чем к Владивостоку, стал столицей Российской империи. Великие русские писатели видели в этом величественном и изящном городе странное, неуместное и чужеродное явление, предрекая ему бесславный конец. Поэт Михаил Дмитриев (1796–1866) в стихотворении «Подводный город» предсказывает, что однажды от Петербурга останется только шпиль Петропавловской крепости, торчащий посреди бескрайних вод, поглотивших некогда гордый и надменный город:

Город, слышно, был богатый
И нарядный, как жених;
Да себе копил он злато,
А с сумой пускал других!

Даже имени его никто не вспомнит:

Имя было? Да чужое,
Позабытое давно,
Оттого что не родное —
И не памятно оно[15].

Некоторые опасаются, что сионистское государство ждет такая же судьба и что среди бескрайних песков пустыни будет торчать небоскреб «Ситигейт» – символ былых материальных достижений Израиля.

С Санкт-Петербургом Израиль причудливо сближают человеческие судьбы и жизни, положенные на алтарь сионизма. Так, нашедший во время Второй мировой войны убежище в СССР израильский поэт и писатель Биньямин Хершав, сравнивая эти два грандиозных проекта, замечает, что если Петр Первый построил город «на костях крестьянских», то Бен-Гурион[16] «проложил дорогу в Иерусалим на костях спасшихся от Катастрофы подростков»[17].

В открытой сейчас вами книге речь пойдет о происхождении и природе Государства Израиль, а также его месте в еврейской и европейской истории. Отцы-основатели сионизма видели в созданном ими движении разрыв с еврейской историей, а первые поселенцы, прибывшие в Палестину, гордились тем, что

участвуют в «сионистской революции». Несмотря на то что значение Святой земли в еврейской традиции сомнению не подлежит, проект физического возвращения евреев в Землю Израилеву был задуман христианами-протестантами, стремившимися тем самым приблизить ожидаемое ими Второе пришествие. Это объясняет в частности мощную поддержку Израиля со стороны США, где такого рода протестантские движения не только многочисленны, но и весьма влиятельны. Читатель также познакомится с мыслями раввинов и прочих иудейских противников сионизма, понимание трудов которых требует немалой подготовки.

Кроме того мы поговорим об эмансипации, позволившей евреям Центральной и Западной Европы влиться в общество своих стран. Выбор между интеграцией и обособленным развитием до сих пор остается решающим фактором для определения отношения евреев к природе и политике Государства Израиль. Надо обратить внимание на изменения, произошедшие под влиянием сионизма в самосознании евреев и поставившие для многих из них Государство Израиль во главу угла. Причем их мнения варьируются в очень широком диапазоне: от безусловной поддержки Израиля до резкого осуждения его и даже до полного отвержения сионизма, а значит, и еврейского национализма в целом. Мы постараемся выяснить, почему мнения об Израиле разделяют евреев больше любого политического, общественного или религиозного вопроса. А также понять, почему поверье, будто все евреи – сионисты и ярые защитники Государства Израиль, не более чем миф, играющий на руку антисемитам.

Естественно, что в книге об Израиле придется обязательно говорить об антисемитизме. При этом надо помнить, что сионизм – это далеко не только реакция евреев на притеснения, угрозы и антисемитизм: сионисты умеют извлекать из него выгоду, подчас не гнушаясь сотрудничеством с явными антисемитами. Эти мутные страницы истории чаще всего неизвестны широким кругам читателей.

Нацистский геноцид – еще одна важнейшая и болезненная тема современной еврейской истории. Об этой трагедии XX века здесь говорится не только как об историческом факте, но она также рассматривается в ракурсе многовековой еврейской традиции. Показывается, каким образом эта трагедия стала средством укрепления национального единства в Израиле и усиления сионистской идеологии среди евреев диаспоры. Такого рода использование истории вызывает серьезную критику, в частности со стороны израильской интеллигенции, и эта критика заслуживает самого серьезного внимания.

Немалое место отведено нами важной роли, которую в сионистском движении сыграли – и продолжают играть – российские евреи, испытавшие на себе притеснения в царское время, а в советскую эпоху ставшие «лицами еврейской национальности». По-своему реагируя на погромы, а позже на политику истребления во время нацистской оккупации, они, в отличие от других еврейских общин, обратились к силовым методам сопротивления, повлияв с самого начала на формирование в Израиле особого боевого духа.

Помимо вечно оспариваемой легитимности Государства Израиль особенно существенным остается вопрос о вызванных сионизмом изменениях в еврейском самосознании. Сионистам удалось воспитать «нового еврея», говорящего на новом языке (современном иврите), однако все это не смогло окончательно победить традиционное еврейское самосознание. Именно поэтому многие еврейские общины мира сумели сохранить свою самобытность, а под термином «еврейский народ» по-прежнему подразумеваются довольно разнородные группы людей, интересы которых отличны, а иногда и прямо противоположны интересам Государства Израиль.

Освещая забытые, а подчас и замалчиваемые исторические события, мы в то же время обращаем внимание на успехи сионистского движения, сделавшего Израиль признанным лидером в области науки, техники и военного дела. В книге также объясняются причины удивительного, на первый взгляд, восхищения Израилем со стороны движений правого толка в Европе и в странах европейской колонизации.

Несмотря на то, что об Израиле и сионизме написано немало, некоторые существенные факты продолжают оставаться в тени. Задача этой книги – осветить именно те эпизоды, которые помогут глубже разобраться в истории этого необычного государства. Это позволит читателю принять участие в обсуждении проблем Израиля и откликов на них во многих странах мира. Книга приглашает читателя задуматься и по-новому взглянуть на мифы и клише, заслоняющие многомерный образ этого замечательного, но противоречивого государства.

Земля Израилева и ее место в еврейской традиции

Отношения евреев с Землей Израилевой могут показаться парадоксальными[18]. Ее образ занимает исключительное место в иудейском самосознании, но до появления сионистов евреи не предпринимали ни малейших попыток массово переселиться туда. Неудивительно и то, что в иудейских источниках нет единого мнения о ее географических границах. Божественное обетование, данное Аврааму, не подразумевало права владения Святой землей – именно поэтому он хотел заплатить за место для погребения его жены Сары (Бытие, 23:3–16). Земля обетованная принадлежит не тем, кому дано было обетование, а Тому, Кто его дал.

По мнению Йехиэля Якова Вайнберга (1884–1966), известного раввина, сочетавшего в своем учении литовское и немецкое течения в иудействе, «Земля – это всего лишь сцена для реализации духовного наследия Торы*; сама духовность, основа нашей жизни и существования, – не что иное, как Тора… В этом отношении мы отличаемся от других наций, и не признавать этого означает отрицать самые основы иудейства»[19].

Традиционно считается, что евреи произошли от Авраама и его потомков, выведенных Господом из Египта и получивших в дар Тору на горе Синай. Откровение и дарование Торы отмечаются как «день рождения еврейского народа». Хотя в самой Торе нередко упоминаются случаи, когда сыны Израилевы нарушали Божественные заповеди или пренебрегали ими, бытие евреем неизменно связано с Торой как абсолютным источником законов и моральных ценностей.

Еврейская традиция считает, что евреев определяет не общее географическое происхождение, а их долг следованию заповедям Торы. Именно это и означает понятие «избранный народ», в котором нет и намека на какое бы то ни было превосходство: избранничество в иудействе подразумевает в первую очередь ответственность за выполнение заветов. Разумеется, традицию можно использовать для оправдания расовой исключительности евреев или пестования чувства врожденного превосходства. В наши дни подобные идеи витают среди тех, кто утратил связь с духовным наследием предков. Но в самой еврейской традиции, а конкретно в рассуждении о происхождении Мессии, содержится «противоядие» от расизма. Мудрецы предсказали, что Мессия* будет потомком царя Давида, то есть благородных кровей.

Однако они же указали, что начало роду самого Давида положили весьма отважные, мягко говоря, женщины: Руфь, Фамарь и дочери Лота.

Руфь взяла инициативу в свои руки, когда пришла к Боазу: «А она подошла тихонько, и открыла изножье его, и прилегла. И было, в полночь вздрогнул этот человек и повернулся, и вот – женщина лежит у ног его!» (Руфь, 3:7–8). Руфь была вдовой родом из моавитян, которые, согласно Библии[20], произошли от дочерей Лота. Боясь наступления конца света, они переспали со своим отцом, и старшая родила Моава, предка Руфи (Бытие, 19:30–38). О происхождении Боаза говорится в истории ханаанейки Фамари (Бытие, 38:1–30). Она была женой Ира, старшего сына Иуды, сына Иакова. Овдовев, была выдана за среднего сына, который также умер. По закону левирата, на Фамари должен был жениться и младший сын, однако Иуда отослал вдову к родителям – ожидать, пока молодой человек достигнет совершеннолетия. По Библии, он поступил так из страха, что и третий сын «умрет, подобно братьям его». Фамарь, не желая ждать и потерять связь с семьей потомков Иакова, притворилась блудницей, соблазнила самого Иуду и родила двух близнецов, один из которых и стал предком Боаза.

Во всех трех случаях неизбежная смерть отступила перед жизнью, продолжавшейся в детях. Такова скромная родословная Мессии – Спасителя мира.

В библейских текстах говорится не только о божественном происхождении Торы, но и о том, что она была дарована евреям за пределами Земли Израилевой. По Пятикнижию, евреи, или сыны Израилевы, происходят вовсе не из Израиля. Они сформировали общину в Египте, а народом стали лишь после принятия учения и законов Торы на горе Синай. Духовное очищение евреев, без которого невозможно попасть в Землю обетованную, произошло за ее пределами – во время сорокалетних странствий по пустыне. Как подчеркивают многие толкователи, сама по себе Святая земля не может сделать евреев святыми; зато их преступления могут осквернить ее, и тогда Земля «изрыгнет их» (Левит, 18:28).

В еврейской традиции отношение к Земле обетованной определяется исключительно в договорных терминах:

«Берегитесь, чтобы не обольстилось сердце ваше, и вы не совратились и не стали служить богам иным, и не поклонялись им; И возгорится гнев Господа на вас, и затворит Он небо, и не будет дождя, и земля не даст плодов своих; и вы скоро пропадете с этой доброй земли, которую Господь дает вам» (Второзаконие, 11:16–17).

Это напоминает отношения в супружеской паре: они продолжаются, пока супруги соблюдают определенные правила. Если это не так – следует развод. Показательно, что во время праздника дарования Торы (Пятидесятница, или Шавуот), в некоторых синагогах читают Кетубу (еврейский брачный договор), который закрепляет связь Торы (невесты) и ее избранника (народа Израиля). Лейтмотив церемонии – связь евреев с Землей Израилевой.

В еврейской традиции подчеркивается, что проживание на Святой земле, подобной царскому дворцу, где к любому проступку относятся во сто крат серьезнее, связано с множеством опасностей. Раввин Израиль Меир Каган (1838–1933), более известный как Хофец Хаим (так называется его книга о недопустимости сквернословия), предупреждал о том, насколько опасно жить на Святой земле, не следуя Торе и ее заповедям. Именно эта боязнь преступить законы Торы отвращает подверженных греху простых евреев от переезда в Израиль. Таким образом, отношения между евреем и Землей Израилевой качественно иные, нежели отношения француза с Францией или русского с Россией.

В еврейской традиции любое бедствие или несчастный случай – следствие человеческих проступков. Возвращение же в Землю Израилеву должно стать воздаянием за добрые деяния, а свершается оно лишь после пришествия Мессии. Две предыдущие попытки (завоевания Иисуса Навина и возвращение из Вавилонского плена) были предприняты людьми, однако истинное заселение страны может произойти лишь после вмешательства самого Господа.

После разрушения Первого Храма в 586 г. до н. э. лишь небольшое число евреев вернулось из Вавилона вместе с Эзрой и Нехемией в Землю Израиля, получив там некоторую политическую автономию. Разрушение Второго Храма в 70 г. н. э. не изменило радикальным образом самоощущение евреев как народа, разбросанного по разным странам. В еврейской истории встречались лишь спорадические эпизоды «политической кристаллизации»: Хасмонейское царство, Хазарский каганат и еврейские княжества в Йемене и Марокко (где преобладали новообращенные)[21]. Хотя евреи как общность в основном находились в стороне от политической истории мира, они оставили заметный след в его религиозном развитии. Например, по еврейской традиции, Изгнание* – это скорее состояние духовной неполноценности, потеря связи с Божественным присутствием, чем физическое выдворение из Земли обетованной.

Многие набожные евреи считают отказ от политического

владения Землей Израилевой неотъемлемой частью иудейства. Речь идет не о принципе пассивности, а о сложном и упорном сопротивлении националистическим идеям, подверженность которым некоторые современные еврейские мыслители называют «дурной склонностью номер один», другими словами, особенно сильным соблазном.

Здесь следует рассмотреть две противоположные точки зрения. Сторонники еврейской традиции подчеркивают:

«Мы ушли в Изгнание не из-за того, что у нас не было Хаганы* или политических лидеров, вроде Герцля и Бен-Гуриона. Мы были изгнаны именно потому, что все это у нас было, и мы последовали за такими вождями. Разумеется, эти действия не смогут принести [евреям] Избавления*»[22].

Идею божественной природы Избавления разделяют как традиционалисты, так и приверженцы национал-иудаизма – члены движения «Мизрахи»* («восточное», а также сокращение от «Мерказ рухани» – «духовный центр»), возникшего около века назад в Российской Империи. Вопреки мнению основателей их движения, современные адепты национал-иудаизма считают сионизм выражением Божественной воли, как бы «перстом Божьим», подобным тому, что упоминается в библейском повествовании об исходе из Египта. Различие между двумя этими полюсами состоит не в принятии или отрицании концепции тотального разрушения, которое должно предшествовать Избавлению, а в определении того, как это разрушение понимать.

В то время как идеологи национал-иудаизма считают, что разрушение закончилось в 1945 году, рассматривая постигший евреев Европы геноцид как отправную точку Избавления, теоретики религиозного иудейского антисионизма утверждают, что и геноцид, и существование Государства Израиль суть звенья одного разрушительного процесса, продолжающегося по сей день. По их мнению, все достижения сионизма будут сметены перед приходом Мессии, который найдет Землю Израиля в состоянии полного опустошения и запустения. Категорически отвергая сионистское мессианство, антисионисты считают Государство Израиль преградой на пути к Избавлению. Многие раввины предупреждают, что присутствие миллионов евреев в столь опасном месте – не что иное, как безумие, граничащее с самоубийством, а материальное восстановление страны нечестивцами может привести лишь к очередному изгнанию, гораздо более тяжелому и жестокому, чем два предыдущих[23].

Поскольку еврейская традиция утверждает, что Избавление наступит в результате Божественного вмешательства, «приближение конца», то есть форсирование Избавления иными

средствами, является большим прегрешением. Знак к освобождению должен дать сам Господь, и лишь Он один может положить конец Изгнанию.

В Талмуде* говорится о трех клятвах, принесенных перед тем, как остаток народа Израиля был рассеян по всему свету: Всевышний наказал евреям не возвращаться в Землю Израилеву массово и организованно и не бунтовать против власти других народов; а народы Он заклял не порабощать евреев чрезмерно[24]. Эти клятвы лежат в основе споров о том, насколько в рамках иудейства приемлемо применение силы (и о чем подробнее будет говориться ниже). После нацистского геноцида многие стали считать, что клятвы устарели: уничтожение евреев нацистами нарушило третью клятву, а значит, отменило и две оставшиеся. Однако данная Господу клятва – не то же самое, что договор двух сторон, евреев с неевреями.

Комментатор из каталонской Героны Моше Нахманид (1194–1270) вызвал панику среди своих товарищей-каббалистов, когда за несколько лет до смерти решил переселиться в Землю Израилеву. Те настаивали на буквальном соблюдении трех клятв Талмуда и, следовательно, запрещали там селиться, приводя вдобавок аргументы мистического характера. По мнению Йешаяху Лейбовича (1903–1994), иудейского мыслителя и профессора Еврейского университета в Иерусалиме, «Нахманид, несомненно, является единственным авторитетом, придававшим практическое значение заповеди селиться в Земле Израиля и завоевывать ее. Однако его мнение по этому вопросу не вызвало никакого отклика в иудейском законодательстве»[25]. В ответ на полемику, которую продолжает вызывать этот вопрос, в недавнем издании Вавилонского Талмуда было приведено множество источников, утверждающих, что поселение в Земле Израиля не является заповедью (мицвой*)[26].

Специалисты считают, что страх перед попытками ускорить Избавление не является изобретением антисионистов[27], то есть он возник не в качестве орудия для борьбы с сионизмом, а составляет неотъемлемую часть еврейской традиции, причем корни его – в классических трудах иудейства. Задолго до появления сионизма еврейские мудрецы призывали смиренно нести бремя изгнания. Хотя о трех клятвах чаще вспоминают, когда «алия»* (возвращение в Землю Израилеву) становится реальной возможностью для большого числа евреев, их правовое применение началось за несколько веков до появления политического сионизма[28]. После изгнания евреев из Испании в ходе Реконкисты, христианского «отвоевывания» Испании в конце XV века, раввины стали ссылаться на три клятвы, предостерегая

изгнанников от поселения в Земле Израиля, ибо испанские евреи расселялись тогда по всей Османской империи, в состав которой входила Земля обетованная. Хотя власти Османской империи с радостью принимали переселенцев в своих владениях, лишь небольшая группа изгнанников осела тогда в Земле Израиля.

Немецкий раввин Яков Эмден (1697–1776), чье влияние на иудейскую юриспруденцию ощущается и по сей день, опирался на три клятвы в своем осуждении мессианского движения саббатианства. Его основатель Шабтай Цви (1626–1676), лжемессия родом из Смирны (Измира), обещаниями о немедленном Избавлении увлек за собой целые общины, но вскоре отрекся от иудейства и принял ислам. Последствия этой истории потрясли еврейский мир и усилили подозрительность к любому, кто только даже намекал, что он – Мессия. Подчеркивая, что речь идет об эпохе милосердия Господня, когда Избавление было действительно близко, раввин Эмден обвиняет лжемессию в попытке ускорить этот процесс, что привело к великим бедствиям. Три клятвы упоминаются даже в трудах Цви Гирша Калишера (1795–1874) и Иегуды Алкалая (1798–1878), которых многие сионисты считают своими духовными предтечами. Эти раввины поддерживали поселение евреев в Святой земле, ибо оно не имело ничего общего с массовым энтузиазмом, который как раз и призваны сдерживать приведенные в Талмуде три клятвы.

Алкалай был лишь одним из многих сефардских мыслителей, пытавшихся остудить мессианский энтузиазм. Авторитетный еврейский правовед раввин Йосеф Хаим из Багдада, более известный под именем Бен Иш Хай (1834–1909), также ссылался на три клятвы, запрещая подобную самодеятельность[29]. Очевидно, что возвращение в Землю Израиля с помощью политических средств противоречит традиционному пониманию мессианского Избавления.

Ожидание Мессии, Искупителя Израиля, даже если оно кажется радикальным и нереалистичным, должно оставаться свободным от каких бы то ни было «заменителей». В еврейской традиции Изгнание понимается как исцеление и очищение. Логику, стоящую за ожиданием Избавления, можно обнаружить в притче, приписываемой раввину Йосефу Хаиму Зонненфельду (1848–1932), одному из столпов палестинской религиозной общины:

«Господь изгнал нас из-за наших грехов, и Изгнание – это больница для еврейского народа. Невозможно представить себе, чтобы мы снова заняли свою землю, пока не вполне исцелились. Бог хранит и защищает нас, посылая нам свои “целительные” испытания в точном соответствии с нужной дозировкой. Мы

уверены, что, когда полностью исцелимся от грехов, Бог не будет медлить ни секунды, а тут же спасет нас Сам. Как же мы можем торопиться покинуть больницу перед лицом смертельной опасности, нависшей над нами, упаси Господь? Мы ждем Избавления, которое полностью исцелит нас; мы не хотим возвращаться в царский дворец, не выздоровев, избави Бог»[30].

Чтобы поддержать свое упование на милость Господа, верующие евреи стремятся жить по Торе, полагая, что каждое доброе дело имеет влияние на судьбу всего мира. Каждый поступок, даже самый незначительный, будет оценен Всевышним, когда будет решаться вопрос об окончательном Избавлении.

История разрушения двух храмов в Иерусалиме чрезвычайно важна для иудейского морального воспитания. Сионисты тоже используют ее, превращая маккавеев и Бар-Кохбу в борцов против иноземных захватчиков и героев исторического романа. Урок, извлекаемый сионистами из истории, диаметрально противоположен традиционному подходу: с их точки зрения, евреи должны были сражаться лучше и упорнее.

Таким образом, совершенно очевидна глубокая пропасть между пониманием истории в еврейской традиции и логикой сионизма, порожденного приверженцами европейского романтического национализма. Неудивительно, что в 20–30-е годы XX века противники сионизма пытались достичь сепаратного соглашения с арабским руководством. Позже, в разгар тяжелых боев в Иерусалиме после провозглашения Бен-Гурионом (1886–1973), основателем Государства Израиль, независимости в мае 1948 года, ими были организованы демонстрации под белыми флагами. Сионисты считали такое «предательское» поведение следствием изгнания. И они не ошибались, ибо Изгнание продолжает занимать центральное место в еврейской традиции и мировоззрении.

Даже текст молитвы, которую каждый соблюдающий традицию еврей произносит три раза в день, содержит подобные высказывания:

«Благословен Ты, Господь, собирающий рассеянный по свету народ Свой, Израиль! Снова поставь над нами судей, как в прежние времена, и наставников, как было раньше…»[31]. Благословение, произносимое после трапезы, содержит строки о возвращении в Землю обетованную. Завершение этого благословения – в страстной мольбе: «И восстанови Иерусалим, святой город[32], в скором времени, в наши дни. Благословен Ты, Господь, возрождающий по милости Своей Иерусалим. Амен!»[33]

В то время как одни подсчитывают число упоминаний Иерусалима для оправдания аннексии Израилем Святого города,

последователи традиции видят в этих словах не только выражение духовных чаяний, но и отказ от претензий на земное могущество и мольбу к Творцу о милосердии. Использование этого текста в качестве призыва к национально-освободительной войне в действительности оказывается не только анахронизмом, но и отклонением от его очевидного смысла.

Возникновение сионизма в XIX–XX веках вызвало серьезный интерес к иудейским источникам, в которых рассматривается характер грядущего спасения еврейского народа. Хотя диапазон толкований Избавления в них весьма широк, чаще всего оно связано с приходом Мессии. Эта идея была и остается в еврейском самосознании, и поэтому предостережений против мессианского авантюризма становилось все больше по мере того, как сионизм набирал силу, а массы проникались его идеями.

Политолог Шломо Авинери – один из тех, кто считает связь евреев с Землей Израиля парадоксальной. Подчеркивая ее решающую роль в еврейском самосознании, он признает, что до появления сионистов евреи не предпринимали даже малейших попыток массового заселения страны: «…как бы глубока и интенсивна ни была эта связь, она не меняла основ еврейского бытия в изгнании»[34].

В молитве, произносимой религиозными евреями как в Израиле, так и в других странах в праздники Пасхи, Пятидесятницы и Кущей (Песах, Шавуот и Суккот), говорится не только о том, как евреи совершали паломничество в Иерусалим во времена существования Храма, но и о том, что Изгнание продолжается:

«Бог наш и Бог отцов наших, за грехи наши мы были изгнаны из своей страны и оказались вдалеке от земли нашей… Собери нас, рассеянных среди народов, и собери наши общины, разбросанные по краям земли; и приведи нас, ликующих, в Сион, город Твой, и в Иерусалим, в храм Твой, даровав нам радость навеки»[35].

Несмотря на то что примерно половина евреев мира ныне живет в Израиле, в эту молитву не было внесено никаких исправлений. Упование на приход Мессии остается в силе, и факт физического присутствия миллионов евреев в Израиле ничего не меняет. Более того, хотя текст молитвы един для всех религиозных евреев, понимают ее по-разному: одни уверены, что создание Государства Израиль – это чудо, предвещающее скорое наступление окончательного Избавления; другие полны мрачных предчувствий, что за сионистским бунтом неминуемо последует ужасная кара. Речь идет о богословской трактовке еврейской истории о том, что значит быть евреем.

Кто такие евреи? История и коллективная память

Пусть высказывание английского философа Леона Рота предварит эту тему и послужит ее фоном: «Сначала – иудейство. Это не продукт, а программа, и евреи – средство ее осуществления»[36].

Необходимо понимать, что иудейство всегда было чем-то большим, нежели общим числом его последователей. Иудейство создало евреев, а не наоборот[37].

Чтобы оценить то, что происходит с евреями вот уже более двух веков, необходимо понять: секуляризация, то есть полное освобождение от «ярма Торы и ее заповедей»[38], вбила клин между понятиями «еврей» и «иудей». До XIX века понятие «еврей» было нормативным: речь шла о человеке, поведение которого основано на четких принципах (заповедях Торы), являющихся общими для всех евреев. Даже нарушив какую-либо заповедь, еврей не отрицал ее значимости. «…А вы будете у меня царством священников и народом святым» (Исход, 19:6). Эти слова остаются для такого еврея заповедью и источником вдохновения, но в этом библейском стихе отнюдь не утверждается, что евреи по природе «святой народ». В нем нет ни малейшего намека на то, что земля может наделить человека святостью.

Американский раввин немецкого происхождения Симон Шваб (1908–1994) описывает традиционную еврейскую жизнь так:

«Еврейский народ на каждом материке жил своей жизнью, посвящал себя служению Богу, держался в стороне от политических перипетий остального мира, от которого иногда исходила вынужденная любовь, а иногда – безграничная ненависть… Иудейство давало лишь одно истинное определение еврейского предназначения, еврейской истории и будущего евреев: верность учению Божьему составляет смысл жизни каждого еврея. Она же [верность] служила основой этнической общности, национального единства евреев, переживших крушение своей политической независимости… Кроме того, была пламенная надежда и всепоглощающая тоска по все еще неведомому будущему, страстное ожидание Мессии, который придет и сплотит человечество вокруг святыни Господней»[39].

Последователи реформистского* иудейства, распространившегося тогда в Центральной и Западной Европе, перестроили религию, однако не отказались от нее как таковой. В отличие от них последователи еврейских радикальных движений

в Восточной Европе стремились устранить само понятие религиозного долга. В ходе секуляризации произошел революционный переворот в еврейском самосознании – «еврейство» из нормативного понятия превратилось в описательное. Традиционно евреи отличаются от своего нееврейского окружения тем, что они делают или должны делать; новые евреи являются таковыми только по факту своего происхождения и не ощущают никакого чувства долга по отношению к Богу. Отметим, что подобное отношение можно наблюдать и у антисемитов, считающих евреев чужим народом или даже чужой расой, вне зависимости от их веры.

Примерно с XIX века стало особенно трудно определить, кто такие евреи, ибо большинство их утратило значительную часть основ собственного самосознания. Речь идет о практике соблюдения заповедей Торы, которая, в отличие от веры, имеет наглядное выражение в повседневной жизни благочестивого еврея. В качестве примера можно привести законы о субботе или о кошерной* пище. Всякий раз, когда еврей следует заповеди, окружающие могут легко распознать его принадлежность к еврейству. Очевидный характер соблюдения значительного числа заповедей, в свою очередь, влияет на самих евреев, укрепляя их верность Торе. Как сказано в сборнике высказываний о еврейской морали «Пиркей авот», «…[исполнение] заповеди влечет за собой [исполнение] другой заповеди, а проступок влечет за собой проступок»[40]. Это справедливо и по отношению к другим заповедям. Например, понятие семейной чистоты подразумевает отказ от физического контакта между мужем и женой в период менструации и семи дней после него, а правила соблюдения субботы определяют отношение еврея ко времени.

Традиционное еврейское самосознание зиждется на соблюдении заповедей Торы. Массовое отстранение от религии в таком случае означает, что эти самые заповеди начинают разделять евреев, воздвигая между ними преграды. При этом ассимиляция, т. е. потеря одной частью социума (или целым этносом) своих отличительных черт, не является чисто еврейским феноменом. Мишель Брюне – ученый, специализирующийся на истории канадцев французского происхождения, – так определяет ее: «Ассимилироваться – значит, стать похожим. Ассимилируемый забывает, кем он является, и изо всех сил старается подражать тем, на кого хочет стать похожим. Тяга к ассимиляции всегда возникает из желания или необходимости подражать другим… Он стремится к тому, чтобы общество приняло его»[41].

Тогда возникает вопрос: являются ли евреи единым народом? Чтобы ответить на него, вернемся еще раз к Лейбовичу:

«Исторически еврейский народ определяли не как расу, не как народ той или иной страны, той или иной политической системы, не как народ, говорящий на одном языке, а как народ иудейства, Торы и заповедей… Слова знаменитого арабского философа и раввина Саадии Гаона (882–942) (“Мы являемся народом только благодаря Торе”) имеют не только назидательный, но и эмпирический смысл. Они указывают на исторический факт, влияние которого ощущалось повсеместно вплоть до XIX столетия. Именно тогда возник разрыв, который и по сей день продолжает увеличиваться: разрыв между еврейством и иудейством… Большинство евреев, искренне сознавая свое еврейство, не только не принимают иудейство, но относятся к нему с отвращением»[42].

Еврейский национализм зародился во второй половине XIX века среди ассимилированных евреев. Бесплодность индивидуальных попыток приобщиться к окружающему обществу подтолкнула их к идее коллективной ассимиляции – они решили выковать из евреев нацию, подобную европейским. За такие открыто противоречащие еврейской традиции идеи это движение, получившее название «сионизм», было в то время отвергнуто большинством евреев. Сионизм изменил еврейскую жизнь и даже само значение слова «Израиль». Как пишет раввин Джейкоб Нузнер, американский ученый, один из самых плодовитых исследователей иудейства: «В большинстве версий иудейства принадлежать “Израилю” – значит, строить жизнь по образу и подобию Божьему, как об этом написано в Торе. Сегодня в синагогальном богослужении словом “Израиль” обозначают святую общину, но при этом в еврейской общественной жизни точно так же называют Государство Израиль»[43].

Нузнер приходит к заключению, что «государство стало важнее, чем евреи», и таким образом проводит четкую границу между евреями и иудеями, а также делает акцент на происходящем вот уже более ста лет сдвиге в еврейском самосознании, вследствие которого из «народа общей веры» евреи превращаются в «народ общей судьбы»:

«Сколь бы малым ни являлось сообщество евреев, иудейство как религия может, тем не менее, процветать среди тех, кто его исповедует. Однако даже если евреев будет много и они обретут влияние, но при этом перестанут исповедовать иудейство… религия потеряет свой голос, хотя евреи как сообщество будут процветать. Вывод прост. Книга, то есть набор религиозных идей, отвлеченных от социума, не является иудейством; но и мнения по любому вопросу, даже если их придерживаются все евреи вместе взятые, иудейства тоже не составляют…»[44]

История занимает важное место в еврейской традиции. Даже в Торе присутствуют отсылки к ней: «Вспомни дни древности, помысли о годах всех поколений» (Второзаконие, 32:7). В иудействе функции истории многообразны: это и некий фон, и мировоззрение, а не только источник информации. Йосеф Хаим Йерушалми (1932–2009), профессор Колумбийского университета, утверждал, что Библия представляет собой рассказ о Божественном вмешательстве в историю, а не свидетельства исторических событий. Ее задача – уберечь евреев от искушения заменить Бога собой, представляя себя в качестве деятеля истории. В еврейской традиции подчеркивается не исторический процесс, а моральные выводы, которые следует из него извлечь:

«Назначение и отстранение римских прокураторов, династические интриги императоров, завоевания парфян и Сасанидов не предлагали ничего нового и полезного по сравнению с тем, что уже было известно. Даже перипетии династии Хасмонеев или интриги потомков Ирода, хоть они и относятся к еврейской истории, не выявляли ничего существенного и, как правило, игнорировались»[45].

В иудейских источниках мало говорится о военных действиях во время осады Иерусалима в I веке н. э. Важнее главный урок, извлеченный из этого поражения: Храм был разрушен за грехи евреев, в особенности за их беспричинную вражду между собой[46]. По Талмуду, мелкие склоки возгордившихся своим положением евреев привели к всенародной (по мнению многих – даже всемирной) трагедии[47]. В еврейской традиции относительно этих событий говорится следующее: нужно быть осмотрительным и осторожным в своих поступках, так как последствия предугадать невозможно. В конечном итоге ответственность за разрушение Храма и Изгнание из Святой земли несут сами евреи.

В еврейской традиции истории отводится роль «наставника», а ее уроки заключены в Торе, письменной и устной: «Безграничная верность мудрецов библейскому толкованию истории в немалой степени объясняет отсутствие среди их трудов исторических сочинений. Не требовалось никакой новой исторической концепции для того, чтобы найти место Риму, или, если уж на то пошло, любой другой возникшей впоследствии империи»[48].

С этой точки зрения история евреев зависит от их верности Завету, то есть союзу Бога с избранным Им народом. Несчастья, выпавшие на долю евреев, – в том числе Изгнание из Земли обетованной, – воспринимаются как наказание, посланное во искупление грехов. Эта концепция снова и снова повторяется в

еврейской традиции. Однако под влиянием все более массового отхода европейцев от религии жаждущие ассимиляции евреи перестали доверять трактовке своей истории с позиций еврейской традиции.

Резкие перемены в жизни евреев во время их эмансипации в XIX–XX веках вызвали рост интереса к истории в европейском понимании этого слова, в особенности среди евреев, жаждущих отойти от традиции. Йерушалми писал:

«Современные попытки воссоздать еврейское прошлое предпринимаются в момент резкого перелома в преемственности еврейского образа жизни и, как следствие, стремительного упадка коллективной памяти евреев. В этом смысле история становится тем, чем она никогда не была, – верой падших [то есть покинувших Бога] евреев»[49].

Другими словами, в умах многих евреев место теперь уже ничего не значащей традиции заняла история.

В христианском сознании евреи, отказавшись признать Иисуса Мессией, исключили себя из исторического процесса. Поэтому их «возвращение в Историю» возможно лишь в случае признания Христа истинным Спасителем. Согласно этому богословскому толкованию, сосредоточение евреев на Земле обетованной приближает Второе пришествие и тем самым как бы позволяет им вернуться в Историю. Желание «собрать изгнанных евреев» – один из важнейших мотивов в истории и практики англо-саксонской протестантской мысли, начиная с XVII века[50]. Однако набожные евреи считают идею о том, что утрата государства отлучила их от Истории, несостоятельной.

Осколки христианского взгляда на мир сохраняются даже в светской исторической мысли XIX века, несмотря на ее кажущееся освобождение от религии. В период, когда понятие «история» стало означать политическую историю, то есть историю государств, был сделан вывод, что с разрушением еврейского государства в I веке нашей эры «история Израиля подошла к концу»[51]. По мнению английского историка Лайонела Кочана, еврейские мыслители XIX века воспринимали евреев как одну из «внеисторических наций», наподобие не обладавших на тот момент собственным национальным государством украинцев, румын или латышей, и отличную от таких «исторических наций», как, например, венгры, немцы или итальянцы. Другие ученые-евреи искали в истории руководство к действию и, вслед за Марксом, утверждали, что следует не только изучать историю, но и изменять ее: создать государство и тем самым «вернуться в Историю».

Эту позицию категорически отвергли влиятельнейшие

раввины начала XX века. В то время как сионисты настаивают на том, что историю евреев вне Израиля творили неевреи, многие критики сионизма утверждают, что, напротив, евреи продолжают нести ответственность за свою историю. Они говорят о чувстве ответственности евреев перед Богом, чьи атрибуты – справедливость, милосердие и сострадание – определяют судьбу отдельных евреев и еврейства в целом. Высказывая немало гипотез относительно механизма взаимоотношений между Богом и индивидуумом, философия иудейства предлагает самые разнообразные концепции, объясняющие, каким образом поведение человека влияет на историю евреев и всего мира[52]. В отличие от современных представлений евреев о себе, в традиционном мировоззрении предполагается, что все происходящее с евреями определяется их же собственными поступками.

Мысль о том, что евреи были исключены из Истории, потому что утратили государство, не пользуется единогласной поддержкой даже среди мыслителей, далеких от еврейской традиции. Франц Розенцвейг (1886–1929) и Семен Дубнов (1860–1941) испытывали по отношению к сионизму лишь презрение и настаивали, что пребывание евреев в разных странах было неотъемлемым условием их выживания на протяжении многих столетий:

«Поскольку еврейская история со своего возникновения движется от Изгнания к Изгнанию, от диаспоры к диаспоре, дух Изгнания, отчуждение от своей земли («Erdfremdheit»), борьба за возвышенную жизнь против скатывания к ограничениям, которые накладывают земля и время, запечатлены в истории этого народа с самого начала»[53].

В рамках сионистской историографии утверждается, что на протяжении всего своего существования еврейский народ неотвратимо шел к одной цели – созданию Государства Израиль. Израильские историки первого поколения – например Бен-Цион Динур (1884–1973), родившийся в Российской империи и занимавший пост министра просвещения и культуры Израиля в 1951–1955 годах, – многое сделали для укрепления этой телеологической схемы: для них превыше всего была верность идеалам сионизма. В своем «слезоточивом» подходе к истории они делали упор на преследования и гонения, которым подвергался еврейский народ на протяжении многих веков. Очищенное от религиозного толкования пережитых страданий прошлое вызывало ощущение безнадежного тупика, выходом из которого мог стать лишь радикальный проект коллективного освобождения.

В 80-е годы XX века некоторые израильские историки и журналисты (так называемые новые историки) стали подвергать сомнению основополагающие мифы сионистской идеологии. Они осудили массовую «сионизацию» исторических работ, написанных в Израиле, и телеологическую деформацию истории еврейских мессианских движений[54]. Идеологизированное прочтение истории, в рамках которого были исключены любые иные ее варианты, позволило воспитывать в патриотическом духе несколько поколений израильтян. Однако подобный подход все сильнее критикуют как в Израиле, так и за его пределами:

«Отвергая детерминизм своих предшественников, “новые историки” провели двойной пересмотр еврейской истории: с одной стороны, они восстановили доброе имя диаспоры, неизменно презираемой в рамках сионистского мировоззрения; с другой – снизили значение национализма в еврейской истории, которая таким образом предстает более многоголосой, более многополярной и, главным образом, более открытой по отношению к мировому сообществу, в том числе к христианам и мусульманам»[55].

Процесс разоблачения мифов, происходящий сейчас в израильских университетах, все сильнее влияет на тех, кто испытывает сомнения по поводу сионизма. Новые историки и набожные противники сионизма едины в порицании милитаризма, присущего сионистскому движению. Существуют документированные обвинения ряда сионистских руководителей в безразличии и бездействии во время массового уничтожения евреев во время Второй мировой войны, а порой и в причастности к нему. Многие недовольны «культурным геноцидом» иммигрантов, например евреев-йеменитов[56]. На основе данных армейских архивов и личных дел отцов-основателей государства были опубликованы разоблачительные материалы, свидетельствующие о том, как сионисты относились к арабам и евреям из арабских стран. Работы нового поколения историков вызывают бурю протестов. Их обвиняют в том, что они подрывают идеологию сионизма, провоцируя тем самым значительную часть израильской молодежи на отказ от идейных основ своего государства.

Иными словами, сегодня ставится под вопрос «…вся сумма элементов израильского национального сознания, “сконструированного” за сто лет существования сионизма… Мы далеки от тех времен, когда у страны был единый голос»[57]. В действительности единства никогда и не существовало: голоса, отличные от общего хора – в особенности голоса религиозных недругов сионизма, – просто не были слышны. С 2010 года

израильский парламент ввел законодательные меры, ограничивающие доступ к альтернативной информации. В частности, под запрет попали все данные, касающиеся «аль-Накба» (араб. «катастрофа») – так палестинцы называют события 1947–1949 годов. По новому закону, муниципалитеты и школы, которые попытаются отметить день палестинской трагедии, должны выплачивать штраф[58].

В период энтузиазма по поводу мирного процесса 1990-х годов израильская молодежь познакомилась с идеями палестинского национального движения, отвергающего исключительное право евреев на Землю Израиля. На самом деле уже начиная с конца 70-х годов – за несколько лет до появления новых историков – в ряде опубликованных в Израиле трудов стал признаваться факт изгнания палестинцев в 1947–1949 годах[59]. Сегодня почти половина израильтян неарабского происхождения считает, что сионисты проводили политику террора в отношении палестинских арабов и устраивали этнические чистки с целью создания сионистского государства[60].

Однако признание это может оказаться недолговечным. Коллективная память сионистов по-прежнему оперирует категориями добра и зла («мы – хорошие, а палестинцы, арабы и мусульмане – плохие») и идеалами доблести, воинской славы и геройства[61] – качеств, которые, по их мнению, еврейский народ растерял в Изгнании. Приверженцы традиции[62] же, напротив, учат, что именно эти качества, являясь проявлением гордыни и непримиримости, и привели к Изгнанию. Эти несовместимые точки зрения определяют, какие уроки каждый из двух лагерей извлекает из истории:

«Сегодня еврейство живет двойной жизнью. В результате эмансипации в диаспоре и национального самоопределения в Израиле евреи полностью вернулись в русло истории, но их представления о том, как они там оказались и каково их место, имеют больше общего не с реальностью, а с мифами. Миф и память определяют действия. Есть жизнеутверждающие мифы, которые, применительно к нашей эпохе, заслуживают переосмысления. Есть и такие, которые уводят нас в сторону, и их следует преобразить. Прочие опасны, и их нужно разоблачить»[63].

Новое прочтение истории, в рамках которого были развенчаны привычные мифы о становлении Израиля, сопровождается обвинениями новых историков в самоненависти и создании угрозы коллективного самоубийства. Романтический светский национализм, присущий сионизму в первые десятилетия существования идеологии и подчеркивавший связь евреев с

Землей Израилевой, ныне угас. Между тем усилилось движение национал-иудаизма, члены которого стараются укоренить сионизм в еврейской духовной преемственности. Именно они активно заселяют занятые в 1967 году территории, несмотря на то что большинство евреев Израиля не разделяют ни религиозных взглядов этого движения, ни его политического мировоззрения. Идеологию этого движения поддерживают в основном выпускники школ в системе национал-иудаизма и часть новых иммигрантов. Пытаясь «нормализовать» евреев, националисты вынуждены бросить вызов еврейской исторической преемственности с ее понятиями вознаграждения и наказания, Изгнания и Избавления.

Начиная с XIX века светское мировоззрение еврея приобретает социокультурный оттенок: в нем отвергается иудейство, но присутствует стремление сохранить принадлежность к языку (идишу) и культуре. Его носители склонялись к разным политическим течениям, часто социалистического или националистического толка[64]. Светское самосознание еврея, лишенное традиционного понимания еврейства, является сегодня краеугольным камнем сионизма. Термины «светский» и «секулярный» не вполне соответствуют израильскому понятию «хилони» – так с XIX века называли евреев, полностью отказавшихся от соблюдения иудейских заповедей. В Израиле этот термин приобрел более воинственное звучание и в настоящее время означает скорее «антииудейский» или даже «антисемитский».

Концепция, в рамках которой утверждается общее происхождение всех евреев мира – в частности, их родство с библейскими иудеями, – продолжает вызывать споры[65]. По мнению израильского историка Исраэля Барталя, «хотя в израильском обществе и существует миф об Изгнании с территории еврейской Родины, в серьезных дискуссиях специалистов по еврейской истории ему практически нет места»[66]. Такая популярная трактовка истории обязана своим появлением европейской эмансипации и секуляризации еврейского самосознания – тенденциям, без которых было немыслимо зарождение сионизма.

Евреи Европы: между равенством и истреблением

Евреи появились в Европе еще во времена Римской империи, раньше многих «коренных народов», например венгров, что, впрочем, не защищало их от преследований со стороны большинства. Некоторые еврейские общины процветали, другие жили в нищете, но в разные исторические периоды все они подвергались гонениям. Ненависть к евреям активно разжигалась Церковью, отобравшей у евреев статус избранности и, более того, возлагавшей на них вину за распятие Иисуса Христа. Иногда иудеям приписывали совершение ритуальных убийств, отравление колодцев и другие вымышленные преступления, за которые их грабили, изгоняли, а то и уничтожали.

Еврейские общины Европы до сих пор остаются очень разнородными. Процветающие общины жили в мусульманских странах на Пиренейском полуострове в эпоху Средневековья. Период относительно мирного сосуществования в регионе евреев, христиан и мусульман закончился с наступлением Реконкисты, когда евреи и мусульмане оказались перед выбором между изгнанием или обращением в христианство. Сотни тысяч евреев были выдворены тогда в другие страны и на другие континенты. Те, кто остался в Европе, нашли пристанище в Османской империи, в протестантских странах (Голландии и Англии) или дошли до Польши, где евреев чтили как умелых посредников между знатью и крестьянством. После раздела Речи Посполитой во второй половине XVIII века около миллиона евреев оказались российскими подданными.

Понятие равенства была чуждо обществу того времени. Лишь после Великой французской революции, пусть и не сразу, евреи стали полноправными гражданами Франции, а затем и завоеванных Наполеоном стран. В XIX веке Австро-Венгерская империя, Великобритания и, наконец, объединенная Бисмарком Германия даровали юридическое равенство своим подданным-евреям.

Эмансипация евреев Наполеоном обострила мессианские чаяния. Целыми общинами, от Нидерландов до Польши, евреи приветствовали Наполеона как Избавителя, который приведет их в обетованную землю свободы, равенства и братства. В честь своих освободителей они сочиняли оды, полные мессианских мотивов[67]. Впрочем, когда Наполеон во время Левантийской кампании (1799 год) призвал «всех евреев… встать под его

знамена» и предложил возродить еврейское государство в Палестине, его призыв, даже подкрепленный обещанием восстановить Храм, энтузиазма не вызвал[68]. Избавление перестало быть прерогативой Бога и стало предметом мирских политических действий, и именно этот разрыв с еврейской традицией столетием позже эхом отзовется в сионистской идеологии.

Страстное ожидание Мессии – лейтмотив еврейской истории. Время от времени, когда оно проявлялось с особой силой, раввины охлаждали энтузиазм масс, опасаясь разочарования и отхода евреев от иудейства – история Шабтая Цви тому пример.

Эмансипация европейского еврейства продолжалась с конца XVIII века до тридцатых годов XX века, когда победа нацизма трагически прервала этот процесс на целое десятилетие. Отменив политические, общественные и профессиональные ограничения, существовавшие в большинстве христианских стран Европы на протяжении столетий, эмансипация обеспечила евреям равенство перед законом. Формально они влились в современный мир в качестве полноправных граждан, однако, с точки зрения антисемитов, равенство евреев всегда представляет собой угрозу для общества.

Свободы, начертанные на знаменах наполеоновской армии, решительно изменили европейское сознание, но их влияние на христианское население было менее радикальным, чем влияние на евреев. Эмансипированный еврей должен был перейти с привычного идиша на язык страны проживания, привести свою одежду в соответствие с европейской модой и даже сменить род занятий. Не отвергая эмансипацию полностью, многие еврейские мыслители и крупные раввины были обеспокоены размахом и глубиной перемен, произошедших с европейским еврейством в XIX столетии. Заметим, что сионизм и созданное на его основе Государство Израиль были бы немыслимы без изменения еврейского самосознания под влиянием идей Просвещения и Французской революции[69].

Возникновение этнического (органического) национализма в Европе XIX века лишь ослабило, но не устранило политический либерализм и его благодатный эффект на евреев Западной Европы. В то же время в Центральной и Восточной Европе, где сионизм впоследствии будет черпать свои основные силы, органический национализм активно склонялся к нетерпимости, воинственности и исключительности. Национальное возрождение в этой части Европы требовало жертв, в особенности от тех, кто не принадлежал к «коренной» нации. В то время это считалось нормой[70].

Интернационализм большевиков и их обетование нового мира снова пробудили мессианские чаяния, и многие оставившие иудейство евреи с энтузиазмом приняли участие в строительстве социализма. В то же время раввины скептически относились к такого рода упованиям: они предупреждали о неизбежном разочаровании, которое последует за ожиданием Избавления посредством мирских политических мер. Сионизм был только одним из многих вариантов национализма, вдохновлявших миллионы людей в Европе прошлого века.

В Западной Европе еврей в результате эмансипации стал полноправным гражданином своей страны, а также частью конфессиональной общины, хотя его привязанность к религии по сравнению с предыдущими столетиями ослабла. Эмансипация позволила еврею впервые ощутить себя, подобно своим соседям, французом, немцем или итальянцем, потому что принятые в иудействе термины «нация» и «народ» имели мало общего с теми же понятиями в христианском обществе. С другой стороны, это концептуальное расхождение позволяло лидерам немецких ортодоксов* говорить о беспрекословной верности Германии в рамках традиционного иудейства.

Раввин Самсон Рафаэль Гирш (1808–1888) лидер ортодоксов в Германии, поощрял активное участие евреев в делах общества, принятие ими немецкой и в целом западной культуры, при этом продолжая строго соблюдать законы иудейства на личном уровне. Для Гирша еврейский национализм – понятие духовное, не связанное с проживанием в Земле Израиля, тем более с установлением над ней политического суверенитета. «Тора не существует ради государства; напротив, [истинно еврейское] государство существует только ради Торы» [71]. В то время как Европу раздирали национальные конфликты, Гирш оставался верным классическому положению о том, что только благодаря Торе евреи могут считать себя единым сообществом:

«Мы возносим молитвы и питаем надежды на возвращение в нашу страну не для того, чтобы сиять, как еще одна нация среди прочих, а для того, чтобы найти почву для лучшего исполнения своего духовного призвания при возвращении в эту землю, которая была нам обетована, и дана, и снова обетована для соблюдения Торы. Но само это призвание обязывает, пока Бог не призовет вернуться на Святую землю, жить и трудиться там, куда он нас поместил. Всюду мы должны прилагать все материальные и духовные силы и все, что в нас есть благородного, дабы помочь благосостоянию народов, давших нам приют»[72].

Йехиэль Яков Вайнберг, влиятельный раввин XX века, утверждал, что «…еврейская национальная принадлежность иная,

нежели у всех других наций; она уникальна своей духовностью и тем, что эта духовность – не что иное, как Тора… С точки зрения традиции, евреи могут обрести счастье, лишь соблюдая божественные заповеди в «четырех локтях еврейского закона»[73].

Продвигавшийся на восток процесс эмансипации остановился на границах Российской империи. Вдохновленный новыми европейскими реалиями, один из ведущих теоретиков сионизма, торговец чаем из Одессы Ашер Гирш Гинцберг (1856–1927), выступавший под псевдонимом Ахад Гаам («человек из народа»), утверждал, что иудейство – необязательный, факультативный аспект еврейского самосознания. В Российской империи, где эмансипация запаздывала, а евреи жили в сравнительно компактных общинах, идея «необязательности еврейской религии» произвела иной эффект: в России возникло понятие «светский еврей».

Это новое понятие, быстро завоевавшее популярность в Восточной Европе (в особенности в Российской империи), исключает религиозный, то есть к чему-то обязывающий компонент бытия евреем, сохраняя при этом лишь биологические и культурные составляющие. Большинство евреев ощущало себя чужаками в Российской империи, в особенности после убийства в 1881 году Александра II. Вследствие погромов, а также под влиянием социалистических идей светские евреи совершенно по-новому стали определять свое отношение как к религии, так и к Российскому государству, в котором евреев продолжали считать иноверцами, то есть, как и в Западной Европе, религиозным меньшинством.

Парадоксально, но история последних лет правления династии Романовых, возможно, оказала не меньшее влияние на историю Израиля, чем на историю России. Социальное продвижение евреев в России, несмотря на их стремление влиться в русскую культуру, было куда более ограничено, чем в европейских странах. Отсутствие возможностей для самореализации вызывало у них сильное недовольство. Значительная часть российских евреев, ощутив рождение нового светского самосознания, попала под влияние радикальных идей и приняла теорию и практику политического насилия. В этом смысле история евреев царской России остается исключением. Евреям в других странах не пришлось испытывать погромы и в ответ браться за оружие, защищаясь от своих нееврейских соседей. Уроки событий, приведших к революции 1905 года в России, все еще оказывают влияние на сегодняшний Израиль, чья политическая структура несет на себе отпечаток восточноевропейской ментальности.

Лишь при Сталине евреи потеряли статус иноверцев и превратились в «лиц еврейской национальности», что позже было зафиксировано в их паспортах, точно так же как у русских, армян или узбеков. Несколько поколений спустя пресловутая «пятая графа» в паспорте стала последним признаком национальной принадлежности, которая не доставляла радости большинству евреев, и к тому же была лишена какого-либо культурного и религиозного содержания. Пятая графа оставалась лишь помехой при найме на работу, в продвижении по службе и повседневном общении. В связи с этим у советских евреев развилось новое самосознание, лишенное всякого религиозного содержания. В то же время евреи достаточно быстро интегрировались в советское общество и заняли важное место в политической, научной и культурной жизни страны.

Таким образом секуляризация привела к более существенным переменам среди евреев, чем среди других народов Европы, сохранивших свои национальные черты вне зависимости от степени своей религиозности. В то время как еврей изменил язык, подчас имя и отчество, самое культуру быта и поведения, русский, потерявший веру в результате активной борьбы коммунистов с религией, все равно остался русским – со своими обычаями, языком и культурой.

Если в СССР евреи имели статус национального меньшинства, то в Центральной и Западной Европе они составляли группу конфессиональную, которая формально пользовалась всеми гражданскими правами. Однако на деле ситуация была куда более сложной. Общество противилось интеграции евреев, в особенности их социальному продвижению. Даже евреи, перешедшие в христианство, испытывали на себе это сопротивление, хотя теперь их отвергали уже не по религиозным соображениям, а по этническому признаку.

Существует мнение, что термин «антисемитизм» впервые употребил Мориц Штайншнайдер (1816–1907) – австрийский интеллектуал еврейского происхождения, который в 1860 году выступил против «антисемитских предрассудков» (нападок на «семитские народы») в литературе и прессе, особенно в работах Эрнеста Ренана[74]. В XIX веке отождествление народов и рас с языковыми семьями было обычной практикой. Именно тогда появился термин «семиты» для обозначения народов, говоривших на семитских языках – арабов и, в меньшей степени, образованных евреев, использовавших библейский иврит в религиозных целях. Так как из «семитов» в Европе жили только евреи, термин «антисемитизм» принял значение «антиеврейский». В наши дни ко всем врагам Запада (особенно к арабам) общество

испытывает чувства, похожие на антисемитизм. «Все, что говорилось о евреях, говорится теперь об арабах»[75].

Антисемитизм как движение зародился в Германии в 1879 году после создания Антисемитской лиги, целью которой была борьба против «засилья евреев». В соответствии с тогдашними представлениями об антропологии евреев, вне зависимости от их религиозной принадлежности, стали считать расой – это понятие было очень модным на рубеже XIX и XX веков. Любопытно, что арабов, среди которых немало христиан, в наши дни, наоборот, зачастую огульно называют «опасными мусульманами». Историки сходятся во мнении, что придуманное сравнительно недавно понятие «семитские народы» не имеет никакого отношения к объективной реальности. Тем не менее антисемитизм укоренился в массовом сознании жителей многих стран Европы и ее бывших колоний. В Германии он был одним из «кирпичиков» идеологии национал-социализма, которая с помощью огромной бюрократической машины подвергла евреев дискриминации, исключила их из общества и, наконец, попыталась полностью уничтожить. Как уже было отмечено, на целых двенадцать лет, пока нацисты были у власти, процесс эмансипации и интеграции евреев в Европе трагически прервался.

Рост антисемитизма в центральной Европе конца XIX века послужил катализатором для восприятия группой еврейских интеллектуалов протестантской идеи переезда евреев в Святую землю. Зародившийся таким образом еврейский национализм оказался концептуально близок к антисемитизму, утверждавшему, что евреи неспособны стать равными и полноценными членами общества. Сионизм набирал силу прежде всего там, где были сильны антиеврейские настроения и слаба экономика. Именно поэтому лишь очень немногие из британских, французских и американских евреев первоначально примкнули к сионизму, и подавляющее большинство из них до сих пор не покидает свои страны, чтобы переехать в Израиль.

Для сионистов – как евреев, так и христиан – либеральное и мультикультурное общество является одним из главных препятствий для распространения еврейского национального сознания. Сионисты всегда скептически относились к идеям равенства и терпимости, из-за которых более половины евреев мира предпочитает Израилю другие страны. Израильский политолог Зеев Штернхель считает, что для еврейских националистов «принятие евреями либеральных представлений об обществе будет означать конец еврейского народа как самостоятельной сущности»[76]. Теоретики сионизма обвиняют европейский либерализм в том, что, дав евреям право личного

выбора, он лишает их возможности жить полной национальной жизнью.

В странах Восточной Европы антиеврейские настроения были куда сильнее. В качестве показательного, хоть и несколько крайнего, примера отметим, что во время геноцида в Восточной Европе выжило меньше евреев, чем в других странах Европы, включая нацистскую Германию[77]. Поэтому совершенно не удивительно, что сионизм и идея переселения в Палестину/Израиль привлекли в основном восточноевропейских евреев. Большинство первых поселенцев и почти все лидеры сионистов в Палестине были выходцами из этого региона.

Задача по превращению еврейского мировоззрения в особую форму национального самосознания была отнюдь не простой. Евреи, желавшие быть частью западного общества, боялись сионизма и отвергали его. Даже в Российской империи, где они страдали от дискриминации со стороны государства, немногие были готовы принять сионизм, а уж тем более переселиться в Палестину. Из 1,2 миллиона евреев, эмигрировавших из России в начале XX века, лишь 30 тысяч направились в Палестину, и только четверть из них осела там[78].

Историк Авинери подчеркивает, что евреи, эмигрировавшие в Америку или Австралию, реагировали на превратности судьбы в соответствии с еврейской традицией: они переезжали из одной страны в другую, минуя «историческую родину». Парадоксальным образом эта верность традиции Изгнания пережила даже отход от соблюдения иудейских заповедей. Подавление религии и принудительное отчуждение от источников традиционного еврейского самосознания не смогли уничтожить ее. Когда Советский Союз открыл двери для эмиграции, подавляющее большинство уезжавших оттуда евреев предпочитало селиться где угодно, но не в Израиле, несмотря на то, что Израиль, в отличие от Палестины во времена Османской империи, предлагал весь набор услуг современного государства, чтобы привлечь и устроить иммигрантов. В конце XX века Израилю приходилось оказывать дипломатическое давление на своих верных союзников США и Германию и просить их запретить или, по крайней мере, ограничить въезд к себе советских евреев[79]. Таким образом израильское руководство остается верным идеям Бальфура, который был убежден, что место евреев – в Палестине, и противился их иммиграции в Великобританию.

Ту же тенденцию можно было наблюдать и в Северной Африке. Большинство евреев, имевших возможность устроиться во Франции, Канаде или США, так и сделали, презрев систему абсорбции, предлагаемую Государством Израиль. Евреи западных

стран, как уже было отмечено, также переселяются в Израиль в незначительном количестве. Идеологическая «алия» остается редким явлением. Для верных традиции евреев принятие национального самосознания требовало радикальных изменений мировоззрения. Поэтому, сохраняя в той или иной степени верность иудейству, они становились французами-«израэлитами» или немцами моисеева вероисповедания.

Только Государство Израиль дает евреям свободу отринуть свое духовное наследие и стать «нормальным народом». Новое израильское самосознание облегчает коллективную ассимиляцию, не создавая при этом ощущения измены, свойственного ассимиляции индивидуальной (особенно когда она сопровождается переходом в христианство). Основными признаками нового самосознания становятся язык и территория, в то время как традиционное еврейское самосознание основано, как уже не раз подчеркивалось, на духовности, не зависящей ни от общего языка, ни от общей территории.

Такое перерождение было нелегко осуществить, ибо оно требовало самоотчуждения, взгляда на самих себя со стороны. В ходе эмансипации на евреев оказало влияние фундаментальное для христианства различие между религиозным и светским, что позволяет некоторым ученым говорить о «христианской секуляризации» евреев[80]. Такого рода перестройка еврейского самосознания на западный манер произошла в мусульманских странах на век позже.

Это явление непосредственно связано с возникновением сионизма, основанного на христианском или пост-христианском восприятии еврея. Предлагая заселить далекие от Европы земли, лидеры политического сионизма повели евреев по пути европейского колониализма. Термин «сионизм» изобрел в начале 1890-х годов ассимилированный еврей из Австрии Натан Бирнбаум (1864–1937), позаимствовав название одного из иерусалимских холмов – Сиона, который в Торе символизирует всю Землю Израилеву. Бирнбаум занимал пост генерального секретаря Всемирной сионистской организации и всячески способствовал развитию сионистского самосознания, однако спустя несколько лет разочаровался в сионизме и стал его непримиримым критиком. По иронии судьбы аналогичное «преображение» пережил веком позже Авраам Бург. Он также занимал руководящий пост в сионистском движении, а затем отверг понятие «еврейского государства» и стал беспощадно критиковать не только сионизм, но и само израильское общество, в котором родился и вырос:

«Когда я был маленьким… я был евреем. Я ходил в *хедер*

[начальная еврейская школа], где меня обучали выпускники ешивы* [высшее еврейское учебное заведение]. Всю последующую жизнь я был израильтянином. Все вокруг было израильским: язык, запахи, вкусы, места. Сегодня мне этого мало. В моей нынешней ситуации я больше, чем израильтянин. Три самосознания живут во мне: человеческое, еврейское и израильское. Но я чувствую, что последнее лишило меня двух других»[81].

Раввины, легко уловившие связь сионизма с европейскими формами национализма, с конца XIX века осуждали выдвижение «народа» («Volk») на роль исключительного субъекта еврейской истории:

«Нет никакой еврейской нации. Евреи действительно образуют отдельную общность, особую религиозную общину. Они должны развивать свой древний язык, изучать свою богатейшую литературу, знать свою историю, любовно хранить свою веру и идти ради нее на любые жертвы. Они должны надеяться на мудрость Божественного Провидения и верить в него, в обетования своих пророков и в такое развитие человечества, которое приведет к признанию возвышенных идей и истин иудейства. Что касается всего остального, они должны слиться с теми нациями, чье гражданство приняли, сражаться в их битвах и помогать им укреплять законы ради общего блага»[82].

Сопротивление сионизму объясняется еще и тем, что религиозные идеи, лежащие в его основе, по происхождению протестантские, а не иудейские.

Возвращение в Историю

Евреи пришли к идеям сионизма куда позже христиан. Перевод Библии на местные языки (особенно на английский) во время Реформации укрепил веру в то, что возвращение евреев на Святую землю станет важнейшим для христиан событием: Вторым пришествием Христа, за которым последует апокалипсис и признак окончательной победы – массовое обращение евреев в христианскую веру. Идея эта зародилась в Великобритании, где евреев не было уже много веков (они вернулись туда лишь при Оливере Кромвеле в 1656 году). В 1621 году в Англии вышел в свет труд сэра Генри Финча «The World's Great Restauration, or Calling of the Jews, and with them of all Nations and Kingdoms of the Earth to the Faith of Christ» («Величайшая мировая реставрация, или призвание евреев, а вместе с ними и всех народов и царств Земли, к вере Христовой»). Хотя книга и была запрещена королем Яковом I за крамолу, пуритане распространили ее идеи в Северной Америке. Таким образом, в англо-саксонском мире «сионизм» оформился и стал набирать силу с XVIII века, еще до того как был придуман сам термин. Известный ученый и философ Джозеф Пристли (1733–1804) пытался убедить британского раввина Давида Леви (1740–1799) организовать переселение евреев в Палестину. Однако раввин такой мирской способ возвращения на Святую землю отверг, настаивая на том, что евреи должны исполнять свое предназначение в тех странах, где они живут[83].

В основу сионизма легло буквальное прочтение Библии, характерное для многих течений протестантского фундаментализма. В отличие от католиков, следовавших церковному толкованию Священного писания, протестанты устанавливали с Господом прямую личную связь и заменяли созданную Ватиканом традиционную трактовку собственной.

Одно из предсионистских христианских движений было создано в Плимуте англиканским священником Джоном Нельсоном Дарби, который основал диспенсационализм – учение о периодизации «распределения благодати». Опираясь на буквальное прочтение трех библейских стихов (Бытие, 15:18–21), он утверждал, что Второе пришествие Христа возможно только при условии единоличного владения евреями Землей Израилевой. Идеи Дарби упали на плодородную почву в США, где в 1908 году вышла в свет Библия Скофилда («Scofield Reference Study Bible»). Диспенсационалистские комментарии к стихам Священного писания, которые содержит это издание, популярны

и по сей день. На основе этих идей наши современники Тим ЛаХэй и Джерри Дженкинс написали цикл книг «Оставленные» («Left Behind»), изданный более чем 100-милионным тиражом и позднее экранизированный. Образ Государства Израиль, описанный в нем, воплощает видение Дарби. Таким образом христианский сионизм, представляющий сегодня мощную политическую силу, созревал в недрах определенных течений протестантизма на протяжении нескольких веков.

Мысль о том, что евреям место на Святой земле, не чужда и немецкой философии. Эммануил Кант называл евреев «палестинцами, живущими среди нас»[84]. Убежденный противник евреев Иоганн Готлиб Фихте писал о необходимости «завоевать для них землю обетованную и выслать туда всех»[85]. Наполеон призывал евреев селиться на Святой земле под защитой французской армии скорее из геополитических соображений. На первый взгляд казавшиеся религиозными проекты заселения евреями Палестины, как правило, также отвечали стратегическим интересам великих держав.

Великобритания открыла первое консульство в Иерусалиме в 1838 году. Вслед за этим группа шотландских богословов призвала «протестантских монархов Европы» поддержать еврейское заселение Палестины. В 1840 году лондонская газета «Таймз» («The Times») опубликовала «Памятную записку протестантским государям»[86], в котором призывала вернуть евреев в Палестину. Таким образом, проект, перестав быть благой идеей нескольких ревностных христиан, переместился в политическую плоскость. Проводником этой политики стал лорд Пальмерстон (1784–1865), британский министр иностранных дел, впоследствии занявший пост премьер-министра. Хотя сам он усердием в чтении Библии не отличался, ему удалось превратить деятельность отдельных евангелистов в геостратегическую программу, по которой евреям отводилась роль передового отряда в деле продвижения интересов Великобритании[87]. Пальмерстон даже обратился по этому поводу к королеве Виктории[88]. А Министерство по делам колоний, чья поддержка национально-освободительных движений несколько необычна для того времени, с 1845 года разрабатывало план создания независимого еврейского государства, которое должны было прийти на смену британскому протекторату. Для обеспечения жизненного пространства будущим переселенцам предполагалась также депортация местных жителей. Этот европейский сионизм, задуманный государственными деятелями Великобритании, на десятилетия опередил политическое движение, созданное Теодором Герцлем (1860–1904) в 1897 году.

Декларация Бальфура 1917 года – документ объемом меньше страницы – была составлена в преддверии британской оккупации османской Палестины. В ней отразилась многовековая традиция сочетания христианства с имперскими интересами европейских держав. Продолжением этих интересов и стал сионизм. Например, британский активист христианского сионизма Лоуренс Олифант в своем труде предложил поместить арабское население в резервации наподобие североамериканских: «Арабы не внушают нам симпатии… В пустыне, откуда они вышли, их верблюдам и козам будет достаточно места… Мы можем воспользоваться той же системой, что применили в отношении североамериканских индейцев в Канаде. Там они мирно живут в “резервациях” среди населения, занимающегося сельским хозяйством»[89]. Книга посвящена принцессе Елене Шлезвиг-Гольштинской «в знак глубокой признательности за горячую поддержку и сердечный интерес, проявленный Ее Королевским Высочеством к усилиям автора содействовать еврейскому заселению». Олифант опубликовал свою книгу за год до убийства Александра II, которое дало толчок еврейским погромам, и за два года до прибытия в Палестину первых поселенцев из русского движения Хибат Цион* («Любовь к Сиону»). Олифант предвосхитил отношение русских сионистов к местному населению, в частности к местным евреям: «Среди иерусалимских евреев поселенцев [сионистов] мне не найти»[90]. В ней же впервые употребляется термин «репатриация», который впоследствии получил широкое распространение в языке сионистов, особенно российского происхождения.

Еще до появления декларации Бальфура протестантский подвижник Вильям Хехлер (1845–1931) завязал дружбу с Теодором Герцлем, убеждая того собрать евреев на Святой земле. Хехлер был «пророком», который вдохновил «принца» Герцля на спасение евреев[91]. План Герцля был проникнут протестантскими идеями:

«Благодаря ему [Хехлеру] Герцль смог увидеть мессианские знамения, воплотить их и признать в этом знак реальности потусторонних сил. Именно христианин, капеллан посольства Британии в Вене, встал одесную Герцля и сопровождал его на протяжении всего Пути. Воистину очень странная пара мечтала об Избавлении еврейского народа и восстановлении Сиона: “придворный христианин” и порвавший все связи с еврейским наследием журналист, чьи пьесы пользовались успехом в бульварных театрах европейских столиц, который, чтобы раз и навсегда положить конец ужасам антисемитизма, поначалу задумал привести народ Израиля в лоно христианской

церкви»[92].

Андре Шураки (1917–2007), поэт и бывший заместитель мэра Иерусалима, добавляет, что «без сильной руки Хехлера, который распознал в Герцеле вождя и открыл перед ним первые, самые важные двери, не попытался бы он [Герцль], как Моисей перед горящим кустом или Иона, услышавший божественный Зов, бежать от своей судьбы?»[93].

Одно из сильных средств в арсенале сионистов – использование Торы как источника исторической истины в последней инстанции. «Библейское наследие, общее для всех евреев, может помочь скрепить их единство и в конце концов изменить [евреев]»[94]. Именно Бен-Гурион, отвергший еврейскую традицию, имел привычку цитировать Библию в поддержку сионистского предприятия. В своих мемуарах он утверждал, что факт создания Армии обороны Израиля – это свидетельство продолжения эпохи политической независимости евреев времен Иудейского царства[95]. По его мнению, право на создание сионистского государства «вытекает из неразрывной исторической связи еврейского народа с родиной предков – связи, которая признана законной другими странами»[96]. Впрочем, это заявление противоречит его же словам, сказанным в 1918 году: римские власти изгнали лишь некоторых представителей элиты, а большинство евреев времен Второго Храма остались в стране и продолжили заниматься хозяйственной деятельностью. Историки римского периода тоже не нашли свидетельств изгнания всего населения из какой-либо завоеванной страны. Под влиянием византийцев, а затем арабов это население изменилось и превратилось в современных палестинцев.

В 1922 году Бен-Гурион утверждал, что палестинские феллахи (крестьяне) являются самыми вероятными биологическими потомками евреев I века[97]. Однако менее чем через 30 лет, наставляя будущих руководителей Израиля, он категорически отрицал возможность возвращения палестинцев, ставших беженцами в 1947–49 годах, в свои поселения на земли предков. В его глазах еврейские поселенцы европейского происхождения заменили местное население в роли полноправных наследников библейских иудеев. В 1952 году в своей речи о международных отношениях, произнесенной перед Кнессетом*, Бен-Гурион, принимая Библию за исторический и юридический документ, заявил, что его правительство «не таит злобы за преступления в отношении наших предков, совершенные Египтом во времена фараонов»[98]. Такого рода отсылка к описанным в Библии событиям поднимает вопрос о рациональности доводов в области международной политики.

Вопрос этот не потерял своей актуальности. В 2010 году в официальной речи в Вашингтоне премьер-министр Израиля осудил «попытки выставить евреев иноземными колониалистами на их собственной родине»:

«Это один из самых больших обманов нашего времени. В моем кабинете лежит перстень с печаткой, который мне дали на время в израильском Управлении древностей. Это кольцо обнаружили у западной стены [Храма], а изготовлено оно было 2800 лет назад – через 200 лет после того, как царь Давид объявил Иерусалим столицей нашего народа. Это кольцо – печать еврейского чиновника, а ниже – его имя на древнееврейском. Имя этого служащего – Нетаньяху. Нетаньяху Бен-Иоаш. Это – моя фамилия!»[99]

Многие наблюдатели отметили, что настоящая фамилия отца премьер-министра – Миликовский. Родился он в Российской империи в 1910 году и как многие сионисты, выбрал звучащую по-библейски фамилию «Нетаньяху» (Дар Бога) в качестве псевдонима[100]. К слову, когда в 70-х годах будущий премьер-министр переехал в США, он сократил свою фамилию до легко произносимого «Нитай» – еще один псевдоним его отца. Подобный характер аргументов лишний раз свидетельствует о неисторическом использовании археологических фактов и Библии в сионистской риторике.

Израильский ученый Амнон Раз-Кракоцкин едко обобщил позицию основателей сионизма: «Бога нет, и Он обетовал нам эту землю»[101]. Апелляция к божественному обетованию по-прежнему эффективно действует на протестантскую аудиторию. В 1937 году Бен-Гурион, показав Библию, произвел впечатление на Королевскую комиссию по вопросам Палестины («Peel Commission»)[102], а в 2011 году Биньямин Нетаньяху, упомянув обетование в своей речи перед обеими палатами Конгресса США, вызвал в зале овацию. Подобную реакцию можно отчасти объяснить значительным влиянием на общество идей протестантских групп правого политического толка, стремящихся приблизить Второе пришествие посредством переселения евреев в Святую землю. Сионисты-христиане (а их 50 миллионов человек только в США[103]), значительно превосходящие числом еврейское население всего мира (менее 14 миллионов человек), активно поддерживают самые радикальные сионистские группировки.

Напротив, евреи-традиционалисты, или «ультраортодоксы», носящие особую одежду (черную с белым) и называющие себя «харедим»* («богобоязненные»), даже не употребляют официального названия «Государство Израиль». Антисиониста или несиониста легко опознать: он не скажет «Государство

Израиль» или даже просто «Израиль», а употребит вместо этого одно из традиционных названий страны – как правило, в ашкеназском* произношении – «Эрец Исроэль»* («Земля Израиля») или «Эрец а-койдеш» («Святая земля»). Харедим трактуют вопросы национальной безопасности, не прибегая к Библии. В отличие от христианских и еврейских сионистов, в процессе принятия решений они исключают всякое рассуждение о библейской принадлежности той или иной территории. Парламентарий-хареди уточняет: «Сионисты ошибаются. Нет нужды доказывать любовь к Земле Израиля путем политического или военного господства над всей страной. Можно любить Хеврон и из Тель-Авива… даже если там [в Хевроне] правят палестинцы. Государство Израиль не представляет собой ценности. Ценности бывают только духовными»[104].

Построение сионизма в Земле обетованной

Сионистский план в окончательном варианте представлял собой националистическое движение, имевшее четыре главные цели: 1) превратить наднациональное еврейское самосознание, ориентированное на Тору и заповеди, в национальное самосознание, принятое в Европе; 2) создать на базе древнееврейского языка Библии и богословских трудов общий разговорный язык – иврит; 3) переселить евреев в Палестину; 4) установить над Палестиной политический и экономический контроль. Если другие националисты хотели получить лишь политический и экономический контроль над своей страной, то сионисты, стремясь одновременно решить первые три задачи, поставили перед собой куда более трудную цель. Эти идеи были в новинку для большинства евреев и показались им чрезвычайно смелыми[105].

Сионизм – это также типично колониальная попытка радикального преобразования страны, которую сионисты считали отсталой и «жаждущей живительного пробуждения» с помощью европейских поселенцев. В этом смысле создание Государства Израиль и по сей день остается попыткой осуществить западную модернизацию в регионе, где с самого начала колонизации враждебность сионизму проявляли не только арабы, считавшие себя жертвами этого плана, но и большинство евреев Палестины, а позже и евреи африканского и азиатского происхождения, отвергавшие светское национальное самосознание, на котором зиждется идеология сионизма. Кстати, сегодня именно в этих группах населения страны наблюдается самый бурный демографический рост[106].

Сионизм остается последним осколком идеологий XX века, адепты которых провозглашали необходимость радикальных и массовых изменений. Бен-Гурион восхищался Лениным и Октябрем: «…великой революцией, исконной революцией, которая была призвана с корнем вырвать существующую действительность, сокрушить ее опоры, камня на камне не оставить от этого упадочного и прогнившего общества»[107].

Сионизм ставит перед набожными сторонниками еврейской традиции целый ряд серьезных вопросов. Как следует понимать возвращение евреев в Страну Израиля перед пришествием Мессии? Означает ли это возвращение конец уникальности еврейской истории и ее метафизического значения? Является ли

покорность практическим приспособлением к условиям политического безвластия или же религиозным принципом, выработанным основателями раввинистического иудейства? Каковы истинные цели сионистов? Направлен ли их бунт исключительно против политической пассивности евреев или же они стремятся полностью уничтожить иудейство, то есть в корне подорвать религиозную традицию, которая, на их взгляд, является причиной покорности евреев и их политического бездействия?

Вместе или порознь?

Идеи сионизма находят отклик у евреев лишь к концу XIX века. Историки подчеркивают, что первыми идеологами движения являлись ассимилированные евреи.

«Они не вышли из традиционного, религиозного окружения. Все они – «продукт» европейского образования и современных им идей европейской интеллигенции. Они не были отягощены ни экономическими, ни религиозными трудностями… жаждали самоопределения, подлинности, освобождения в терминах европейской культуры Нового времени и своего недавно пробудившегося национального самосознания»[108].

Сколь бы жестоким ни было преследование евреев в предыдущие столетия, сионизм не мог зародиться до Французской революции[109]. Многие евреи Центральной Европы ощущали на себе антисемитизм, даже если они давно уже не соблюдали заповедей Торы и были слабо знакомы с нормативными аспектами иудейства. Согласно духу времени отдалившись от религии и отойдя от еврейства, они тем не менее чувствовали себя униженными из-за некоторого неприятия их европейским обществом.

Эту своеобразную обиду не смог бы понять нееврей, будь он французом или немцем: она имела чисто психологическую, а не экономическую или физическую природу. Обиду эту испытывала лишь небольшая группа евреев, безуспешно пытавшихся войти в светское общество. Иными словами, «сионизм был изобретением ассимилированных интеллектуалов, “интеллигентской партии”, открестившейся от раввинов, мечтавшей идти в ногу с современностью и сбивавшейся с ног в поисках лекарства от своей хандры»[110]. Сионизм вселял надежду, что на смену ущербной частичной ассимиляции придет широкая коллективная «нормализация» еврейского народа. Почти никто из ассимилированных евреев не оспаривал саму идею ассимиляции, которая оставалась для них бесспорным признаком прогресса. Некоторые выбрали переход в христианство, поодиночке или, как в 1893 году предлагал Герцль, коллективно[111].

Отметим, что личные обиды при всей их остроте никак не могли вызвать к жизни движение масс. Подобный процесс мог получить развитие лишь там, где, с одной стороны, существовала систематическая дискриминация евреев и, с другой стороны, политическая воля к сопротивлению. Поэтому истинной колыбелью практического сионизма стала Восточная Европа, в особенности – Российская империя, из которой вышли почти все

сионистские и израильские лидеры. Русские евреи не были единственными, кто в связи с преследованиями обратился к сионизму. После прихода Гитлера к власти многие немецкие евреи, до того безразлично или даже враждебно относившиеся к сионистской идеологии, задумались об эмиграции в Палестину[112].

Появление сионизма поднимает вопрос о правомерности еврейского национализма и вообще любых специфически еврейских политических и военных действий. Притязание Теодора Герцля – основателя политического сионизма – на роль представителя евреев всего мира раздражало как раввинов, так и благополучных евреев-буржуа. Однако подобные притязания были в духе того времени: большевики – небольшая группа интеллигентов – объявили себя представителями всего рабочего класса. В ту пору в Европе возникало огромное количество групп, считавших себя революционным авангардом, овладевшим объективными законами истории. Это позволяло им выступать от имени «широких масс», которые зачастую оставались безразличными, а подчас и враждебными по отношению к такой деятельности.

По мнению большинства сионистов евреи, использовали религию как средство осуществления своей «воли к жизни». Иными словами, иудейство считалось не более чем методом выживания нации. С этой точки зрения Тора дарована в основном для сохранения народного единства. Однако, вернувшись в свою страну, евреи больше не нуждаются в заповедях Торы, так как нового самосознания, сформировавшегося в Стране Израиля, будет достаточно для поддержания этого единства[113]. Такое объяснение, как и термин «воля к жизни», заимствованы у европейских сторонников этнического национализма, настаивавших на праве народов, разбросанных по Российской и Австро-Венгерской империям, на самоопределение. Понятие «сила воли» часто всплывает в толкованиях истории сионизма, которую некоторые считают исключительной, не поддающейся обычному социально-политическому анализу[114].

По сути, сионизм являлся скорее вызовом либерализму, нежели реакцией на царящий вокруг антисемитизм. Либеральное общество всегда привлекало евреев. Хотя в мире действует огромное количество программ поддержки алии, лишь немногие немногие жители развитых демократических стран стремятся переезжать в Израиль. Куда больше израильтян ежегодно покидает страну, называемую еврейским государством, предпочитая ему страны либеральной демократии. Чтобы рассеять любые сомнения по этому поводу, достаточно взглянуть

на данные по миграции в Израиль и из Израиля[115]. Поэтому сионисты должны постоянно повторять, что жить настоящей еврейской жизнью за пределами Израиля невозможно, хотя многие их них продолжают жить именно за его пределами. Они следуют логике христианских основоположников сионизма, предупреждавших, что эмансипация* угрожает существованию «еврейской национальности», необходимой для реализации их собственных планов сосредоточения евреев в Святой земле[116].

Сионисты презирают идеалы эмансипации, возвышая принципы еврейского национализма, укреплению которого немало способствовали преследования евреев нацистами. В данном случае государственные интересы возобладали над интересами евреев еще до создания собственно государства. Сионистов часто обвиняют в том, что в 1946–48-е годы они препятствовали другим странам принимать спасенных от верного уничтожения евреев и создали «атмосферу террора» среди интернированных в лагеря для перемещенных лиц в Европе[117], а представители сионистских организаций принудительно вербовали переживших войну людей в израильскую армию. Сионисты считают, что «еврей без гражданства автоматически становится гражданином еврейского государства, в связи с чем на него распространяются все права и обязанности израильских граждан»[118]. Учитывая политику сионистов во время войны, можно предположить, что руководители лагерей для перемещенных лиц в послевоенной Германии руководствовались скорее идеями сионизма, нежели гуманитарными соображениями[119].

Политика Израиля по этому вопросу весьма постоянна: любой еврей рассматривается в качестве потенциального гражданина. Модель «перехвата» евреев, переезжающих из одной страны в другую, повторяется на протяжении всей истории Государства Израиль. Какая бы партия ни находилась у власти, израильское правительство регулярно старалось направить поток эмигрантов исключительно в Израиль, сопротивляясь переезду евреев из СССР в США и Германию (в 1970–1990-х годах), аргентинских евреев – в Северную Америку (в 1970–1980-х годах), а евреев из стран Северной Африки – во Францию и Канаду (в 1950–1970-х годах). Но и в этом сионизм не уникален: привычка рассматривать человека как собственность государства и ставить интересы страны выше личных типична для многих видов революционной идеологии прошлого.

Помимо притязания на «владение» евреями, вызывающего нередко нарекание в либеральных кругах, официальный Израиль иногда идет еще дальше и присваивает себе память о евреях

других стран, в основном советских гражданах, погибших за свою родину на Великой отечественной войне. Памятник, воздвигнутый в их честь в Израиле, украсили эмблемой израильской армии, которая была основана через три года после окончания войны.

В наше время важность эмансипации больше не ставится под сомнения. Однако многих по-прежнему беспокоит проблема двойной лояльности, хотя сейчас, в эпоху благоволения западных стран Израилю, она не слишком актуальна. Часть евреев мира выражает солидарность с Израилем так рьяно, что это иногда граничит с неприятием и осуждением политики их собственных стран:

«Политический сионизм учит двойной лояльности, причем в соответствующих обстоятельствах верность Израилю должна быть выше, чем стране, в которой человек родился или поселился. По этой причине политический сионизм не только несовместим с долгом честного гражданина, но и является самой плодородной почвой для произрастания антисемитизма… С самого начала сионизм умышленно провоцирует ненависть к евреям, а затем, изображая озабоченность, ссылается на эту ненависть, чтобы оправдать создание еврейского государства. Это макиавеллизм, возведенный в девятую степень»[120].

Безоговорочная поддержка, оказываемая Израилю многими еврейскими организациями, стирает в общественном сознании всякие отличия между сионизмом и иудейством, евреем и израильтянином. Все чаще звучит вопрос, кого же представляет руководство этих организаций: своих братьев по религии или Государство Израиль. Эли Барнави, историк и бывший израильский посол в Париже, без всяких дипломатических недомолвок утверждает, что диаспора «превратилась в вассала Израиля»[121]. Многие наблюдатели отмечают, что апологеты Израиля из диаспоры подчас защищают его активнее, чем это делает само Государство Израиль, и выглядят при этом «бульшими католиками, чем папа римский».

В последние десятилетия XX века массовая поддержка сионизма в еврейских общинах мира в большой степени вызвана гордостью за военные победы Израиля. Как критики, так и сторонники сионизма считают, что создание Государства Израиль вызвало у многих евреев некое моральное перерождение – мутацию смиренного еврея в гордого сиониста. Иудейские моральные ценности, такие как смирение и милосердие, заменяются идеалами, присущими всякому национализму – крайним эгоизмом и национальной гордостью. Такая подмена низводит еврейское самосознание сионистов вне Израиля до

хрупкого «израилизма на расстоянии», полностью зависимого от существования данного политического образования. Критики такого подхода утверждают, что ставить будущее иудейства в зависимость от судьбы государства – признак духовной близорукости.

Руководители еврейских организаций, часто известные и уважаемые граждане своих стран, нисколько не стесняются называть израильских дипломатов «нашим консулом» или «нашим послом». Более того, многие наблюдатели отмечают, что теперь проблема двойной лояльности, возникновения которой опасались противники сионизма, уже не стоит так остро: многие евреи диаспоры лояльны исключительно Государству Израиль.

«Я боюсь, что слепая поддержка Израиля так или иначе даст повод для подозрений в двойной лояльности. Это может показаться абсурдным, но как сотрудник дипломатической службы США в отставке я с ужасом думаю о том, что американских евреев начнут увольнять с дипломатической службы и из других государственных учреждений из-за сомнений в их надежности при проведении американской политики на Ближнем Востоке. И упаси нас Господь от еще одного Джонатана Полларда!»[122]

Этот случай обнаружения израильского шпиона внутри американских военных структур остается единичным. Однако превращение Полларда в мученика, а его защиты – в общееврейское дело вызывает сильное беспокойство среди американских евреев и их друзей. «Возможно, самое грустное и самое опасное в деле Полларда то, что требования его освобождения – это чудесный подарок антисемитам… Я прошу вас: остановитесь на секунду. Подумайте, как ваша защита Полларда выглядит в глазах ваших соотечественников»[123]. Опасения возникают и по другую сторону Атлантики. Половина британцев уверена, что евреи преданы Израилю больше, чем Великобритании[124].

Журналист израильской газеты «Хаарец», анализируя положение евреев во Франции, так отозвался об этом явлении:

«По причине невежества ли, безразличия, отсутствия солидарности или цинизма мировоззрения, признающего одну лишь цель – увеличение числа иммигрантов, Израиль, считающий себя защитником евреев всего мира, может обнаружить, что он – главный источник всех их бед»[125].

Основатели Израиля с самого начала утверждали, что любой еврей должен оставаться верным Государству Израиль. Так, после нападения Израиля на Египет в 1956 году (его осудили как США, так и СССР) Бен-Гурион заявил, что «каждый еврей, где бы он ни

находился, гордится израильским государством и его армией»[126].

Безусловная поддержка Израиля еврейскими деятелями способствует росту антисемитских настроений, что, в свою очередь, укрепляет позиции сионизма и представляет Государство Израиль последним убежищем от антисемитизма. Многие раввины считают, что такая политика самоубийственна для будущего еврейских общин. Им вторят светские израильские интеллектуалы, апеллируя к вечным моральным ценностям Торы:

«Евреи загнали себя в угол. Действия [Израиля] вызывают отвращение и сопротивление по всему миру. Они усиливают антисемитский настрой. Столкнувшись с этой опасностью, еврейские организации вынуждены защищать Израиль и предоставлять ему безоговорочную поддержку. В результате мишенью антисемитских нападок становится не только израильское правительство, но и местные евреи… Если бы у меня попросили совета, я бы рекомендовал еврейским общинам мира следующее: вырвитесь из этого порочного круга. Обезоружьте антисемитов. Избавьтесь от привычки автоматически поддерживать все, что делает наше правительство. Дайте слово вашей совести. Вернитесь к традиционным ценностям: “Правды, правды ищи” (Второзаконие, 16:20) и “Ищи мира и стремись к нему” (Псалтирь, 34:15)… По всему миру множатся новые еврейские общины, идущие этим путем и рушащие миф, что евреи по всему миру якобы обязаны подчиняться указам нашего правительства»[127].

Многие видят прямую связь между ростом числа антиеврейских инцидентов во многих странах мира и политикой израильского правительства. «Обострение местного антисемитизма – это великая ложь», – утверждает активист из харедим, обвиняя Израиль в намеренном разжигании таких инцидентов с целью вынудить евреев переехать в Святую землю[128]. По его мнению, этот порочный круг лишь подтверждает, что Государство Израиль представляет собой величайшую опасность для евреев как в самом Израиле, так и за его пределами.

Все больше евреев понимают, что природа Государства Израиль противоречит их моральным и политическим ценностями. Тем не менее они чувствуют себя обязанными поддерживать страну просто по факту ее существования. Несмотря на принципиально антисионистскую позицию Американского совета по иудаизму («American Council for Judaism») – наследника некогда непримиримого к сионизму реформистского движения, – сегодня большинство прихожан

реформистских синагог считают себя сионистами. Правда, в Израиле представителей этого направления немного (конфессия там не принята официально: например, брак, заключенный реформистским раввином, не будет зарегистрирован на государственном уровне), а реформисты США и других демократических стран весьма выборочно поддерживают политические действия сионистского государства. Кроме того, многие из них финансируют организации, защищающие права человека, и другие очаги израильского политического диссидентства[129].

Озабоченность судьбами Израиля не ограничивается беспокойством о проживающих там евреях. Для многих сионистов Израиль как политическая структура важнее, чем благополучие самих евреев. Авинери заметил, что «само существование Израиля как государства приобрело нормативное значение для еврейства диаспоры… Израиль воспринимается не только как общность определенного числа живущих в нем евреев: его коллективное существование имеет ценностное и нормативное значение»[130]. Для сионистов Израиль – особая статья. Во всех либеральных государствах политическая конфигурация обсуждается открыто, как и любой другой вопрос общественного значения. Но вопросы превращения Израиля в государство всех своих граждан (а не евреев всего мира) или предоставления израильского гражданства палестинцам, жителям оккупированных в 1967-м территорий, в приличной компании лучше не поднимать.

Сионисты издавна презирают евреев диаспоры, будущее которых волнует их весьма мало, поэтому они регулярно мобилизуют евреев разных стран для оправдания политических и военных акций Израиля. Противники сионизма подчеркивают, что автоматическое отождествление Государства Израиль с иудейством и евреями чревато принципиальной опасностью, ибо таким образом утверждается, что этнократия обеспечивает в современном мире более надежную защиту, чем либеральное, плюралистическое общество. Именно поэтому многие евреи в Европе и Северной Америке все чаще отказываются от исторически присущих им левых убеждений и поддерживают правые партии, которые равняются на воинственный израильский национализм. В то же время молодые евреи в США считают, что плюралистическое общество ближе к еврейским принципам, нежели «еврейская этнократия». «Иудейство, единственная цель которого – защищать евреев, ничего не значит… Настоящее иудейство печется не только о еврейском племени, а о реальных проблемах, что решительно делает наше древнее религиозное

призвание насущным и злободневным»[131].

Признаки осознания того, какую опасность таит в себе сионизм для будущего евреев, становятся все заметнее: «Реальность XXI века такова, что иудейство может “выжить” в Америке лишь в качестве привлекательной моральной и нравственной силы, а не субъекта беспрекословной поддержки внешней политики Израиля»[132]. Члены общины, основанной раввином Майклом Лернером, издателем либерального еврейского журнала «Тиккун» (традиционное еврейское понятие, означающее «исцеление» или «исправление»), выражают те же опасения и высказываются против того, чтобы сводить еврейскую жизнь к поддержке Государства Израиль[133]. Из-за своей деятельности раввин Лернер стал объектом нападок, и ему угрожали расправой.

Безоговорочная поддержка Израиля приводит к тому, что полемика сторон становится все более ожесточенной и выходит за рамки норм, принятых в демократических странах. Помимо всего прочего, обвинять противников сионизма в антисемитизме для того, чтобы заглушить критику Израиля, как минимум недальновидно. Раввин Гольдберг из Лондона считает, что такие обвинения опасны.

«Ужасающе неисторично приравнивать политическую реакцию современных мусульман на Государство Израиль к выпадам христиан против евреев… Мы, евреи, сослужим себе дурную службу, если будем с той же яростью кричать “антисемит” в адрес журналиста-либерала, критикующего непомерно суровый ответ израильской армии на всплеск террора, и крикуна из Национального фронта (крайне “правая” националистическая партия во Франции), который заявляет, что “Протоколы сионских мудрецов” – это подлинный документ»[134].

Известный еврейский общественный деятель, осуждая «охоту на ведьм в еврейских общинах», сожалеет, что во многих еврейских организациях сохраняется принцип «если кто-то не поддерживает правительство Израиля, то не только его политические взгляды, но и сама принадлежность к еврейству ставится под сомнение»[135]. Высказываются опасения, что если сионистский истеблишмент начнет «отлучать» каждого еврея, не поддерживающего политику Израиля, и введет нечто вроде «еврейской анафемы», «…тогда сионизм навеки испортит и даже, возможно, уничтожит творческий потенциал, разнообразие, сам гений американского еврейства. Сионизм, упаси Господь, может оказаться величайшей угрозой, с которой когда-либо сталкивались евреи в Америке»[136].

Многие живущие в западных странах евреи, особенно

молодые, обеспокоены тем, что воинственный сионизм нарушает принципы иудейской морали и подвергает опасности евреев внутри Израиля и за его пределами. Безусловно, традиционное понятие избранности при желании можно использовать для разжигания ксенофобии. Когда любая община находится в меньшинстве и должна лавировать, чтобы избежать угрозы своему существованию, то она в основном сосредоточена на своих собственных интересах. Но когда такая ментальность переносится в Израиль, где евреи составляют большинство, она превращается в этноцентризм и становится причиной разного вида социальной несправедливости. Общество рискует тогда забрести в дебри чудовищной идеологии, которую эксперт по нацистскому геноциду Йегуда Бауэр называет «геноцидальным национализмом»[137].

Отождествление Государства Израиль со всеми евреями и иудейством вообще, а также утверждение того, что национализм способен защитить современного человека лучше, чем либеральное и плюралистическое общество, подрывают веру в принципы равенства и терпимости, которую исповедуют евреи, живущие по всему миру. Вера эта зиждется на правах человека, которыми евреев наделила эмансипация. Показательно, что европейские правые, предпочитающие либеральному обществу концепцию этнического национализма, черпают вдохновение в сионизме – колониальном варианте реализации этой концепции.

По следам европейского национализма

Не следует забывать, что сионизм был разновидностью органического национализма, изначальной целью которого было создание национальных государств, то есть установление правовых и политических рамок для уже существующих в Центральной и Восточной Европе народов. Поэтому замкнутость на себе, присущая определенным течениям в германском, польском и украинском национализме, оказала глубокое влияние на сионистское движение, а позже и на израильское общество. Сионистам восточноевропейского происхождения почти не довелось столкнуться с другими видами национализма, которые проводят четкие различия между нацией, религией и обществом, то есть с основами того самого плюрализма, который по сей день позволяет процветать крупным еврейским общинам в США и Канаде. Ярким примером того, как еврейский национализм заменил собой традиционное религиозное самосознание, может служить обращение одного молодого еврея к русскому писателю и сионистскому деятелю Владимиру Жаботинскому (1880–1940):

«Наша жизнь скучна, и наши сердца пусты, так как нет у нас Бога; дайте нам бога, достойного поклонения и жертв, и вы увидите, на что мы способны»[138].

Ответ последовал незамедлительно: в 1923 году был создан Бейтар* – полувоенная молодежная организация, в которую вступили десятки тысяч молодых евреев. Примером послужили крупные националистические молодежные движения, возникавшие в эти годы во многих европейских странах. Заместив собою религию, Бейтар требовал безоговорочной преданности, но на сей раз не традиции, а сионистскому делу. Лозунгом организации стали слова еврейского поэта из России, столпа израильской культуры Хаима Нахмана Бялика (1873–1934): «В небе солнце одно, в сердце песня одна, нет другой и не будет»[139].

Стремясь придать вес своей инициативе, Жаботинский ссылался на беседу с Иосифом Трумпельдором (1880–1920), героем Русско-японской войны, служившим во время Первой мировой войны в рядах Еврейского легиона и принимавшим участие в революции 1917 года. Трумпельдор (вошедший в сионистский пантеон, как Александр Матросов – в советский) в частной беседе завещал Жаботинскому, что евреи должны стать народом железа:

«Железо – то, из чего будет сделано все необходимое для механизма нации. Нужно колесо? Готов. Гвоздь, болт, балка?

Готов. Полицейские? Врачи? Актеры? Водоносы? Готов. У меня нет личности, нет чувств, нет мыслей, нет даже собственного имени. Я – слуга Сиона, готов на все. У меня нет привязанностей, я предан одной лишь заповеди: строй!»[140]

В этой риторике звучит явно тоталитарная нота: железо и сталь были излюбленными метафорами большевиков. Оправдывая свою политику, Сталин – не менее характерный псевдоним, – также ссылался на свои частные беседы с Лениным. Да и многие другие европейские движения, отмеченные печатью авторитаризма, использовали эти методы легитимации.

Идеологи сионизма издавна прибегают к мессианским образам. Рабочая партия Бен-Гуриона была особенно последовательна в использовании духовной образности, превращая приобретение земли евреями у арабов в «геулат а-арец» («Избавление земли»). Шломо Авинери назвал эти сделки «подозрительными операциями с недвижимостью»[141].

Даже пасхальная Агада* (наиболее известный евреям религиозный текст, в котором описывается Избавление евреев от плена египетского) стала орудием сионистского воспитания. Упоминания Бога исчезли, причем в некоторых кибуцах вместо них в Агаде появились рассказы о первых поселенцах-сионистах и даже о Сталине, «выведшего нас из рабства»[142]. Такое преображение понятий, превращение религиозных представлений в мирские было типичным для подвижников сионизма, считавших себя авангардом еврейского народа, рукотворно изменяющим ход истории. Для несения своей радикальной идеологии в еврейские массы Восточной Европы они использовали привычные для всех евреев религиозные термины, что должно было ослабить бдительность религиозных евреев.

Израильский историк и политолог Зеев Штернхель считает, что использование религии в качестве орудия сионистской пропаганды – явление отнюдь не уникальное: этот прием использовали представители многих разновидностей органического национализма, получившего распространение в Европе с середины XIX века. Сохранив социальную функцию религии – объединение народа, – националистические движения лишили ее духовного содержания: например, и лидеры польских националистов, и руководители французского движения «l”Action française» выставляли напоказ свои католические корни. Штернхелл говорит о такой тенденции, как о «религии без Бога», то есть о вере, в которой сохранились лишь внешние символы[143].

Один из идеологов рабочего движения в сионизме Берл Каценельсон (1887–1944), также выходец из России, применил

подобный метод, полностью переписав текст поминальной молитвы «Изкор» («Да вспомнит Бог»). В оригинале молитва обращена к Богу: это просьба сохранить память о покойных, без указания причины их смерти. В сионистском варианте звучит призыв к евреям помнить своих героев, «отдавших жизнь за достоинство народа Израиля и Земли Израиля»[144]. Как и для многих других националистов в Европе, память о павших героях становится оружием в борьбе за независимость, в связи с чем духовные понятия трансформируются в политические. После победоносной войны 1967 года в порыве мессианского энтузиазма главный раввин Армии обороны Израиля Шломо Горен вернул традиционное начало «Да вспомнит Бог» в текст Каценельсона. В таком виде ее стали произносить во время официальных мероприятий, но в 2012 году после жалобы матери одного погибшего солдата все упоминания Бога снова были убраны[145].

Прохладное отношение к государству, присущее еврейской традиции, проявляется в высказываниях даже тех раввинов, которые терпимо относятся к Государству Израиль: они зачастую предостерегают, что существование государства не гарантировано навечно, потому не следует думать, что оно обеспечит защиту евреям до скончания веков[146]. А лидеры сионистов продолжают подчеркивать, что государство является национальной ценностью, очагом и сутью нации. Столь резкое различие в мировоззрении красной нитью проходит через всю полемику между сионистами и их религиозными противниками.

В отличие от русских сионистов, в большинстве своем настаивавших на полном отказе от еврейской традиции, Герцль оказался прагматичнее. Настолько далекий от иудейства, что отказался делать обрезание своему сыну, Герцль признавал полезность иудейской риторики как приманки, в особенности для тех евреев, которые «погрязли в отживших традициях», – в чем, кстати, оказался прав. На политическом уровне Герцль рассматривал иудейство как полезное в строительстве государства средство, подобно клерикализму в христианских странах[147].

Философ Лейбович резко отзывается о превращении иудейства в средство политического воздействия:

«Но есть нечто ужасное – своего рода дисквалификация как религии, так и морали, духовное извращение, основанное на лжи и лицемерии и граничащее с кощунством, – в том факте, что народ мог использовать Тору для укрепления своих национальных претензий, при том что большинство его представителей, также как и принятое ими общественное и политическое устройство, не имеют никакого отношения к

религиозной вере и считают ее лишь сказками и предрассудками. Проституирование иудейских ценностей – вот что такое использование их для прикрытия патриотических устремлений и интересов. И если находятся евреи, желающие примкнуть к этому национально-оккупационному движению и заходящие столь далеко, чтобы сделать “Великий Израиль” – любыми самыми жесткими военными мерами – существенным элементом своей веры, религиозной заповедью, то эти люди становятся прямыми наследниками тех, кто поклонялся золотому тельцу и тоже провозглашал: “Вот божество твое, Израиль” (Исход 32:4). Золотой телец необязательно сделан из золота. Он может называться “народом”, “землей”, “государством”»[148].

Подобная политизация иудейства оказалась эффективным средством мобилизации масс. Герцля завораживали обряды хасидских* дворов, и он несколько цинично надеялся использовать их в своих целях. Он сознавал, какое сопротивление его подход вызывает среди западных раввинов «Protestrabbiner» – как ортодоксов, так и реформистов, – озабоченных сохранением политических и социальных достижений евреев в западном обществе, однако недооценивал силу ненависти и возмущения, которые сионизм вызвал среди раввинов Восточной Европы. Хотя сионизм нашел своих самых горячих приверженцев именно в России, с наиболее жесткой оппозицией он также столкнулся в еврейских общинах России и соседних с ней стран.

Концептуальные связи между сионизмом и антисемитизмом уходят корнями в общую европейскую историю, из недр которой также возникли колониализм и расовая дискриминация. Многие сионисты, в том числе Герцль, открыто полагались на содействие антисемитов в осуществлении планов переселения евреев в Палестину. Вдохновивший его европейский колониализм не считался с интересами местного населения, а порой и просто изгонял его или загонял в резервации. Но к тому времени, когда было основано сионистское государство, европейские страны, испытавшие ужасы Второй мировой, уже отшатнулись от этнического национализма. Причем сионисты создали государство на территории, где они находились в явном меньшинстве. Именно поэтому сионизм называют иногда «незаконным сыном этнического национализма»[149].

Переселенческий колониализм

В наше время упоминание в научных кругах колониальных аспектов истории Израиля возмущения не вызывает. Хотя такой подход не всегда приветствуется последователями сионизма, он признан «правомерным и желательным»[150] видными экспертами, например, израильским историком Анитой Шапира. Сионистские планы подразумевали колонизацию европейцами территории Западной Азии, заселенную разными этническими и конфессиональными группами. Однако идеологи сионизма, принадлежавшие к ее социалистическому крылу, отрицали существование конфликта с местным населением. По их мнению, местные жители только выигрывали от сионистской колонизации либо вообще не обращали на нее внимание. Однако создание чисто еврейских поселений и сегрегация на рынке труда, которую стали практиковать приехавшие в начале XX века поселенцы-сионисты, постепенно вызвала недовольство местного населения. Так, арабы не имели права обрабатывать земли, приобретенные Еврейским национальным фондом, который до наших дней отказывается эти земли им продавать и сдавать внаем.

Первые еврейские иммигранты конца XIX века селились очень разрозненно и нанимали арабов для работы на фермах. Колонисты начала XX века следовали лозунгам «завоевание трудом» и «афрада» («разделение») и селились кучно, коллективами. Иными словами, сионисты пошли по пути обособленного развития, по которому идут до сих пор. Это во многом предопределило изоляцию Государства Израиль в регионе.

Решение палестино-израильского конфликта, по-видимому, требует хотя бы частичной деколонизации. Так как у переселенцев-сионистов нет родины, куда они могли бы вернуться (как в свое время вернулись на родину французские переселенцы из Алжира), деколонизация могла бы пойти по южно-африканской модели: Африканский национальный конгресс официально признал законность присутствия белых колонистов в стране. Не менее серьезной проблемой стал бы раздел жизненно важных ресурсов, прежде всего воды и земель, а также высокий уровень социально-экономического расслоения на территории между Иорданом и Средиземным морем.

По мнению Аниты Шапира, «сионистская идеология представляет собой смесь противоречащих друг другу устремлений, являющихся, с одной стороны, типичными для движений национального освобождения, а с другой – для

европейской колонизации стран Ближнего Востока»[151]. Применение силы для достижения этих целей является неизбежным. Израильский историк Бенни Морис объясняет:

«Сионистские идеология и практика были вынужденно экспансионистскими. Для воплощения этих идей требовалось организовать группы поселенцев и переместить их в Палестину. Как только новое поселение “пускало корни”, его жители остро осознавали свою изоляцию и уязвимость и совершенно естественно стремились к образованию в округе новых еврейских поселений. Это делало исходное поселение более “безопасным”, но теперь новые поселения располагались на “границе” и, соответственно, сами нуждались в следующих поселениях, которые бы их защищали. После Шестидневной войны та же логика стояла за распространением израильских поселений [на завоеванных территориях]»[152].

Эта же логика характерна и для внешней политики Государства Израиль. Добившись военного превосходства над Палестиной, а затем и над арабскими странами, Израиль обрел новую угрозу в лице Ирана. Некоторые израильские наблюдатели отмечают, что военная мощь Израиля, обладающего самой сильной армией региона, нисколько не изменила убежденность многих израильтян, что они по-прежнему являются жертвами[153]. Это противоречие между фактической силой и чувством бессилия лишь напоминает некоторым о библейском проклятии: «…и побежите, хотя никто не гонится за вами» (Левит, 26:17).

Израиль как переселенческую колонию отличает несколько специфических черт. Во-первых, носителем права на самоопределение объявляется «еврейский народ» (рассеянный по всему миру), а не жители конкретной территории (граждане Израиля). Во-вторых, территория, на которую распространяются притязания сионистов, ничем не ограничена. Ни основоположники сионизма, ни руководители Государства Израиль не определили границы, на которые они претендуют. В-третьих, транснациональные организации (Еврейский национальный фонд и Еврейское агентство) исполняют государственные функции управления землями, но уходят от обязательного для государственных учреждений контроля, в частности за соблюдением законов о равноправии граждан различных национальных и конфессиональных групп. Такой тип права на самоопределение принижает значение гражданства и мешает полномерному включению арабов в политический процесс. В то же время в решении о создании новых поселений участвуют евреи-сионисты, живущие за пределами Израиля,[154].

Географическая сионизация до сих пор является

неотъемлемой частью политического проекта колонизации и его практического воплощения. В процессе создания нового общества географическое пространство и его идеологическое толкование становятся неразделимыми. Колонизация опирается на поселенцев, этнический национализм, этнический капитал, а также значительные средства, поступающие от сионистов-христиан, прежде всего из США.

Любое поселенческое общество, в том числе израильское, стремилось изменить этническую структуру территории, последовательно используя иммиграцию и этническое заселение. Австралия, Канада, Новая Зеландия и США представляют собой примеры переселенческих колоний, которые выселяли, лишали земель и в некоторых случаях истребляли местное население. Поселенцы, боясь остаться в меньшинстве относительно местных жителей, привлекают новых иммигрантов экономическими и политическими выгодами. Например, в Канаде в свое время оттесняли «на обочину» общества не только местное население, но и жителей восточноазиатского происхождения, якобы «неспособных ассимилироваться». Подобные меры использовались в Израиле с момента основания государства и даже до этого: еще во времена британского мандата сионистские организации активно занимались отбором иммигрантов в Палестину.

Напомним, что этнический национализм свойственен не только Израилю. В Эстонии, Венгрии и Сербии продолжают верить, что выживание этнической группы подразумевает контроль принадлежащей ей территории, и стремятся поддержать эту веру националистическим толкованием истории. Уникальность Израиля в том, что под понятием «еврейский народ» здесь понимаются группы людей, рассредоточенные по всему миру, но при этом предлагается считать их автохтонным населением колонизированной сионистами территории.

Строительство сионизма привело к возникновению в Палестине этнической сегрегации, причем не только между евреями и арабами, но и внутри еврейского населения, где главенствующую позицию заняли ашкеназы родом из Восточной Европы.

Следуя принципам своих основателей, израильское общество стало выборочно демократическим (можно сказать, этнократическим). Так, закон о возвращении позволяет любому еврею иммигрировать в Израиль и получить гражданство, недоступное, однако, для людей, несколько поколений предков которых проживали в стране. Процесс сионизации – или «деарабизации» – территории в большей степени, нежели

объявление Израиля «еврейским» государством, способствует сегрегации, ставшей нормой в израильском обществе.

Процесс сионизации резко ускорился после 1948 года. Годом ранее сионисты контролировали 7 % земель подмандатной Палестины, тогда как 10 % оставались под управлением британской администрации. Двумя годами позже Государство Израиль и Еврейский национальный фонд контролировали 93 % земель. Значительная часть захваченной территории ранее принадлежала ставшими беженцами палестинцев, которым израильские власти запретили возвращаться. Более того, были конфискованы две трети земель, принадлежавших даже палестинцам, получившим впоследствии израильское гражданство. Поэтому на сегодняшний день арабам, составляющим 20 % населения Израиля, принадлежит лишь 4 % его территории.

Сионизация необратима. Еврейский национальный фонд управляет этими землями «от имени еврейского народа». Под этим чрезвычайно размытым понятием сионисты подразумевают всех евреев мира, вне зависимости от их согласия или отношения к Израилю. Как следствие, граждане Израиля арабского происхождения не могут покупать, брать в аренду и тем более использовать 80 % земель их страны[155].

После изгнания и исхода местного населения, последовавшего за образованием сионистского государства, более 500 палестинских деревень были снесены, а между 1949 и 1952 годами на их месте основали 240 общин (кибуцев и мошавов)[156]. Многие общины получили право отбора будущих поселенцев, что лишь усилило этническую, религиозную и социальную сегрегацию между евреями и арабами, а также европейскими евреями и евреями из Азии и Африки.

Политику сегрегации критикуют со всех сторон. Даже харедим, давно живущие в самоизоляции, подобно светским гуманистам и пацифистам, возмущены угнетением коренного населения:

«Сионистское движение – это не только еретический отход от иудейства… Оно чудовищно слепо по отношению к исконным обитателям Святой земли. В 1890-х годах, когда менее 5 % населения Святой земли было еврейским, у Теодора Герцля хватило наглости назвать свое движение стремлением “народа без земли к земле без народа”… Они уже изгнали тысячи людей из их домов, лишив права на возвращение или хотя бы на минимальную компенсацию… Эта агрессия ввергла регион в порочный круг кровопролития»[157].

В отличие от многих социал-сионистов, скрывавших от себя

колониальный характер своего предприятия, Жаботинский этого не стыдился. Фактически лидеры социалистического крыла разделяли взгляды Жаботинского, однако не могли себе в этом признаться. Как пишет Штернхель, в речи на съезде своего политического движения в 1922 году Бен-Гурион «провозгласил принципы, которых он придерживался всю свою жизнь»:

«Нашу линию поведения не должны определять размышления о жизни в соответствии с гармоничными принципами социоэкономического производства. Единственная цель, которую мы должны преследовать, – завоевание земли и ее обустройство посредством широкой иммиграции. Все остальное – просто слова и фразы. Давайте не будем обманывать себя: мы должны двигаться вперед, полностью осознавая политическую ситуацию – расстановку сил, силу нашего народа в этой стране и за ее пределами»[158].

Социализм Бен-Гуриона, напоминает нам Штернхель, вдохновлен германским национальным социализмом, возникшим после Первой мировой войны. Социал-сионистам была близка мысль Шпенглера, который, в свою очередь, перефразировал слова Генриха фон Трейчке: «Социализм означает власть, власть и снова власть»[159]. В 1923 году Жаботинский публикует статью на русском, в которой, используя выражение «железная стена» и другие идеи Бен-Гуриона, утверждает, что победа может быть достигнута лишь посредством силы[160]. Жаботинский, почитавший Муссолини (который платил ему взаимностью), призвал евреев на войну, восстание и самопожертвование.

Идеи Жаботинского не потеряли своей актуальности и в наши дни. Активисты еврейских террористических организаций Лехи и Эцель вышли из рядов Бейтара. В период британского мандата некоторые из них встретили свою смерть на эшафоте. Среди выдающихся последователей Жаботинского – Менахем Бегин (1913–1992), Биньямин Нетаньяху и Ариэль Шарон (1928–2014).

В отличие от Жаботинского, большинство первых сионистов отрицали существование конфликта из-за земли между приезжими и местным населением. Почти все они принадлежали к левому крылу сионистского движения и не признавали национального характера арабского сопротивления колонизации. Именно таким противоречивым отношением к арабам объясняется конфликт, который не прекращается с самого начала сионистского предприятия в Святой земле. Господствующая идеология самообороны позволяла сохранять видимость надежды на мир и братство, даже если за этим фасадом все больше сгущались тени взаимных страхов и подозрений. Но реалии 30-х и 40-х годов XX века, арабское восстание и отдаленное эхо

геноцида европейских евреев породили цинизм и пессимизм и, как следствие, агрессивную психологию, в духе которой утверждалась неизбежность вооруженного конфликта с палестинцами.

Страх полного истребления крепко врезался в колониальную ментальность политического сионизма. Призрак этого страха все еще витает над израильским коллективным сознанием, несмотря на несомненное военное превосходство государства над соседями. Страх объясняется тем, что Израиль создан вопреки воле подавляющего большинства населения региона. Еще 1919 году Бальфур признался: «Мы не думаем проводить даже формальной консультации с нынешними жителями страны… Четыре великие державы высказались за поддержку сионизма, и сионизм – прав он или нет, хорош или плох, – коренится в древних традициях, в настоящих потребностях и будущих надеждах; он значит куда больше желаний и предубеждений 700 000 арабов, которые ныне населяют эту древнюю землю»[161].

Избавиться от многовековой еврейской традиции смирения и нравственной требовательности к себе было совсем не просто. По словам Аниты Шапира, «семьдесят первых лет нового еврейского заселения Палестины прошли в постоянном конфликте между ментальностью диаспоры и постоянно меняющейся палестинской действительностью»[162]. Поколение, последовавшее за первыми поселенцами в Палестину, воплощало мечты отцов-основателей; следующее поколение уже считало себя прагматичным, физически подготовленным и способным взяться за оружие. Несмотря на то что социалисты, сторонники идеологии самообороны, на словах критиковали Жаботинского и его милитаризм, реалии конфликта, порожденного в Палестине действиями сионистов, привели к победе его учения. В Израиле начала XXI века его идеи не утратили былой популярности. Стоит, однако, отметить, что сегодня различия между правыми и левыми сионистами настолько незначительны, что «миф о прогрессивном сионизме жив исключительно в умах горстки западных либералов»[163].

Понятие «самообороны», распространенное перед образованием Государства Израиль, было заменено концепцией «безопасности» – священной коровой современного израильского общества. Слово «битахон» (ивр. «безопасность») заимствовано из раввинистической литературы и означает «уверенность в уповании на Господа». Современный язык перенял иудейское понятие и придал ему противоположный смысл: вместо того чтобы полагаться на Провидение, новый еврей надеется на свои собственные силы и «голос» оружия. Такого рода преображения

сознания непременно находят свое отражение в повседневном языке.

Изобретение нового языка

Язык – один из ключевых элементов органического национализма, особенно когда в результате ослабления прочих элементов в коллективном сознании возникает пустота. Современное национальное самосознание часто строится на эмоциональной связи с родным языком и родной землей. Но создание современного иврита – беспрецедентное историческое событие, потому что у евреев нет ни общего языка, ни общей территории. Новый язык был создан на основе «лешон а-кодеш», «языка святости», до того предназначенного исключительно для молитвы и изучения Торы.

Когда в середине XIX века некоторые раввины поддержали создание современного языка, они ориентировались скорее на европейский национализм, нежели на еврейскую традицию[164]. Возрождение местных языков в Восточной и Центральной Европе подало надежду, что из языка Торы и раввинистических комментариев удастся выковать современный иврит. Сионисты не были первыми, кто стремился говорить дома на национальном языке: так поступали националисты в таких странах, как Литва, Венгрия и Польша, где городское население предпочитало более универсальные русский и немецкий. Интеллектуалы-националисты в многонациональных империях конца XIX века изучали родной язык крестьян – единственного слоя общества, говорившего на нем свободно, – а затем обогащали его научными, философскими и политическими терминами. Задача создателей современного иврита была совершенно противоположной: нужно было вдохнуть новую жизнь в язык раввинов, приспособив его к использованию в общественной жизни, сельском хозяйстве и промышленности. При создании иврита выполнение задачи осложнялось отсутствием и общества, и крестьянских хозяйств, и предприятий, где этот новый язык мог потребоваться.

В XIX веке в Центральной Европе постоянно сталкивались претендующие на одну и ту же землю националистические движения. Вдохновленные Иоганном Готфридом Гердером (1744–1803), протестантским идеологом германского культурного возрождения XVIII века, поддерживавшим переселение евреев в Палестину, многие представители националистически настроенной элиты в Восточной и Центральной Европе стали обучать своих детей национальному языку. Их целью было создание литературы на национальном языке, общей истории, «национального духа» – важнейших элементов будущих этнонациональных государств[165]. Энтузиастам превращения

языка святости в современный разговорный язык достаточно было посмотреть вокруг, чтобы обнаружить множество обнадеживающих экспериментов и образцов для подражания.

По примеру ранних художественных произведений европейских националистов в основу первого романа на иврите был положен библейский – как бы «национальный» – сюжет[166]. Роман был издан в Российской империи, в Литве, где активно действовали два националистических движения – польское и литовское: каждое восхваляло прошлое своего народа в современных литературных формах и, естественно, на национальном языке. В XIX веке светская литература на иврите распространилась по всей Европе, но Российская империя, где многие евреи лучше владели древнееврейским, чем русским, стала особенно плодородной почвой для распространения иврита. Некоторые бывшие студенты таких прославленных литовских ешив, как Воложинская, отойдя от иудейства, стали столпами новой литературы на иврите, идолами сионистской культуры. Часть еврейской интеллигенции вдохновило движение Хаскала*, выступавшее за принятие ценностей европейского Просвещения, и появление в 1784 году в Кенигсберге журнала «А-Меасеф», который одним из первых стал использовать древнееврейский в журналистике[167].

Сионистская литература и публицистика развивались также и на имперских языках: русском и немецком. Эти языки знали в основном ассимилированные евреи, к которым принадлежали почти все лидеры сионистского движения. Особенно плодотворная и плодовитая литературная среда возникла в Одессе. В дальнейшем некоторые еврейские писатели, такие как Илья Ильф, Исаак Бабель и Михаил Светлов, станут писать по-русски и прославятся в Советском Союзе.

Владимир Жаботинский также мастерски писал на русском, но, в отличие от многих членов этой творческой среды, прославился как сионист. Максим Горький, будущий столп советской литературы, сокрушался, что сионизм перетянул на свою сторону столь многообещающего беллетриста. Жаботинский, известный прежде всего как основатель ревизионистского движения в сионизме и теоретик его политической и военной доктрины, был также автором нескольких пьес и исторических романов, отражающих его романтическое прочтение еврейских источников.

Интересно, что идеолог еврейской военной мощи пишет книгу о Самсоне, который, будучи ослепленным филистимлянами, убил себя вместе со своими врагами. Именно такой героический дух сионисты, а позже и государство Израиль,

стремились внушить молодому поколению. Не случайно офицеров Армии обороны Израиля многие годы приводили к присяге в Масаде* – месте коллективного самоубийства евреев, восставших против Рима. В еврейской традиции всегда главенствовало стремление к выживанию, самоубийство же вызывало резкое осуждение. Поэтому многие раввины сочли романы, в которых библейских предков превращают в героев национального движения, и свойственное такой литературе сионистское мировоззрение чуждыми и враждебными иудейству. Сионисты же, за исключением последователей национал-иудаизма, гордятся тем, что создали новую нацию, сумев, в том числе благодаря преображению иврита, отдалить от иудейской традиции миллионы евреев в Израиле и других странах.

Победа иврита над идишем была не столько торжеством одного языка над другим, сколько триумфом идеологии, которая отвергла «галут»* и все, что могло показаться «галутным»[168], чтобы создать «нового еврея». Лидеры сионизма воспринимали идиш как угрозу, потому что очень многие иммигранты говорили именно на нем. Кнессет даже законодательно запрещал открытие театров, где в будущем планировалось ставить спектакли на идише, и издание ежедневных газет на этом языке. Любопытно, что евреев, христиан и мусульман, говорящих на арабском языке, в начале 50-х годов XX века было в Палестине гораздо больше. Однако сионисты не считали этот язык опасным, ведь для них местные жители были «отсталыми» по сравнению с европейскими поселенцами. Даже самые левые идеологи сионизма называли Палестину «целиной для построения новой культуры, которая станет решающей и преобладающей силой в новой метрополии»[169].

Философ и востоковед Эрнест Ренан (1823–1892) писал, что «сущность нации в том, чтобы все индивидуумы имели много общего и многое позабыли»[170]. В стремлении предать еврейскую преемственность забвению сионисты были куда старательнее, чем европейские националисты. Они хотели «отбросить культуру еврейской диаспоры и… стереть следы ее существования из коллективной памяти, чтобы претворить в жизнь [их] собственную идеологию. Успех их творения подразумевал подавление старой культуры и самого знакового ее элемента – языка идиш»[171].

Такое отношение к прошлому находило отражение даже в принципе проведения археологических раскопок, который применяли основатели государства для воспитания нового национального сознания. Практически все внимание уделялось памятникам библейского периода. В то же время официальная

израильская археология зачастую игнорировала иудейские памятники многоязычной постбиблейской эпохи, когда еврейские мудрецы жили бок о бок с римлянами, греками и другими народами, закладывая основы традиции компромисса и отказа от насилия, присущие раввинистическому иудейству[172]. Создание современного иврита шло параллельно с созданием исторического повествования, приспособленного к нуждам сионизма.

Новый разговорный иврит развивался в основном искусственным путем; его создатели старались придать бытовое значение традиционным иудейским понятиям. Основной инициатор возрождения иврита Элиэзер Бен-Иегуда (урожд. Лазарь Перельман, 1858–1922) получил образование в традиционной еврейской школе Российской империи. В семнадцать лет Перельману было дано видение национального возрождения в Стране Израиля. С тех пор создание национального языка стало для него единственной мечтой. Сменив фамилию на звучащую по-библейски Бен-Иегуда, он прибыл в Иерусалим в 1881 году. Именно в его доме впервые стали разговаривать исключительно на иврите. Открыто взбунтовавшись против иудейства, этот подвижник ратовал за секуляризацию языка Торы. Обновленный язык привлекал приверженных традиции евреев знакомыми понятиями и в то же время отдалял от этой традиции «нового еврея». Морфологические формы слов оставались прежними, коренным образом изменялось только их значение.

Преобразование «языка святости» в разговорный национальный язык, безусловно, оскорбляет религиозные чувства многих евреев. Харедим вспоминают, что, получив в 1920-х годах контроль над несколькими религиозными школами, сионисты под предлогом повышения квалификации учителей в области иврита стали распространять сионистские идеи. Таким образом, очень скоро иврит стал символом сионизма, в результате чего по сей день многие ешивы и хедеры (начальные школы) в Израиле предпочитают вести преподавание на идише (а иногда и на английском). Для некоторых харедим иврит – это лишь «язык, созданный сионистами»[173].

Преподаватели-сионисты прививали любовь к языку и земле – двум самым важным компонентам националистического воспитания. В начале XX века, в подражание европейским националистическим движениям, сионисты ввели в систему воспитания пешие прогулки на природе. Любовь сионистов к стране подразумевала знание природы и выборочное знание истории, в которой не было места арабскому населению

Палестины. Так, с самого начала колонизации энтузиасты-сионисты детально описывали флору и фауну региона, но не замечали арабских деревень.

Несмотря на кажущуюся близость к языку Торы, новый разговорный иврит никоим образом не вписывался в еврейскую преемственность. Идеи Бен-Иегуды с самого начала вызвали недовольство среди палестинских евреев, осудивших осквернение святого языка. Другие считали эти идеи частью сионистского заговора, направленного на захват и извращение языка духовной традиции. Появление нового светского иврита вызвало естественный гнев авторитетных раввинов, которые увидели в нем особо опасную атаку на иудейство, направленную прежде всего на учеников ешив – тех, кто мог воспринять, а значит, и поддаться влиянию новой литературы. Один из раввинов «обвинял сионистов в искажении “языка святости”; он [раввин] кипел от ярости каждый раз, когда слышал слово или фразу на новом иврите»[174].

Многие евреи, харедим и не только, не желают говорить на иврите и поныне. В XIX веке видные сефарды иногда общались на нем с представителями других еврейских общин. Но как только иврит превратился в средство сионистской пропаганды, набожные евреи полностью исключили его использование из своей речи.

Американский еврейский богослов Марк Эллис отказывается говорить на иврите, так как «он используется не для восхваления Бога, а в качестве орудия государственной власти». Эллис добавляет: «Не потому ли на “нашем” языке – языке власти и могущества – говорят с такой силой, потому что он означает возврат к ментальности гетто, но теперь вооруженного ядерными ракетами, своего рода, ядерного гетто?»[175]

Даже выражение «Государство Израиль» в новом языке имеет непростую историю. Введенный в употребление антисионистами, этот термин изначально имел откровенно саркастический оттенок. Позднее это выражение было заимствовано сионистами, которые придали ему положительную окраску. Согласно Равицкому, оно впервые появилось в раввинистическом памфлете начала XX века, направленном против сионистского движения и самой идеи еврейского национализма, отдаляющей евреев от Торы и заповедей. Уже тогда перспектива казалась столь опасной, что автор сравнивает ее с угрозой полного уничтожения евреев, цитируя «Книгу Эсфири»: «Потому что как смогу я видеть бедствие, которое постигнет народ мой, и как смогу я видеть гибель рода моего?» (Эсфирь, 8:6) Видимо, именно в таком контексте термин «Государство Израиль» был использован впервые:

«Я знаю, какое опустошение они производят в общине Израиля. Мое сердце замирает, в глазах у меня темнеет, я наполняюсь гневом от того, что говорится и делается. Они стремятся к земле не во имя истинной веры; не ради этого они размахивают знаменами (в то время как мы поднимаем знамя Господне). Какую «нацию» они могут создать, отбросив, избави Господь, нашу святую Тору и ее предписания? Как я могу вынести, что нечто будет называться «государством Израиля» без Торы и заповедей?»[176]

С другой стороны, это выражение принимает раввин Авраам Ицхак Кук (1865–1935) – выходец из России, которого английские власти назначили первым «главным раввином Палестины». Он был одним из немногих раввинов, поддержавших сионизм, впрочем, он толковал «Государство Израиль» совершенно иначе, нежели светские отцы-основатели. Он питал надежду на создание «идеального государства, которое зиждется на высших идеалах» – государства, «которое станет подножием трона Господа в этом мире». В его понимании страна должна была стать земным воплощением «Царства Израиля», лестницы Иакова, соединяющей небо и землю[177]. Этот термин несет в себе два противоположных значения: резко отрицательное и положительное. Оба значения обретают свой первозданный, почерпнутый в Торе смысл – как в языке религиозных антисионистов (которые воздерживаются от использования выражения «Государство Израиль»), так и в речи сторонников национал-иудаизма, вдохновленных видением раввина Кука.

В новом языке как атрибуте этнического национализма четко ощущается отвержение еврейской преемственности:

«Лишь для них иврит мог стать национальным языком, практически утратив религиозную ценность… Лишь для них коллективное еврейское самосознание возможно описать с помощью исторических терминов, полностью освобожденных от бремени религии. Лишь для них, на том или другом этапе эволюции еврейской национальной мысли, “Эрец Исраэль” мыслилась в политических терминах, рассматривалась сквозь призму романтического национализма, в отрыве от ортодоксального подхода».[178]

Масштаб секуляризации «лешон а-кодеш», языка молитв и Торы, становится особенно заметным, когда израильтяне, с детства говорящие на новом иврите, начинают изучать классические иудейские тексты. Оказывается, что их языка недостаточно, его нужно дополнять новыми словами и понятиями, а главное и самое трудное, – необходимо заново осваивать весь словарь еврейской традиции, частично забытый, а

частично преобразованный в рамках светского сионизма. Дистанция между языками настолько велика, что возникла потребность в издании перевода Торы на современный иврит.

Хотя Бен-Гурион и заявлял с гордостью, что «…[мы] вновь обрели язык наших отцов, на котором они говорили с древними египтянами»[179], новый иврит, созданный сионистами для укрепления национального единства, фактически разделяет евреев. Большинство харедим не желают использовать для молитвы израильский иврит и придерживаются своего традиционного произношения. В йеменских, хасидских или литовских синагогах светский израильтянин поймет лишь отдельные слова, хотя служба будет идти как будто на его родном языке.

Ашкеназское происхождение (несмотря на более близкое к сефардскому произношение) современного иврита способствовало отчуждению арабских евреев, живших некогда на огромной территории от Йемена до Марокко. Известный израильский писатель Альбер Свисса считает новый язык «полной выдумкой; современным национальным языком, потерявшим связь со своими еврейскими корнями»[180]. Напротив, христианские сионисты, для которых Государство Израиль суть кульминация еврейской истории, подчеркивают библейские корни современного иврита, несмотря на то что жители Святой Земли во времена Христа едва ли знали иврит. Более того, некоторые современные лингвисты[181] считают новый иврит не семитским языком, а индоевропейским, ведь его создатели просто насадили слова библейского и раввинистического иврита на синтаксический каркас родных языков: идиша, русского и польского.

Некоторые просто считают, что разговорный язык страны следует называть «израильским». Такое понимание нового иврита является сугубо постсионистским, так как в нем отсутствует связь между языком страны и ее библейским прошлым. Однако в таком случае израильский язык, как и государство, должен принадлежать не евреям всего мира, а тем, кто живет в Израиле, вне зависимости от этноса или вероисповедания.

Ранние подвижники-сионисты относились к Земле Израиля примерно так же, как русские романтики, боготворившие Россию-матушку. Десятки русских песен, переведенных на иврит в первые десятилетия сионистского заселения страны, должны были внушить новоприбывшим любовь к Родине («моледет»). Как подобает матери, Родина готова принять в свой дом даже блудных сыновей, и любовь ее естественна, безгранична и безусловна. Материнские объятия – это последнее прибежище в

случае беды, и Государство Израиль часто представляют как последнюю гарантию безопасности евреев. Если Земля Израиля в Талмуде в одном случае и описывается как мать[182], в рамках традиции эта метафора остается привязанной к исходному контексту, не имеющему ничего общего с заселением Земли Израиля[183].

Однако для иммигрантов овладение ивритом стало признаком преображения в «нового еврея». Причина такого отказа от своих корней и родного языка – разновидность известного явления самоненависти, присущей сионистской идеологии с самого рождения. Даже для защитников нового разговорного языка подобный разрыв был совсем не простым. Один из них с грустью заметил: «…когда мы говорили на идише, нас любили такими, какие мы есть»[184].

Воспитание нового человека

«У нас есть два пути: либо полная переоценка ценностей каждой стороны нашей жизни – и национальное возрождение, либо продолжение знакомого, но тупикового пути [жизни в диаспоре] – и гибель нации… Пришло время принять решение. Сумейте выбрать путь жизни!»[185]

С такими словами в 1915 году обратился директор Ивритской гимназии («А-Гимнасия а-иврит») в Тель-Авиве к первым выпускникам.

Сионисты – не первые евреи, поселившиеся в Палестине. Когда в стране появились первые поселенцы-сионисты, в Иерусалиме и нескольких других городах существовали кварталы религиозных евреев, сообщество которых носило название «Старый ишув*» (то есть «поселение», или «община»). Старая община существовала в основном за счет благотворительности со стороны евреев других стран. В середине XIX века зарубежные благодетели позволили евреям переселиться из старых кварталов в современные районы с лучшими условиями быта. Один из таких районов был назван «Меа Шеарим» (по-русски «сторица», хотя это название часто ошибочно переводят, как «Сто врат») – по стиху, в котором описывается урожай Исаака, который «сеял… в земле той, и получил в тот год во сто крат: и благословил его Господь» (Бытие, 26:12).

В то время как арабы долгое время с интересом рассматривали деловые возможности, которые сулил приток сионистов, собственно евреев Палестины прибытие безбожников из России привело в ужас. Легендарной «еврейской солидарности», ставшей притчей во языцех для антисемитов, в этом случае отнюдь не наблюдалось. Напротив, верные особым обязательствам, которые накладывает на евреев проживание в Земле Израиля (см. главу 2), старожилы беспощадно осуждали новоприбывших: «Они не следуют путем Торы и не проникнуты богобоязненностью… их цель – не приблизить Избавление, а отдалить его»[186]. Но поселенцы не проявляли никакой тяги к раскаянию; более того, они стали пропагандировать идеи сионизма среди молодежи старой общины. Так началось столкновение сионизма с иудейством на Святой земле – конфликт, который не исчерпал себя и поныне, более ста лет спустя.

Когда в начале 1880-х годов члены предсионистской группы «Ховевей Цион», спасаясь от погромов, прокатившихся по Российской империи, перебрались в Палестину, некоторые

раввины выступили в поддержку новоприбывших. Но вскоре их энтузиазм сменился разочарованием, и раввины стали предупреждать евреев об опасности этой затеи.

Созданное членами этой группы в 1882 году поселение Ришон ле-Цион, расположенное на прибрежной равнине, – яркий пример начала разрыва с традиционными еврейскими общинами Палестины. Это поселение возглавляли приверженцы Хаскалы, поддерживавшие связи не с правоверными евреями Иерусалима и Цфата, а с активистами из Яффы. В других поселениях, таких как Петах Тиква, противостояние было поначалу не столь резким: поселенцы получали помощь благодаря «халуке» (распределению средств, собранных в рамках благотворительности среди религиозных евреев). Однако наряду с традиционным еврейским воспитанием там практиковалось и сионистское, то есть атеистическое, воспитание, которое вскоре взяло верх.

Жители Старого ишува находились в стойкой оппозиции к сионистским поселенцам; те же быстро научились использовать присутствие в стране правоверных евреев в своих интересах. Так, в 1911 году эмиссар сионистского движения, выдав себя за представителя традиционных иерусалимских общин, отправился в Йемен для вербовки новых поселенцев[187]. Эта хитрость принесла плоды: сотни йеменских евреев покинули свою страну и отправились трудиться в ашкеназские поселения в Палестине. Эксплуатация йеменских евреев и их отчуждение от учения Торы в течение многих лет вызывали осуждение со стороны разных групп израильского общества. Секуляризация евреев из мусульманских стран, весьма далеких от антирелигиозного сознания, и по сей день разрывает израильское общество изнутри.

По традиции, евреям подобает заботиться о впечатлении, производимом на других, даже на своих бывших притеснителей. Например, Моисей был озабочен тем, что подумают египтяне (Исход, 32:12), хотя последние угнетали его соплеменников более двух столетий. Сознательно порвав с еврейской традицией, сионисты изначально пытаются внедрить в сознание людей идеалы мужества, самоутверждения, боевитости. Они побуждают молодежь игнорировать производимое на окружающий мир впечатление, при этом часто ссылаясь на слова Бен-Гуриона: «Важно то, что сделают евреи, а не то, что подумают гои (неевреи)»[188].

Неудивительно, что Израиль вынужден подчас прилагать исключительные усилия для разъяснения за рубежом своей политики. В наши дни положительный образ страны, своеобразная мягкая пропаганда (называемая «асбара» – «объяснение») распространяется по миру через израильских

туристов, жителей других стран, сочувствующих действиям Израиля, и сторонников сионистского государства в интернете. Этот процесс координируется из министерства в Иерусалиме. Тем не менее, несмотря на то что правящие круги запада чаще всего безоговорочно поддерживают любой шаг Израиля, образ его среди населения западных стран остается крайне негативным.

Кампанию по сионистскому перевоспитанию вдохновил накопленный в СССР педагогический опыт изоляции детей от родителей с целью формирования из них людей, соответствующих официально одобренному образцу. В свое время тысячи сирот (в ходе борьбы с беспризорностью) и детей «врагов народа» распределили по воспитательным колониям Советского Союза, чтобы выковать из них «новых советских людей»[189]. Широкое применение психологических методов воздействия позволило Бен-Гуриону и его соратникам если не добиться однородности общества, то, по крайней мере, облегчить над ним контроль[190]. Члены кибуцев, в большинстве своем ашкеназского происхождения, зачастую добровольно решали доверить воспитание детей коллективу. Однако прибывших из мусульманских стран родителей, придерживавшихся традиции, приходилось вынуждать, иногда и насильно, отказаться от воспитания своих детей. Такая политика привела не столько к желаемому расцвету атеизма среди евреев из арабских стран, сколько к росту преступности, расцветавшей в условиях нищеты и разрушения семейного уклада[191]. Попытки отдалить молодежь от семей – и тем самым от еврейской традиции – привлекают особое внимание религиозных критиков сионизма.

Именно такую цель преследует одно из подразделений Еврейского агентства «Молодежная алия» (Алият а-ноар, молодежная эмиграция в Израиль), привлекая евреев из многих стран мира. Подростков, оторвавшихся от родителей и вдохновленных грандиозностью сионистских планов, легче подвергнуть психологической обработке и ассимиляции, что впоследствии приведет к абсорбции их семей израильским обществом. Как можно было предполагать, в адрес Алият а-ноар мгновенно посыпались резкие высказывания со стороны традиционалистов, противившихся как атеистическому перевоспитанию, так и умышленному развалу института семьи. Со временем борьба с религией перестала быть частью деятельности Еврейского агентства, ибо сегодня Алият а-ноар занимается в основном молодыми людьми из бывшего СССР, и без того, как правило, не знакомых с еврейской традицией.

В противостоянии нового израильского самосознания и традиционно иудейского в Израиле по-прежнему сохраняется

невиданный в других странах накал. В израильской прессе регулярно публикуются репортажи об антирелигиозных инцидентах. Например, ученики одной из светских средних школ, сдавшие обязательный выпускной экзамен по Торе, развели во дворе школы костер и, к вящей радости всех присутствующих, сожгли на нем свои экземпляры священной книги. Контраст резко бросается в глаза: правоверные евреи обычно целуют Тору, закрывая книгу после изучения или поднимая с пола, если случайно уронили ее.

Израильский историк Ноах Эфрон пишет: «Нигде на харедим не смотрят с таким страхом и ненавистью, как в Израиле. Израиль – это бастион классического антисемитизма, направленного не против евреев вообще, а против ультра– и просто ортодоксальных, слишком “иудейских” евреев»[192]. Это не должно удивлять, так как образ «нового еврея», созданный по сути под влиянием и как вызов европейскому антисемитизму, был сознательно выстроен как отрицание иудея, представляемого деградировавшим выродком. Эфрон утверждает, что сионистские идеологи лишь довели до совершенства ненавистный юдофобский образ, созданный Вольтером и Фихте:

«Не нужно долго искать отвратительные образы «Altjude» (традиционного еврея) в сионистской риторике и публицистике. Уже в 1894 году Герцль заметил, что евреи в европейских гетто обладают “рядом антиобщественных черт”, а еврейский характер – “испорчен”. [Поэт Давид] Фришман считал, что “[традиционная] еврейская жизнь – это собачья жизнь, не вызывающая ничего, кроме отвращения”. [Еще один еврейский поэт из России] Иосиф Хаим Бреннер сравнивал евреев с “грязными собаками, ранеными, лишенными человеческого облика”. [Иегуда Лейб] Гордон писал, что евреи в Европе были паразитами. [Миха Иосиф] Бердичевский окрестил традиционных евреев “духовными рабами, людьми, чьи природные силы иссякли, и чье отношение к миру перестало быть нормальным”, а в другом месте “не-народом, не-нацией – фактически нелюдьми”»[193].

В связи с этим стоит вспомнить слова Хаима Хазаза (1893–1973), писателя и идеолога сионизма:

«Сионизм и иудейство – не одно и то же, они резко отличаются друг от друга и, без сомнения, противоречат друг другу. Когда не можешь быть евреем, становишься сионистом. Сионизм воспрял на руинах иудейства в час, когда силы народа иссякли… Одно можно сказать с уверенностью: сионизм – не преемственность и не лекарство. Он вырывает с корнем и уничтожает. Он сбивает народ с пути, идет наперекор воле и

духу, опустошает его, вырывает с корнем и бросает на новый путь – к далекой, но четкой цели, к которой пойдет он с горсткой людей во главе, чтобы стать песчинкой другой нации! Внимание: народ не будет ни новым, ни обновленным; он будет другим. Тот, кто думает иначе, либо ошибается, либо лжет сам себе»[194].

Андре Мальро, в отличие от христианских сионистов, видящих Израиль продолжателем библейской истории, смотрит глубже; по его мнению, Израиль не сохраняет евреев, он их преображает[195].

В подобном контексте место, отведенное в сионистском проекте социал-дарвинизму и евгенике, смотрится как совершенно естественное. Патерналистский подход был характерен для сионистского движения с самого начала – еще до возглавления его выходцами из России[196]. Один из сионистов призывал рассматривать брак как «акт общественный, от которого зависит будущее расы»[197]. Сионизм был большой «евгенической революцией», которая, по мнению Артура Руппина (1976–1943) – крайне влиятельного лидера сионистов, – была направлена на «очищение еврейской расы»[198]. Приход Гитлера не нарушил связей сионистов с авторитетами в области теории рас[199]. Даже после нацистского геноцида сионисты, «оставаясь верными основам социал-дарвинизма, подчас продолжали угнетать его жертв» и, подобно нацистам, называли евреев «недолюдьми»[200].

Светское большинство, утверждает Эфрон, испытывает глубокий страх перед харедим: «Несколько друзей и коллег независимо друг от друга рассказали мне о своих кошмарных снах, в которых их похищали и в ряде случаев пытали харедим. [Светские израильтяне] чувствуют, что они зажаты между двумя страшными врагами: палестинцами, с одной стороны, и харедим – с другой»[201]. Есть ощущение, что от этого нельзя застраховаться: «…сколь бы рационально ты ни воспитывал ребенка, его в конце концов могут заманить в лагерь харедим»[202].

Неудивительно, что по отношению к харедим светские израильтяне проявляют подчас нескрываемую ненависть. Во время войны в Персидском заливе, когда иракские ракеты обрушивались на Израиль, представлялась вполне реальной угроза химической войны. В то время как большинство израильтян испытывало чувство солидарности, Эфрон услышал от одной из студенток-гуманитариев Тель-Авивского университета такое пожелание:

«Лучше бы сейчас началась химическая атака на Бней-Брак (город, населенный преимущественно харедим), пока им не раздали новые противогазы [приспособленные для бородатых]. Тогда с ними раз и навсегда будет покончено»[203].

Антагонизм между сионистами и харедим сохраняется в израильском обществе и поныне. Евреи, осевшие в Канаде, Франции или России, осознав свою удаленность от «еврейских корней», обращаются именно к иудаизму. Они записываются в группы изучения Торы для начинающих, ходят в синагогу. В Израиле подобный шаг равносилен отказу от осознания себя светским евреем и «переходу в стан врага». Такая поляризация общества не имеет аналогов в современном мире.

Идеализация светского самосознания не уничтожила понятия святости – оно просто переместилось в новые, приобретающие сакральные свойства области жизни[204]. Сионизм – отнюдь не единственная область, где находит себе пристанище еврейский идеализм, прежде вдохновлявшийся Торой: наука, литература, борьба за мир и социальную справедливость также становятся «священными». Вот пример отношения к поэзии сестры национального героя Израиля Моше Даяна (1915–1981):

«Любовь моей матери к поэзии была не просто преходящим увлечением; она стала для нее единственным смыслом. Я думаю, болезнью моей матери и многих представителей ее поколения поэтами-декламаторами было то, что стихи не просто любили – им верили… Моя бедная мама воспринимала стихи как способ существования, как образ жизни. Она бесконечно их цитировала и верила в рифмы и в свою записную книжку так, как религиозный человек верит в библейские заповеди и сказания… Натан Альтерман [1910–1970] был для моей матери тем, чем Лев Толстой – для моей бабушки Дворы. Когда мы были детьми, моя мать вырезала из газеты “Давар” каждую его статью»[205].

Отношение к культуре (особенно к «высокой культуре») как к святыне присуще также и нерелигиозным евреям России, Германии, Франции и других стран: оно подобно формированию израильского светского мировоззрения, которое подменяет собой традиционное еврейское самосознание, довольно часто не оставляя от него и следа.

Однажды на свадьбе в поселении около Нетании я разговорился с парой, сидевшей со мной за одним столом. Они являлись сторонниками левых взглядов и, испытывая отвращение к воинственной природе израильского общества, пытались устроиться в Европе, однако позднее вернулись в Израиль. «Таким, как вы [религиозным евреям], легко прижиться, – говорили они мне с легким упреком. – Вы можете поселиться в любой стране. Достаточно найти синагогу, еврейскую школу и кошерную булочную – и вы дома! Для нас же это невозможно. Мы привязаны к этой стране и ее языку; мы здесь в ловушке. Мы стали заложниками наших дедов, которые хотели создать “нового

еврея” и тем самым лишили нас всего еврейского».

Их признание – иллюстрация того, что, «как и все революции, сионизм тоже хотел “разрушить до основания”, а затем опустить занавес над всем, что имело несчастье ему предшествовать»[206]. Как и эта пара, многие израильтяне, воспитанные по принципу «разрушим до основания, а затем…», тяготятся своим отчуждением от иудейства, «обвиняя» в этом, с весьма очевидной горечью, своих бабушек и дедушек – первопроходцев сионизма. Тем не менее смелости вновь вернуться к Торе они в себе также не находят.

Эта встреча на свадьбе напомнила мне о замечании, сделанном столетие назад видным знатоком Талмуда раввином Хаимом Соловейчиком (1853–1918): «Сионисты не отрывают евреев от Торы, чтобы построить государство. Им нужно государство, чтобы оторвать евреев от Торы»[207]. Атеисты, основавшие государство, сами прекрасно осознавали данный факт. Даже сейчас, в начале XXI века, они продолжают чинить препятствия молодежным религиозным и несионистским организациям, отказывая им в финансировании из фондов поддержки молодежи. Прежде всего Израилю нужны молодые люди, преданные государству, а не Торе[208].

И. Лейбович, критикуя сионизм, замечает, что появление и существование евреев, лишенных признаков иудейства, – а сегодня они составляют большинство, – явно указывает на разрыв с прошлыми веками. Эти евреи стремятся обрести национальное самосознание, так как у них больше нет никаких конкретных, эмпирически наблюдаемых признаков иудейства. Для Лейбовича «…опасность представляет превращение [национального самосознания] в поклонение перед государством, в жажду власти, в национальное самосознание в понимании Муссолини… Часть людей – пусть и меньшинство, но значительное, – до настоящего времени считавшихся еврейским народом, старается сохранить историческое и религиозное наследие и отвергает национальное самосознание и его символы. Неожиданно становится ясно, что понятие “еврейского национального самосознания” сегодня имеет два различных, более того, противоречащих друг другу значения»[209].

Израильтянин-атеист обычно не воспринимает отсутствие связи с иудейством как недостаток. Модель его жизни не слишком оригинальна: он живет в Израиле, говорит на иврите, служит в Армии обороны Израиля и считает, что прав называться евреем у него куда больше, чем у бородачей в черных кафтанах, встречающихся иногда на улицах.

«Новый еврей» стал полной противоположностью образу,

заложенному в Торе. «Все, что требуется от еврея, – это национальные чувства. Тот, кто дает шекель [символический взнос на сионистскую деятельность] и поет “А-тикву” [гимн сионистского движения, ставший официальным гимном государства], свободен от всех заповедей Торы»[210].

Тем не менее раввин Кук все же надеялся, что поселение в Земле Израилевой вернет новых евреев-безбожников в лоно иудейства. Вопреки распространенному мнению, он не слишком хорошо относился к идеологии основателей сионизма и утверждал, что “распространение сионизма повлечет за собой уничтожение веры и религии”»[211].

Ныне, почти столетие спустя, надежды Кука трудно назвать оправданными. Нет ни единого признака того, что земля духовно повлияла на большинство жителей Израиля. Ни иврит, ни Земля Израиля, по всей видимости, сами по себе не наделяют израильтян иудейским самосознанием. Более того, именно в Израиле, судя по многим наблюдениям, лучше, чем где-либо, осуществляется наиболее глубокая «деиудаизация». Президент Еврейского университета Иегуда Магнес (1877–1948), проживший несколько десятилетий в Палестине, с горечью заметил: «Трудно быть евреем. Но еще труднее быть евреем, верным духу Израиля, среди этих новомодных израильтян»[212]. Раввин Адин Штейнзальц, лауреат премии Израиля, мыслитель и выдающийся переводчик Талмуда, считает, что израильтяне утратили собственно еврейские качества. «Появилась нация, лишенная подлинной сердцевины нашего народа. … По своему образу жизни, по своему мышлению она стала гораздо более нееврейской, чем, может быть, какая бы то ни было нееврейская нация».[213]

Подмена традиционного еврейского самосознания израильским ставит вопрос о смысле сохранения еврея, потерявшего связь с иудейством, в качестве члена «национальной» общности. Автор книги по психоистории сионизма подтверждает, что отречение от Бога устраняет единственную характерную черту еврейства[214]. А поскольку новому еврейскому самосознанию необходимо было найти новую общую основу, ею, как в Израиле, так и в других странах, стало вечное беспокойство о безопасности Государства Израиль.

Так, любавичские* хасиды, из всех групп наиболее близкие к русской культуре, заняли по отношению к сионизму непримиримую позицию именно потому, что сионистские идеи увлекали в первую очередь российских евреев. В начале XX века раввин Шалом Дов Бер Шнеерсон, пятый любавичский ребе*, чье влияние в России простиралось далеко за пределы хасидского

сообщества, обвинял сионистов во внедрении еврейского самосознания, лишенного всякой связи с Торой. Его обличения были направлены в основном против националистических толкований самой Торы, распространяемых сионистами[215].

Вклад российского еврейства

В XIX веке евреи России жили в основном в пределах черты оседлости* под управлением бездушного и продажного бюрократического аппарата. Ограничения и преследования со стороны властей вызывали у большинства из них гнев и нетерпение. Царское правительство неоднократно издавало законы, направленные на вовлечение евреев в жизнь страны, но большинство обременительных и оскорбительных ограничений продолжали действовать. В то же время параллельно русификации появились новые возможности для получения образования: к 1880-му году число евреев среди студентов российских университетов превышало число воспитанников ешив[216]. Однако в 1881 году со смертью царя Александра II от рук террористов закончилась и эпоха либерализма. По Российской империи впервые за многие годы прокатилась волна погромов.

Царский режим держал большинство евреев в черте оседлости, в стороне от манящих центров русской культуры, поэтому секуляризация русских иудеев не сопровождалась массовой ассимиляцией. Отказавшись от приверженности Торе, это отошедшее от религии еврейство выработало «протонациональный характер и национальное сознание»[217], ибо обладали по крайней мере двумя атрибутами «нормальной» нации: общая территория (черта оседлости) и общий язык (идиш). Сионизм был одним из движений национального возрождения, схожим с течениями, возникающими по всей Европе – например, среди финнов, литовцев, поляков и чехов. В конце XIX века, когда евреев России захлестнула волна секуляризации, успеху сионизма также способствовал возникший тогда расовый антисемитизм, трагические последствия которого наложили свой отпечаток на отношение евреев к идее построения нового общества в Палестине. Развивавшийся в такой тяжелой атмосфере сионизм был далек от идеалов, вдохновивших отцов-основателей. Журналисты лондонской газеты «Джуиш Кроникл» («Jewish Chronicle»), с осторожностью приветствовавшие планы колонизации Палестины, писали: «…в Святую землю нас приведет не процветание, а гонение»[218].

Хотя в период с 1881 по 1914 годы из Российской империи в Палестину отправилось лишь 55 000 эмигрантов-евреев (против 2 217 000, уехавших в Северную Америку)[219], именно они составили костяк сионистского актива. Несмотря на решимость отречься от прошлого, деятели-сионисты не смогли оставить

своих корней и воспроизвели в новой стране культурные и политические реалии Восточной Европы.

Основной движущей силой сионизма в России были «маскилим»* – последователи Хаскалы. Нередко это были бывшие студенты ешив. Они имели определенные представления о европейской культуре, но, как правило, не получили систематического европейского образования. Некоторые из маскилим выучили иврит и стали свысока смотреть на родной идиш. В отличие от западных евреев, они живо интересовались преобразованием общества, обличали экономическую несправедливость и резко критиковали еврейские общинные учреждения своего времени. В первые десятилетия существования сионизма в нем преобладали идеи радикального идеализма. Немало поспособствовали обращению еврейской молодежи к идеям этнического национализма и погромы конца XIX века.

Российские евреи отреагировали на погромы по-разному. Верные традиции евреи, озабоченные судьбой своих семей, искали выход в эмиграции в Соединенные Штаты. Однако многие обрусевшие евреи, проникшиеся европейскими идеями, не могли удовлетвориться индивидуальным решением; вслед за царским правительством они заговорили о всеобщем «еврейском вопросе» и, подобно Герцлю и Марксу, искали его широкомасштабного решения.

Шок, гнев и разочарование, вызванные погромами, привели многих евреев в ряды общероссийских радикальных партий, члены которых не гнушались применять насилие[220]. Одновременно создавались и еврейские радикальные партии (в том числе социалистический Бунд*, группы самообороны и разные сионистские партии). На фоне захлестнувших революционные круги в России во второй половине XIX века[221] и ставших господствующими идей нигилизма и пренебрежения человеческой жизнью прокатилась волна террористических актов, последствия которых ощущаются и по сей день.

В то время как другие еврейские общины мира оставались верными принципу отказа от насилия и даже не помышляли о каких-либо вооруженных действиях против населения стран, где они проживали, в России этот принцип ослабевал по мере того, как все большее число евреев открывало для себя возможность бороться за свои идеи с оружием в руках. Многие российские евреи поддерживали радикальные политические партии, по определению незаконные. Революционное насилие было логичным выбором в ситуации, когда евреи оставались в основном вне общества, а любая политическая деятельность – по крайней мере, до революции 1905 года, – была запрещена.

Самодержавие просто подталкивало евреев к политическому экстремизму – во всяком случае, тех, кто, в отличие от своих отцов, не воспринимали испытания как стимул к моральному самосовершенствованию.

Среди еврейского населения Российской империи, пережившего погромы, возникло острое чувство незащищенности. Страх насильственной смерти резко усилился после волнений 1881 года, а затем, поколение спустя (после Кишиневской бойни в 1903 году), появился безотчетный страх перед соседом-христианином, который в любой момент мог стать убийцей, насильником или грабителем. В отличие от реакции на более жестокие и кровавые погромы на Украине в середине XVII века, насилие, которому подверглись евреи в конце «столетия прогресса», не имело никакого религиозного значения для растущего слоя отошедших от иудейства евреев. Евреи, порвавшие связи с Торой, отреагировали на погромы совершенно иначе. Вместо того чтобы бежать от насилия, пересмотреть свое поведение и предаться покаянию, как того требовала еврейская традиция, они заявляли о попранной гордости и призывали к сопротивлению. В черте оседлости стали появляться отряды самообороны, состоявшие в основном из членов рабочего движения «Бунд».

Сионизм «вырос» из чувства стыда и оскорбленного достоинства. Сионист русского происхождения признавался: «Неприятие Изгнания… трансформировалось в ненависть! Я ненавижу его, как ненавидят стыдное физическое уродство, ради избавления от которого можно пожертвовать даже жизнью»[222]. Мотив гордости обрел новое звучание. В то время как иудейство, подобно другим религиям, видит в гордости порок, светские евреи стремились обрести ее любой ценой. Героическая романтика, столь чуждая традиционному еврейскому мироощущению, быстро нашла благодатную почву в кругах этих «новых евреев». Примером такого увлечения можно считать идею Герцля о легализации в предвиденном им еврейском государстве дуэли – высшего проявления чести и благородства. Для вдохновлённых европейскими примерами сионистов респектабельность означала политическую независимость и наличие собственной армии. Сионизм подпитывался не страданиями евреев от погромов, а унижением отвергнутого претендента – того, чьи надежды вписаться в российское общество эти погромы повергли в прах.

Русско-еврейские интеллигенты – даже Ахад Ха-Ам, ранее выражавший сомнения по поводу использования силы против коренных народов Палестины, – ныне призвали евреев к

самозащите. Ахад Ха-Ам четко различал ненависть к евреям в Восточной Европе и сопротивление действиям сионистов со стороны палестинских арабов. Особенно гневно взывал к возмездию и ответному насилию Хаим Нахман Бялик. В стихотворении, написанном вскоре после Кишиневского погрома, он осуждает выживших, презирает их и призывает к бунту не только против мучителей, но и против иудейства. Бялик стыдит обывателей, которые прячутся в зловонные ямы, в то время как погромщики насилуют их жен и дочерей.

Гнев, охвативший множество евреев, заставляет Бялика, некогда учившегося в ешиве, перевернуть всю иудейскую систему ценностей с ног на голову. Он открыто издевается над традицией, связывающей все несчастья с прегрешениями самих евреев: «Да рушится трон ее в бездну! // Пусть небо сгниет и в проклятии канет!»[223] Бялик решительно порывает с иудейством и бросает смелый лозунг: «Самооборона или гибель!»

Поэт Бреннер, происходивший из семьи благочестивых российских евреев, тоже восстает против традиции. Он переиначивает самый известный стих Писания, вошедший в еврейскую молитву: «Слушай, Израиль, Господь, Бог наш, Господь един» – первый стих, который еврей учит в детстве, и последние слова, которые он произносит перед смертью. В преобразованном виде этот стих становится таким: «Слушай Израиль! Не око за око – два ока за око, все их зубы за каждое унижение!» Бреннер полностью извратил значение библейского выражения «око за око», которое в иудейском праве означает всего лишь обязательство выплачивать причитающуюся за увечья денежную компенсацию. Поэт погиб во время стычек с местными арабами в Яффе в 1920 году.

Европейский национализм оказал такое влияние на еврейскую молодежь русского происхождения потому, что эта будущая элита сионизма была не слишком хорошо образована и не блистала ни знанием Талмуда, ни культурой европейского образца[224]. Например, идеи Арона Давида Гордона (1856–1922), сыгравшие важную роль в становлении сионистской идеологии, оформились в его бытность управляющим поместьем в России.

Многие иудейские мыслители протестовали против выделения сионистами национальной составляющей еврейского самосознания, исторически подчиненного религиозным канонам. Иудейское понимание народа строится на приверженности Торе, а не на принадлежности к этнической группе или территории. Однако в нем присутствует и объективная составляющая, не характерная для западного понимания религии: человек, рожденный матерью-еврейкой, остается евреем, даже если его

верность Торе оставляет желать лучшего. По мнению раввинов, сионистская версия еврейского самосознания «полностью перевернула традиционные ценности: то, что раньше считалось лишь средством, стало целью, а то, что раньше было целью, превратилось в средство»[225]. Однако сионизм продолжает находить последователей. Большинство из них – выходцы из бывшего Советского Союза, чуждые еврейской традиции, но ощущающие себя частью «еврейской национальности», ставшей столпом израильского самосознания.

Переворот во взглядах многих российских евреев в конце XIX века был, без сомнения, гораздо более значимым, чем реальные возможности еврейской самообороны. Понимание истории среди молодежи радикально изменилось, и новое поколение жаждало специфически еврейской деятельности нового типа. Переосмыслив свою историю и исключив особые отношения между Богом и Его избранниками, эти евреи стали для самих себя жертвами исторической несправедливости. Такой взгляд на историю является мощной побудительной силой. Следует отметить, что некоторые основатели вооруженных еврейских частей в России и Палестине признавали значение применения силы в деле отрыва евреев от их иудейского прошлого.

Утверждение попранной национальной гордости евреев было важным мотивом деятельности Жаботинского. Во время Первой мировой войны он как основатель Еврейского легиона восхвалял самый убедительный путь утверждения этой гордости, а именно – применение силы. Если верить его биографу, «Еврейский легион стал лелеемой легендой и вдохновляющим прецедентом»[226]. Милитаризм был характерной чертой многих националистических движений XX века. Сионизм и здесь не стал исключением.

Воплощением романтического героизма в сионистском пантеоне стал потерявший руку на Русско-японской войне 1904–1905 годов. Иосиф Трумпельдор. Даже в японском плену Трумпельдор сумел организовать сионистскую ячейку, которую признали лидеры движения. Он был убит в Палестине во время перестрелки с местными арабами, и его последние слова, по преданию, звучали так: «Хорошо умереть за Родину». Эта фраза – вариант латинского выражения «Dulce et decorum est pro patria mori», – наряду с клятвой бойцов Масады, стала одним из символов решимости новых евреев, взявшихся за оружие.

В сионистской версии стремление к Святой земле выразилось в сведении еврейской истории к непрерывной череде страданий, Избавление от которых могло прийти лишь через автоэмансипацию и самоопределение евреев как «свободного

народа на своей земле». В Израиле часто можно услышать выражение «эйн брера»* («нет выбора»), которое означает, что у евреев нет другого места в этом мире, кроме Израиля. Другое его значение – отсутствие альтернатив применению силы – является тезисом, который Израиль регулярно подтверждает все более жестокими военными действиями.

Российские евреи отличались от своих собратьев в других странах тем, что среди них было значительное число сторонников применения силы. В других еврейских общинах мира не было ни необходимости в вооруженном сопротивлении, ни даже помыслов об этом. Следы русского культурного влияния заметны и в израильской военной истории: Моше Даян, Эзер Вейцман, Ицхак Рабин, Рехавам Зееви, Рафаэль Эйтан и Ариэль Шарон – потомки российских евреев. Степень их готовности использовать силу соответствовала степени их отчужденности от еврейской традиции. Только полностью отвергнув иудейство с его культом смирения, российские евреи смогли обрести уверенность в собственных силах и способности отвоевать и защитить Израиль.

Российское влияние в сионизме трудно переоценить. Одним из красноречивых показателей стал состав Кнессета через двенадцать лет после основания государства. Несмотря на почти полный запрет на эмиграцию из Советского Союза на протяжении более четырех десятилетий, свыше 70 % политической элиты были уроженцами России, а еще 13 % родились в Палестине/Израиле от родителей-выходцев из Российской империи. Руководство американских сионистов, чья поддержка была жизненно важна для успеха проекта в Израиле, также состояло в основном из евреев российского происхождения[227]. Поворот в общественном мнении евреев США относительно сионизма связан с тем, что немецких евреев в руководстве основных еврейских организаций страны сменили выходцы из России. На преимущественно российский характер сионизма указывают его понятия, методы и та поддержка, которую он получил от наиболее влиятельной общины мира – американской. В Голландии русские студенты приобщили к сионизму Якоба де Хаана (1881–1924), журналиста и адвоката, который после двухлетнего путешествия по России стал сионистом. Даже в Марокко сионистские идеи и мероприятия внедрялись почти исключительно российскими евреями[228]. Неудивительно, что Израиль называют иногда «еврейским осколком русского революционного движения»[229].

По результатам исследования, проведенного каналом BBC в 2011 году, в России относятся к Государству Израиль куда лучше, чем в большинстве других индустриальных стран[230]. Российская

пресса освещает в основном точку зрения правых израильских националистов. Однако журналисты еженедельника «Московские новости» отметили, что взаимная симпатия между Россией и Израилем на рубеже XX–XXI веков основана на общности жестокого отношения к чеченцам и палестинцам соответственно. «Не Россия Достоевского прозрела и полюбила евреев, а наши будановы и шамановы почувствовали родство с их шаронами»[231]. Безусловно, израильская практика применения силы вызывает восхищение не только в России: правые партии многих европейских стран вдохновляются примером сионистского государства.

Евреи русского происхождения составляют ядро израильского «правого» электората. «Русским естественно быть в Израиле “правыми”: этот лагерь воспитан на идеологическом наследии великих лидеров сионизма Жаботинского и [Менахема] Бегина (1913–1992) – выходцев из Российской империи», – говорит израильский активист русского происхождения[232]. Русское влияние на сионизм лишний раз подтверждается существованием правой партии «Наш дом – Израиль», созданной относительно недавними иммигрантами из России. Ее лидера Авигдора Либермана – выходца из СССР, заместителя Премьер-министра Израиля и министра иностранных дел, – в прессе часто называют фашистом. Еще более радикальные внепарламентские объединения поддерживают связи с крайне правыми организациями многих стран, прежде всего – России[233].

Влияние иммигрантов из стран бывшего СССР, по крайней мере треть из которых не является галахическими (т. е. по иудейским законам) евреями, ощутимо способствует правому повороту в израильской политике. Острословы из стана новых русскоговорящих израильтян, перефразировав слова русского поэта XIX века Николая Некрасова «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан», придумали злободневный лозунг: «Евреем можешь ты не быть, но сионистом быть обязан». И в самом деле, иммигранты из стран бывшего Советского Союза, привыкшие к понятию еврейской национальности, прекрасно вписываются в образ светского сиониста – столпа и причины существования Государства Израиль, созданного в свое время в основном российскими евреями. В начале 2012 года русские евреи-сионисты объединились в рамках «Всемирного форума русскоязычного еврейства», открывшего отделения во многих странах, в частности в Израиле, России, США и Канаде[234]. Израильское правительство доверило ему ключевую роль в улучшении имиджа Израиля по всему миру, в особенности в странах бывшего СССР.

Нацистский геноцид: память и уроки

Планомерное уничтожение миллионов евреев во время Второй мировой войны – один из важнейших аргументов в пользу сионизма. Некоторые сионисты, например Жаботинский, предсказали эту страшную трагедию и еще в 30-е годы призывали к массовой эмиграции в Палестину. Для подавляющего большинства сионистов геноцид евреев в Европе – это решающее доказательство угрозы, висящей над евреями всего мира. По их мнению, это дает Государству Израиль полную и неоспоримую легитимность. Сразу после Второй мировой войны сионистское движение представило свой политический проект как ответ на массовое убийство евреев, и спустя всего два года после того, как потухли печи крематориев, сумело убедить ООН в необходимости создания еврейского государства. По этой же логике для предотвращения нового геноцида необходимо военное преимущество, которое с самого начала обрел и продолжает укреплять Израиль. Но, как мы увидим ниже, многие евреи извлекли из этой трагедии совсем иные уроки.

Позиция, которой придерживались сионисты во время Второй мировой войны, была несколько двусмысленной. Те, кто работал в западных странах (особенно в промежутке между мировыми войнами), подчеркивали роль Палестины как убежища для преследуемых евреев. Такой подход объяснялся тем, что политические амбиции движения, в частности идея создания еврейского государства, отнюдь не пользовались единодушной поддержкой со стороны евреев Соединенных Штатов и других стран, где сионисты собирали больше всего средств. Однако во внутренних дискуссиях подчеркивалось, что сионизм – прежде всего идеологически направленное движение за самоопределение, а не практическая программа спасения страдающих евреев, не «еврейский Красный крест»[235]. Выходцу из России и будущему первому президенту Израиля Хаиму Вейцману приписывают такие слова: «Необычайно лицемерно и глубоко ошибочно было бы считать, что причиной возникновения сионизма были страдания евреев в России. Основным фактором была и остается неистребимая воля нации обрести национальный центр»[236].

Несмотря на ограничения, наложенные Англией на иммиграцию в Палестину, сионистские организации препятствовали попыткам организовать прием евреев в других странах. В свое время такую политику сионистов осудили многие реформистские и ортодоксальные раввины, а впоследствии и

израильские историки, обвиняя сионистское руководство в том, что его неизмеримо больше волновало создание государства, нежели судьба обреченных евреев Европы. В результате несколько планов спасения евреев (из Венгрии и ряда других стран) столкнулись с сопротивлением со стороны сионистского руководства. Даже до войны – например, во время Эвианской конференции 1938 года, – сионисты активно тормозили дипломатическое решение о создании убежища для евреев[237]. Один сионистский деятель в ответ на призыв помочь евреям Европы высказался следующим образом: «Одна корова в Палестине важнее, чем все евреи Польши»[238]. Другой деятель, подчеркивая важность создания государства после окончания войны, говорил: «Если не будет достаточно жертв, у нас не будет никакого права требовать себе государство… Нагло и постыдно собирать деньги для врага, чтобы спасти свою кровь, ибо только кровью мы сможем заслужить государство»[239]. Одним из первых, кто выразил мысль о необходимости жертвы, был Хехлер, вдохновитель Герцля и христианский сионист, который в 1931 году в разговоре с еврейским сионистским деятелем сказал: «… придется пожертвовать частью европейского иудейства ради возрождения вашей библейской родины»[240]. Однако не стоит забывать, что нацисты, уничтожив миллионы в основном ашкеназских евреев[241], лишили будущее сионистское государство потенциального населения.

В 1938 году – после «Хрустальной ночи», положившей начало физическому насилию против евреев Германии, – Бен-Гурион, как сообщают, сказал: «Если бы мне предложили спасти всех еврейских детей, отправив их в Англию, или лишь половину – в Палестину, я бы выбрал второй вариант, ведь на карте не только судьба детей, но и историческая судьба еврейского народа»[242]. В то же время сионистские лидеры открыто заявляли о необходимости «…в первую очередь спасать детей – лучший материал для ишува [сионистской колонизации]. Необходимо сохранить подготовленную молодежь, способную реализовать планы сионизма»[243].

Верный своим идеям, Бен-Гурион «был против… создания сильного, крупного и компетентного официального агентства, располагающего необходимыми ресурсами для спасательных операций, а также против использования для таких операций средств, собранных сионистскими организациями. Он также отказался обратиться к американским евреям за помощью в сборе значительных средств для осуществления этой цели»[244]. Такое отношение сионистов отражало их убежденность в том, что «сионизм – это операция по спасению всей нации, а не каждого

еврея в отдельности»[245].

Раввины-реформисты, равно как и харедим, обвиняли идеологов сионизма в саботаже любых усилий по спасению евреев Европы, в том числе принятого президентом США Рузвельтом еще в самом начале войны решения найти страны, которые предложили бы евреям убежище[246].

Моррис Эрнст (1888–1976), активист движения за гражданские права, имевший прямой контакт с Рузвельтом, решил проверить истинность этих обвинений – понаблюдать за тем, как отнесутся его друзья-сионисты к идее о предоставлении убежища для европейских евреев. Когда он рассказал об инициативе Белого дома, «…друзья вышвырнули меня из дома… Они сказали совершенно откровенно: “Моррис, это предательство, ты подрываешь основы сионистского движения”. Может быть. Но мне гораздо важнее найти убежище для полумиллиона или миллиона людей, которых притесняют по всему миру». Редактор «Нью-Йорк Таймс» также возмущался: «Ради Бога, почему судьба всех этих несчастных людей менее важна, чем чей-то призыв к созданию государства?»[247]

Некоторые источники обвиняют сионистское движение в применении политики «селекции», то есть приема в Палестину лишь тех, кто был способен внести значительный политический или экономический вклад в строительство сионизма. Термин «селекция» имел в данном случае особенно зловещее звучание: ведь когда евреи выходили из вагонов по прибытии в лагеря уничтожения, эсэсовцы проводили «селекцию», отбирая тех, кто какое-то время мог приносить пользу экономике рейха на принудительных работах. Остальных же немедленно отправляли в газовые камеры. Вейцман однажды сказал: «Старики исчезнут, такова их судьба. Они не имеют никакого экономического или нравственного значения. Старики должны смириться со своей судьбой». Такое отношение Вейцмана не ускользнуло от внимания западной прессы. Вскоре после войны активист движения за права человека писал: «Кто знает, сколько тысяч еврейских жизней могли мы спасти из когтей Гитлера, если бы не было этого антиеврейского давления со стороны [других] евреев?»[248]

Многие израильские историки склонны поддержать обвинения, выдвигаемые против сионистского движения как харедим, так и раввинами-реформистами. Они, хоть и другими словами, подтверждают, что Бен-Гурион и его окружение препятствовали попыткам спасти еврейские общины Европы от уничтожения. Сионистское руководство, по их утверждению, сделало все для того, чтобы усилия по спасению оказались

подчинены главной цели их собственного движения, то есть созданию «нового еврея» и еврейского государства. Сионисты, подобно другим европейским националистам, видели в людях лишь «человеческий материал», рассматривая вопрос жизни и смерти миллионов лишь с позиции политической целесообразности[249].

Для противников сионизма вывод очевиден: «В двадцатом столетии кровь шести миллионов евреев – мужчин, женщин, детей и стариков – была отдана основателями и вождями движения в обмен на государство. Какой нормальный человек может вообразить такую чудовищность?»[250] Сионистское руководство обвиняют в том, что оно отвернулось от европейского еврейства и «блокировало планы эмиграции европейских евреев в другие страны мира с целью заставить их перебраться в Палестину»[251].

Эти наблюдения, сделанные израильскими историками в конце XX века, подтверждают то, о чем давно говорили бородатые раввины в черных лапсердаках, которых в еврейском истеблишменте никто не принимал всерьез. Правда, эти столь серьезные обвинения игнорировались и тогда, когда они исходили от по моде одетых реформистских евреев, вполне вписавшихся в американскую культуру.

Представитель американского реформистского иудейства раввин Моррис Лазарон (1888–1979) после своей поездки по еврейским общинам Европы, состоявшейся накануне Второй мировой войны, выступил с протестом против исключительного финансирования сионистского предприятия в Палестине в ущерб усилиям по спасению евреев Европы, над которыми тогда нависла непосредственная угроза со стороны нацистов. Он также отвергал сионистский тезис, что лишь Палестина может стать безопасным убежищем для евреев. Лазарон обрушился на сионистских пропагандистов, пытавшихся убедить евреев в том, что весь мир все равно отвергнет их только потому, что они евреи. По его мнению, не было причины подрывать доверие американских евреев к эмансипации из-за антисемитской политики Германии[252]. И действительно, многие евреи сохранили верность идеалам равенства вопреки нацистскому геноциду, а порой и вследствие этой трагедии.

Суть того, в чем обвиняют сионистов их религиозные недруги, легче понять в свете следующего наблюдения видного израильского ученого:

«С точки зрения отцов-основателей [Израиля], еврейские общины, разбросанные по Центральной и Восточной Европе, имели значение лишь в качестве источника новобранцев.

Никакой ценности сами по себе они не представляли. Даже в разгар Второй мировой войны не произошло никакой смены приоритетов: для Берла Каценельсона на первом месте стояло не спасение евреев как таковых, а организация сионистского движения в Европе… Таким образом, каждое событие в жизни народа следовало оценивать в соответствии с единственным критерием: его вкладом в дело сионистского движения»[253].

Эта позиция объясняет безразличие к страданиям евреев, в котором и историки, и раввины обвиняют сионистов. Постигшая евреев Европы трагедия не только укрепляла решимость сионистского руководства создать еврейское государство – она давала им аргумент невиданной силы.

В каком-то смысле между сионистами и национал-социалистами существовало идейное сходство: и те и другие считали евреев чуждым народом, не верили в возможность их ассимиляции в западном обществе и считали, что в Европе им места нет. Раввин Иоахим Принц (1902–1988), деятель немецкого сионизма, в своей книге «Мы евреи», изданной в Берлине в 1934 году, приветствовал воцарение нацистов в Германии и провозглашал «конец либерализма»[254]. В 1937 году он заметил, что нацисты относятся к сионистам как к «любимчикам»[255] среди евреев. Эмигрировав в США, Принц продолжал совмещать обязанности раввина с участием в сионистском движении и в 60-х годах являлся председателем нескольких еврейских организаций.

Чтобы заручиться поддержкой нацистского руководства, немецкие сионисты демонстрировали приверженность своим националистическим идеям. Курт Тухлер, член исполкома Федерации сионистов Германии, уговаривал высокого чина СС барона Леопольда фон Мильденштейна написать в нацистской прессе про-сионистскую статью. Барон согласился на том условии, что сможет воочию увидеть сионистские поселения. Вскоре после прихода Гитлера к власти сионист и нацист вместе со своими женами отправились в Палестину. Барон сдержал слово и осенью 1934 года написал серию из двенадцати статей для ежедневной газеты «Angriff» («Атака»), созданной Йозефом Геббельсом в 1927 году и сыгравшей важную роль в приходе национал-социалистов к власти (ее перестали издавать только в мае 1945 года, когда советские танки уже были в Берлине). В память о поездке была вычеканена медаль-сувенир, с одной стороны которой изображена свастика, а с другой – шестиконечная звезда[256]. Сионисты также смогли выторговать согласие гитлеровского правительства на выезд десятков тысяч евреев с их капиталом в Палестину, что послужило для остального мира предлогом и аргументом для снятия санкций

экономического бойкота против нацистской Германии[257].

Хотя во время Второй мировой войны сионисты не сразу осознали масштаб нацистского геноцида, они извлекли из него однозначный урок: нужно любой ценой создавать свое государство и укреплять его, переселив туда как можно больше евреев. Только в этом случае появится возможность противостоять любым нападкам со стороны арабов. По словам израильского историка Моше Циммермана:

«Катастрофа – это орудие, которым пользуются очень часто. Если быть циничным, можно сказать, что факт массового уничтожения евреев стал одним из самых полезных средств для манипуляции общественным мнением, в особенности еврейским – причем как в Израиле, так и за его пределами. В израильской политике из этой трагедии делают вывод, что “еврей без оружия равноценен еврею мертвому”»[258].

Но этот вывод отнюдь не единственный. Из нацистского геноцида следует и совершенно иной урок: нужно опасаться сильного государства, объявляющего себя стоящим выше обычной морали, практикующего расовую дискриминацию и совершающего преступления против человечности. Роль нацистского геноцида в становлении сионистского еврейского государства общепризнана. Основатели Израиля смогли убедить большинство государств – членов ООН, что единственным возможным воздаянием за геноцид евреев и в то же время однозначным решением «еврейского вопроса» будет создание отдельного государства. Они подчеркивали, что евреям опасно жить в этом мире, и лишь собственное государство сможет их защитить. Сионисты проводят прямую связь между уничтожением европейского еврейства и Государством Израиль, считая появление последнего символом возрождения. Сионистское толкование этого трагического события четко отражается в том, как его отмечают в Израиле.

Для увековечения памяти об этой трагедии израильское правительство ввело «Йом а-шоа» («День Катастрофы»). Изначально этот день носил название «Йом а-шоа ве-а-гевура» («День Катастрофы и героизма») – словно «достойная» смерть одних искупала «постыдную» смерть других[259]. Чтобы подчеркнуть связь между двумя важнейшими событиями в современной еврейской истории, было решено отдавать дань памяти уничтоженным фашистами евреям за несколько дней до Дня независимости. Стремление руководителей тогда еще совсем молодого государства разбавить тему презираемого сионистами «пассивного страдания» мотивом сопротивления побудило их остановить свой выбор на дате, связанной с восстанием в

Варшавском гетто в 1943 году.

В послевоенные годы в израильской прессе описывались исключительно подвиги и героизм сражавшихся евреев. Истории «просто оставшихся в живых», которые в общественном мнении, формируемом сионистами, считались «овцами, шедшими на бойню», публиковались за счет авторов или землячествами переживших геноцид евреев[260]. Первое время в годовщину восстания в Варшавском гетто сионисты «забывали» почтить память шести миллионов жертв геноцида[261]. Церемонии поминовения, которые в те годы устраивали в Израиле пережившие геноцид евреи, некоторые историки называют «полуподпольными»[262]. Вместе с тем израильская пресса охотнее писала о деятелях сионистского сопротивления, чем, например, о его участниках-членах организации Бунд, создавая таким образом впечатление, что с нацизмом боролись лишь сионисты [263]. Только во время процесса над Адольфом Эйхманом в 1961 году свидетельства переживших геноцид евреев и объяснения причин отсутствия сопротивления с их стороны стали доступны широкой израильской общественности[264].

В канун Дня Катастрофы проводится торжественная церемония в мемориальном музее «Яд Ва-Шем» в Иерусалиме. Утром звучит сирена, призывающая всех израильтян к двухминутному молчанию. В течение всего дня устраиваются приуроченные к этому событию беседы и лекции, а по радио и телевидению идут специальные передачи. Основная тема памятного дня прозрачна: нового геноцида не будет, ибо у нас есть свое государство, которое нас защищает. Сионисты часто утверждают, что, если бы Государство Израиль существовало перед Второй мировой войной, никакого геноцида бы не произошло.

Согласно брошюре, предназначенной для политработников израильской армии, «Йом а-шоа» должен воспитывать в солдатах чувство принадлежности к еврейскому народу и верность своему государству:

«Создание Государства Израиль сионистами должно было стать решением проблемы существования еврейского народа в свете того, что другие усилия не принесли успеха. Катастрофа в Европе, со всеми ее ужасами, доказала, что и в XX веке выживание евреев ничем не гарантировано, пока они не являются хозяевами своей судьбы и лишены мощи, необходимой для самозащиты»[265].

Официальный текст также гласит, что израильская армия продолжает дело тех, кто воевал в отрядах сопротивления во время войны. Уже в 1947 году память о геноциде использовали

как средство мобилизации сионистов для захвата Палестины и оправдание сопутствующих ему этнических чисток: «…мы отомстили за вашу горькую и одинокую смерть ударами наших кулаков – тяжелых и горячих»[266].

Использование памяти о геноциде евреев в качестве орудия воспитания израильского патриотизма не только не ослабевает, но и продолжает усиливаться. В 69-ю годовщину освобождения Освенцима советскими войсками в лагерь приехала половина депутатов израильского парламента. Они прошли через ворота лагеря смерти, гордо неся над собой израильский флаг[267]. За несколько лет до этого после воздушного парада в Польше, несмотря на протесты дирекции музея в Освенциме, три израильских истребителя F-15 со звездами Давида, пилотируемые потомками евреев, спасшихся от уничтожения в оккупированной фашистами Польше, пролетели над бывшим нацистским лагерем. За полетом из соседнего Биркенау наблюдали двести израильских солдат. Один из пилотов, комментируя это событие, не преминул подчеркнуть свою веру в израильскую армию: «Для нас это триумф. Шестьдесят лет назад у нас не было ничего. Ни страны, ни армии, ничего. Теперь мы прилетаем сюда на собственных самолетах…»[268]

Посещение мест геноцида евреев стало важнейшей частью израильского армейского воспитания. Однако эти поездки лишь укрепляют знания, заложенные в государственных школах: на изучение истории геноцида отведено более 15 % программы по современной еврейской истории. Примерно половина учеников и преподавателей считают эту катастрофу важнейшим событием XX века. Даже среди учеников-евреев арабского, турецкого или иранского происхождения, чьи предки не знали нацистской оккупации, 83 % считают, что их семьи «пережили Катастрофу». Такой же процент молодых израильтян боится уничтожения Государства Израиль, а треть из них считает, что возможность нового геноцида по-прежнему велика[269].

Символично, что первый израильский космонавт Илан Рамон, потомок евреев, переживших войну, взял на борт американского космического корабля рисунок лунного ландшафта, выполненный ребенком в концлагере Терезин.

Официальные церемонии в память о геноциде евреев являются средством укрепления этих чувств. Начальник израильского Генштаба, стоя у подножия памятника бойцам Варшавского гетто, сказал: «Если вы хотите узнать, в чем источник силы и мощи израильской армии, обратитесь к святым мученикам Катастрофы и героям восстания… Катастрофа… это корень и оправдание нашего дела»[270].

Впрочем, связать историю восстания в Варшавском гетто с сионизмом не так просто, как это может показаться на первый взгляд. Дочь еврея-бойца, павшего во время восстания, задает болезненные вопросы:

«Пока израильтяне ставят к стенке палестинцев не сотнями, а лишь по одному в день, свободны ли мы, евреи, от заботы о морали и справедливости? Не стал ли нацизм единственной нормой, по которой евреи судят о зле, и все, что не является его точной копией, считают морально приемлемым? Что же эта Катастрофа сделала с еврейским чувством нравственности?»[271]

Марек Эдельман (1919–2009), ветеран восстания, поддерживал палестинское сопротивление и находил в нем немалое сходство с борьбой против нацистов. «Ничто так не раздражает сионистов, как высказывания еврея-антисиониста с таким отважным и принципиальным прошлым»[272]. Неудивительно, что его мемуары, опубликованные в Польше в 1945 году, вышли в свет в Израиле лишь четверть века спустя.

Для сравнения, книга Ханны Арендт (1907–1995) – крупнейшего политического мыслителя XX в., еврейки, бежавшей из Германии в США, а в прошлом активистки сионистского движения, – о процессе Эйхмана[273] была издана на иврите лишь через тридцать семь лет после написания. Подрывая один из основополагающих мифов сионизма, что антисемитизм – сила вечная, постоянная и мистическая, Арендт не считала Эйхмана «виновным в преступлениях против еврейского народа», несмотря на постановление трибунала. Она видела в нем образец «банальности зла» – случай практически бессознательного изменения человеческого поведения под влиянием неумолимой бюрократической машины. Выводы Арендт не распространяются исключительно на Германию и должны послужить предупреждением любому государству, ведущему политику дискриминации. В конце века в Израиле прошла конференция, посвященная ее интеллектуальному и моральному наследию, а труды конференции были изданы под названием «Арендт в Иерусалиме»[274].

Одного события, даже такого чудовищного, как нацистский геноцид, недостаточно для долгосрочного оправдания сионизма. Поэтому идеологи этого движения вынуждены постоянно подчеркивать принципиальную угрозу существованию евреев вне Израиля. Бывший израильский министр просвещения – один из идеологов национал-иудаизма – выразил эту мысль вполне отчетливо: «Нацистский геноцид – это не безумие нации, которое случилось однажды и прошло. Это идеология, которая вовсе не исчезла. Даже теперь мир может смотреть сквозь пальцы на

преступления против нас»[275]. Логичным продолжением этой мысли является тот факт, что лишь 4 % израильских учеников выносит из истории нацистского геноцида урок общечеловеческого значения (необходимость бороться с дискриминацией, расизмом и т. д.)[276].

Израиль воспринимается как последний оплот, в котором каждый еврей может найти защиту от любой грядущей опасности. Вот почему поддержка Израиля со стороны евреев мира зачастую воспринимается как нечто вроде страхового полиса. Однако среди ортодоксальных раввинов – даже среди тех, кто в той или иной степени разделяет идеи национал-иудаизма, – на этот счет остаются сомнения. Например, раввин Моше Собер (1955–2006) не верит в способность Израиля прийти на помощь американским евреям в случае, если американскому правительству придет в голову их преследовать. Он находит эту идею смешной и, цитируя Талмуд, заключает: «Ваш гарант сам нуждается в гарантии! Это все равно что страховать свою жизнь в компании, которая обанкротится в день твоей смерти»[277].

С иудейской точки зрения, разделяемой большинством религиозных евреев[278], трагедия призывает самым тщательным образом проверить собственное поведение во имя индивидуального или коллективного раскаяния. Это не повод обвинять палача, приписывая его поступки политическим, идеологическим или социальным факторам. Палач – будь то фараон, Амалек или Гитлер, – является лишь орудием Божественного наказания, указывающим евреям на необходимость покаяния[279].

Следуя той же логике, лишь Провидением можно и должно объяснять бедствия, обрушивающиеся на евреев. Об этом рассуждал, например, Эльхонан Вассерман (1875–1941), влиятельный раввин литовского направления, ученик и духовный наследник Хофец Хаима. Он родился в Литве, входившей в состав Российской империи, и обучался под началом видных раввинов, в частности в так называемой бриской талмудической школе в Брест-Литовске. Раввин Вассерман возглавлял многие ешивы, самая известная из которых – ешива «Новардок» в белорусском городе Новогрудок, принадлежавшем тогда Польше. Находясь в США и занимаясь сбором пожертвований для ешивы, Вассерман узнал о нападении нацистов на Польшу. Осознавая опасность, которую представляли нацисты для евреев, но не желая бросать своих учеников, Вассерман вернулся в Европу. В 1941 году он был схвачен и убит литовскими коллаборационистами. Сохранились его последние слова: «По-видимому, Небеса сочли нас праведниками, так как наши тела избраны для искупления

еврейского народа. Поэтому мы должны покаяться сейчас же… раскаявшись, станем лучшей жертвой. Тем самым мы спасем жизни наших братьев за океаном. Да не проникнет в наши мысли ничего недостойного, что сделало бы нашу жертву непригодной»[280].

Помимо множества работ, в которых содержится глубокий анализ талмудических текстов, раввин Вассерман написал несколько книг о современных ему событиях. Его сочинение «Иквета де-Мешиха» («Мессианская эпоха») до сих пор остается одним из основных источников иудейской критики сионизма[281]. Вассерман написал ее в конце жизни, полностью отдавая себе отчет в том, насколько опасен для евреев национал-социализм в Германии, но при этом не считая движение каким-либо исключением из Божественного миропорядка.

Его современник из Германии раввин Шимон Шваб видел в геноциде призыв к раскаянью: «Бог зовет их, но они не отвечают»[282]. Даже ужасы нацистского преследования не подтолкнули людей к массовому обращению к еврейскому духовному наследию. Исключение евреев Германии из всех сфер общественной и культурной жизни привело к бурному расцвету еврейской общинной жизни, но возвращение к религиозной практике наблюдалось крайне редко. Раввин Шваб, глядя на Германию 1934 года, сокрушался:

«Они создавали спортивные ассоциации и даже “культурную лигу”, лишь бы, Боже упаси, “не вернуться в гетто”… Да, нас притесняют, но мы не раскаиваемся. Мы унижены, но нет в нас смирения, особенно перед Господом… А если так, остаемся ли мы по-прежнему народом Божьим?»[283]

Всего через несколько месяцев после прихода Гитлера к власти раввин Шваб предсказал, что божественное провидение покарает евреев за грехи «мера за меру» – и наказанием им будет истребление части народа. Эти слова сохранились в английском издании книги, которая вышла в США спустя десятилетия после геноцида.

Для Вассермана нацистские преследования, жертвой которых он вскоре стал, были прямым следствием сионизма. Из всех «-измов», которым Вассерман был свидетелем, его больше всего беспокоил сионизм: именно еврейских националистов он обвинял в развязывании войны между евреями и Небесным царством. По его мнению, целью еврейского национализма было Изгнание Бога из сердец сынов Израилевых. Пока сионистские вожди отказываются отречься от своих действий и покаяться в своих грехах, не может быть никакого Избавления. Враждебно относясь и к социализму, во многом вдохновившему деятельность

сионистов в Палестине, Вассерман видел Божественную справедливость – мера за меру – в том, что наводящий ужас на евреев Европы национал-социализм являлся порождением национализма и социализма, то есть идолов, обожествляемых восточноевропейскими сионистами:

«Ныне евреи избрали двух “идолов”, которым они приносят свои жертвы. Это социализм и национализм… Эти две формы идолопоклонства отравили умы и сердца еврейской молодежи. У каждого из них – свое племя лжепророков в образе писателей и ораторов, которые мастерски делают свою работу. Случилось чудо: на Небесах эти два вида идолопоклонства слились в одно – национал-социализм. Из него был создан ужасный бич гнева, поражающий евреев во всех уголках Земли. Мерзости, которым мы поклонялись, обернулись против нас самих»[284].

Вассерман был убежден, что геноцид, размах которого он предчувствовал, являлся наказанием за отход от Торы, столь долго поощряемый и практикуемый сионистами. В соответствии с этой логикой, пока сохраняется и продолжает существовать сионистский строй, евреи будут расплачиваться человеческими жизнями за преступления, которые составляют неотъемлемую часть сионизма. Насилие, от которого население Земли Израиля страдает вот уже более столетия, с этой точки зрения, является продолжающимся наказанием за сионистскую деятельность, влекущую за собой нарушение приведенных в Талмуде (и объясненных выше) клятв не заселять эту землю в массовом порядке до прихода Мессии.

Противники сионизма в Иерусалиме высказываются еще резче: «Если бы не грехи сионистов, не произошло бы и трагедии в Европе». Они решительно отвергают предположение, распространенное среди сторонников сионизма, что, если бы Государство Израиль существовало в 1930-х годах, оно могло бы принять всех евреев Европы: «Это сущая ересь. Я повторяю: массовое уничтожение было воздаянием за грехи сионистов»[285].

Такого категоричного мнения придерживался раввин Амрам Блой (1894–1974). Он родился в Иерусалиме среди харедим и быстро стал видным антисионистским деятелем, вступив в ряды движения Агудат Исраэль*, созданного в Европе в 1912 году для противостояния сионизму, а немногим позднее работал редактором журнала «Коль Исраэль». Разочарованный наладившимся сотрудничеством Агудат Исраэль с сионистами, в 1937 году Блой основал движение Нетурей Карта*. Он тесно работал со многими известными личностями – например, с признанным лидером харедим середины XX века раввином Авраамом Йешаягу Карелицем (1878–1953), более известным как

Хазон Иш. Неоднократно арестованный за акции протеста против политики сионистского государства (например, против призыва женщин в армию), раввин Блой стал символом сопротивления харедим сионизму. Его позиция оставалась твердой на протяжении всей жизни: необходимо восстановить справедливость и вернуть политический контроль над Святой землей палестинцам. Блой считал, что евреи при арабском правительстве будут в большей безопасности, чем в сионистском государстве, а причиной палестинской агрессии являлись исключительно действия сионистов. «Если тебя выгоняют из дома и, распоряжаясь в нем, как хозяева, забирают у тебя все, что имеешь, ты отреагируешь иначе?» Обличая обыденную жестокость сионистов, он не понимал, чем жизнь в стране с палестинским правительством была бы для евреев хуже жизни «в Швейцарии или Америке».

В 1965 году раввин Блой женился на Рут Бен-Давид (1920–2000), урожденной Мадлен Феррай, ранее католичке. Во время нацистской оккупации Франции она состояла в движении Сопротивления, где получила первый опыт работы в подполье. Приняв в 1951 году иудейство, Бен-Давид вошла в общину харедим во французском городке Экс-ле-Бен. Еще до вступления в брак с раввином Блоем она снискала славу бесстрашного борца с сионизмом и приняла участие во многих акциях в Израиле и за его пределами[286].

Другой лидер харедим, раввин Иосиф Цви Душинский (1868–1948), выступая в 1947 году от имени традиционной ашкеназской общины в ООН, заявил, что сионизм стал главной причиной насилия и трений с арабским населением, в результате чего британские власти, начиная с 1930 года, были вынуждены ограничить иммиграцию евреев в Палестину. Таким образом, сионистское руководство обвиняют в том, что оно воспрепятствовало спасению миллионов евреев: «Колоссальное истребление миллионов наших братьев от рук нацистов во время Второй мировой войны могло быть предотвращено. Многие из них могли бы мирно жить в Святой земле»[287]. Другими словами, он утверждал, что, если бы во главе еврейских общин в Палестине стояли лидеры, следующие традиции и лишенные националистических амбиций, давние мирные отношения с арабами позволили бы открыть ворота страны для преследуемых евреев Европы.

Эта точка зрения была высказана значительно раньше начала истребления евреев в Европе. Еще в 1937 году, реагируя на рекомендации Королевской комиссии по вопросам Палестины относительно раздела территории страны, президент Еврейского

университета в Иерусалиме раввин Иегуда Магнес писал в «Нью-Йорк Таймс»: «Арабы могут разрешить нам привезти в арабские страны [из Европы] сотни тысяч евреев… Но без их разрешения даже те 400 000 евреев, живущие в Палестине сейчас, окажутся в опасности, несмотря на временную защиту британских штыков. Раздел [Палестины на два государства: арабское и еврейское] превратит наш регион в новые Балканы»[288]. Лидеры еврейских организаций в свое время не отреагировали на эти слова, и с тех пор о них практически забыли.

Сионисты-воспитатели используют самые разные способы, чтобы укрепить среди израильтян и молодых евреев других стран мнение, что само существование Государства Израиль представляет собой своего рода воздаяние за геноцид. Одним из самых эффективных официальных мероприятий остается «Марш живых», впервые проведенный в 1988 году. Еврейскую молодежь из разных стран возят по местам массовых убийств евреев в Польше (например, в Освенцим), а заканчивается поездка в Израиле, накануне Дня независимости. Эмоциональное воздействие такого путешествия велико: от смерти – к жизни; от сумрачных бараков Освенцима – на залитые солнцем улицы израильских городов, украшенные бело-голубыми флагами в честь Дня независимости. Израильская часть марша задумана идеологами кибуцев. Эти идеологи осознают масштаб кризиса самосознания, поразившего израильскую нерелигиозную молодежь. Однако те же идеологи противятся возведению синагог в светских кибуцах даже для приезжающих туристов[289].

Примеров политической манипуляции памятью о нацистском геноциде немало. Только желанием дискредитировать палестинских лидеров можно объяснить то, что в «Энциклопедии Катастрофы», опубликованной в Израиле, больше внимания уделено палестинцу Амину аль-Хусейни (1893–1974) – довольно мелкому коллаборационисту нацистов, – нежели Гиммлеру, Геббельсу и Герингу[290]. И это далеко не единственный случай правки истории геноцида в политических интересах. Катастрофа, постигшая европейское еврейство, не только оправдывает существование Израиля. Она оказалась эффективным рычагом добывания разного рода помощи Израилю. Как заявляет один израильский политик: «Даже лучшие друзья евреев не предложили никакой существенной помощи европейскому еврейству и отвернулись от дымящих труб лагерей уничтожения… поэтому весь свободный мир, особенно сегодня, должен продемонстрировать свое раскаяние… предоставляя Израилю дипломатическую, оборонную и экономическую помощь»[291]. Эта цитата, взятая не из полемического источника,

а из политического анализа, проведенного учеными, принадлежащими к лагерю национал-иудаизма, довольно показательна: идеологическое и политическое использование памяти геноцида (в том числе и манипуляция коллективным чувством вины) стало обыденностью.

Чувство вины европейцев за нацистский период истории позволило Государству Израиль получить значительные репарации от Германии, а позже и от других стран. Израиль стал законным «наследником» миллионов уничтоженных евреев, хотя сами они никогда его таковым не считали и считать не могли.

Ссылки на геноцид евреев Европы служат для отражения критики Израиля и возбуждения сочувствия к по-прежнему «окруженным врагами» евреям Израиля, представляющего себя душеприказчиком шести миллионов уничтоженных в Европе. Однако такие доводы постепенно утрачивают силу. Поколение, пережившее войну, более не стоит у власти в Европе. Все чаще слышится ропот, что Израиль злоупотребляет памятью геноцида. Израильский писатель Амос Оз осуждает профанацию памяти шести миллионов человек с немалой долей сарказма:

«Наши страдания дали нам свидетельство о неприкосновенности – своего рода моральный карт-бланш. После всего, что грязные гои сделали с нами, никто из них не может читать нам мораль. Мы же, со своей стороны, можем делать все что хотим, потому что были жертвами и так много пережили. Став жертвой, мы остаемся ею навсегда, а статус жертвы предоставляет его обладателю моральную индульгенцию»[292].

Израильские политологи опасаются, что злоупотребление памятью о геноциде может породить поведение, которое оттолкнет от Израиля даже его союзников: «Ссылки на священную память о геноциде… позволяют объяснить поведение Израиля, которое кажется иррациональным не только многим его друзьям, но и некоторым гражданам»[293]. Для наглядности стоит привести цитату из письма, отправленного премьер-министром Менахемом Бегином президенту США Рональду Рейгану во время израильского вторжения в Ливан в 1982 году. Бегин писал, что ощущает себя человеком, ведущим «бесстрашную армию на Берлин, чтобы уничтожить Гитлера в его бункере»[294]. С точки зрения некоторых сионистов, иранский президент, палестинцы, да и мусульмане вообще – это «новые нацисты». Забывая о решающей роли советской армии в победе над нацизмом, многие американцы считают США силами добра, которые победили во Второй мировой войне и освободили евреев от нацистской угрозы. «С тех пор США и Израиль едины в необходимости найти нового Гитлера и уничтожить его»[295].

Израильские политики используют трагедию европейского еврейства без зазрения совести. Так, накануне убийства Ицхака Рабина (1922–1995) сторонником национал-иудаизма в стране распространялись смонтированные изображения премьер-министра в форме СС. Односторонняя эвакуация поселений из сектора Газа, объявленная премьер-министром Ариэлем Шароном в 2005 году, вызвала настоящий вал сравнений с нацистским геноцидом. Противники эвакуации называли ее «депортацией», попыткой создать пространство «jüdenrein» («очищенное от евреев»), а вдобавок раздавали листовки с надписью «Шарон = Гитлер». С другой стороны, философ Йешаягу Лейбович говорил о возникновении «иудеонацистской» идеологии среди поселенцев на занятых Израилем в 1967 году территориях,[296] а также назвал нацистским решение Верховного суда Израиля разрешить в отдельных случаях пытки заключенных.[297]

Однако в целом набожные евреи, к которым относился и профессор Лейбович, видят нацистский геноцид в Европе в рамках своей многовековой традиции. Всякий раз, когда евреев постигает беда, они мысленно обращаются к трагедии разрушения Иерусалимского Храма и именно сквозь призму этого события воспринимают все прочие трагедии, выпавшие на долю евреев. Традиционное высказывание «Все в руках Небес, кроме страха перед Небесами» означает, что каждое человеческое существо наделено свободой воли. Однако неправильное использование этого дара может вызвать гнев Бога. Часто проводят различие между трагедией, посланной Богом (например, разрушение Содома и Гоморры), и несчастьем, произошедшим вследствие устранения Божественного Провидения. Когда наказывает непосредственно Всевышний, кара постигает лишь виновных; но когда Он устраняется («прячет лик Свой»), и орудием наказания становятся люди, могут пострадать и невинные. В Талмуде есть следующее предупреждение: «Когда дается Разрушителю дозволение [наказывать], он не различает между праведниками и злодеями»[298]. Там же сказано об ответственности евреев друг за друга: Бог может покарать одного еврея за преступления другого[299].

Как сионисты, так и их противники согласны, что враждебность, с которой евреи сталкивались на протяжении столетий, превышает всякие рамки. Однако если сионисты привычно объясняют это явление политической и военной беспомощностью, набожные евреи видят корень всех бед в тягости грехов, совершенных их собратьями:

«Когда в ходе истории еврей утрачивает сознание своего наследия и своего предназначения в жизни, необходимо, чтобы

враги пробудили его и вернули ему владение своими членами. Величие самих врагов и суровость методов, которые они применяют для пробуждения еврея, зависит исключительно от глубины его сна. Можно привести такую аналогию: человек спит в горящем доме. Если сон его не крепок, легкого прикосновения достаточно, чтобы он осознал нависшую опасность; если же сон глубок, возможно, придется сильно ударить человека, чтобы спасти ему жизнь. Именно так, когда еврейский народ в общем и целом сохраняет сознание своего еврейства, антисемитизм наносит лишь мелкие уколы, которых достаточно, чтобы евреи не забыли о своем предназначении. Но когда еврей полностью игнорирует Завет, заключенный Богом с его предками, и желает жить, как все другие народы на земле, орды антисемитов нападают на него с силой и яростью, как это происходит в наши дни»[300].

Вассерман напоминает, что любое отступление от Торы заслуживает соответствующего наказания, цель которого – вернуть человека на путь истинный: «Причина нашего нынешнего беспрецедентного для еврейской истории бедственного положения – отход от изучения Торы»[301]. Религиозной литературы, в которой представлена такая точка зрения на геноцид евреев, довольно много (при этом основа ее – классические источники, а написана она была задолго до создания Освенцима). Важнейшей причиной считается грех сионистов, состоящий в объяснении Изгнания политическими и военными факторами. Поскольку преступления сионистов были коллективными, наказание также должно быть всеобщим.

Рут Бен-Давид, вдова раввина Блоя, указывала на причинную связь между сионизмом и массовым убийством евреев. Вспоминая, как Теодор Герцль и его соратник Макс Нордау внушали европейским лидерам идею, что «евреи составляют чуждый, разрушительный элемент для стран, в которых они живут», она приводит слова австрийского министра времен императора Франца-Иосифа: «Если зловредная пропаганда, выставляющая евреев революционерами и угрозой миру, будет продолжаться, итогом ее станет не образование еврейского государства, а уничтожение евреев в Европе». В заключение вдова раввина Блоя добавляет: «Не прошло и пятидесяти лет, как Гитлер, к несчастью, воплотил в жизнь опасения австрийского министра»[302].

В свою очередь, раввин Вассерман заметил, что вследствие незнания Торы и отказа от веры евреи стали «самыми несчастными людьми»: «Они не понимают причины своих страданий; им не к кому обратиться в минуту бедствий. Кто

может представить себе масштабы их отчаяния и разочарования?»[303] Он утверждал, что у сионистов, чурающихся духовного подхода к пониманию происходящих с ними несчастий, не остается иного выбора, кроме как применять насилие по отношению к другим и даже к самим себе. В итоге большинство евреев, отвергнув традиционное мировоззрение, утратили способность разглядеть духовный смысл в безумной резне, устроенной нацистами и их сподвижниками.

Известно, что после войны в применение силы уверовали многие евреи. Усомниться в легитимности или эффективности силы в сионистских кругах равносильно измене. Когда новое еврейское сознание сталкивается с традиционным, видящим во всем происходящем, включая действия нацистов, десницу Божью, это вызывает у современных евреев замешательство и неловкость.

В сборнике трогательных историй, рассказанных хасидами, пережившими Катастрофу, содержится немало примеров нерушимой веры в Бога и Его Провидение. В одном из таких повествований можно найти рассказ о женщинах в гетто, которых эсэсовцы вели на смерть. Эти еврейки попросили перед смертью окунуться в «микву» – бассейн для ритуального очищения – и получили разрешение на это. Когда немецкий офицер спросил одну из них, почему эта странная просьба исходит от «грязной расы, рассадника всякой заразы и нечисти в Европе», она ответила: «Господь привел наши чистые души в этот мир, в чистые дома наших родителей, и мы хотим вернуть души в чистоте нашему Отцу Небесному»[304].

Именно упование на Бога дало хасидскому ребе мужество потребовать от начальника лагеря Берген-Бельзен муку, чтобы приготовить на Пасху мацу. Читая и обсуждая «Агаду» за праздничным столом, он уверял хасидов, что окружавший их ужас – это «начало нашего Избавления». Возвращаясь в бараки, хасиды были «уверены, что звук шагов Мессии эхом отдавался в их собственных шагах по пропитанной кровью земле Берген-Бельзена»[305].

Примечательно, что в предисловии автор находит нужным заверить читателя, что «в этом сборнике хасидских историй не отрицается… значение вооруженного сопротивления и борьбы за собственную жизнь или почетная гибель»[306]. Между тем ни в одной истории сопротивление не упоминается; в них содержатся лишь те свидетельства жертв фашизма, в которых утверждается духовный смысл этой трагедии и верность традиции.

Неудивительно, что отвергающие сионизм евреи понимают историю геноцида совсем иначе, нежели сионисты. Даже самые разные его трактовки сводятся к одному: катастрофа послана нам

за грехи наши и служит призывом к раскаянию. Как мы уже видели, некоторые религиозные мыслители возлагают ответственность за массовую гибель евреев Европы на сионистов, обвиняя их в провокационном поведении и поощрении отступничества от Торы. По их мнению, в Торе, значение которой не ограничено во времени, предвещается и нацистский геноцид, и провозглашение сионистами Государства Израиль.

Раввин Моше Дов Бек, духовный лидер Нетурей Карта, принял меня в своем скромном доме в Монси, штат Нью-Йорк. Облаченный в полосатый халат – такой же, какой можно увидеть в Меа Шеарим, – раввин стал говорить со мной на идише. Затем, чтобы я мог его лучше понять, раввин сделал исключение и позволил себе на лошен а-койдеш (древнееврейском с ашкеназским выговором) объяснить мне, что, несмотря на ужасные страдания, которые принесли нацисты еврейскому народу, Бог вовсе не покинул нас и даже не скрыл Свой лик. Раввин выразил сожаление о том, что сионисты упорно видят в геноциде евреев не более чем немощь еврейского народа, лишенного армии и государства.

«Подобно псу, кусающему палку, которой его бьют, сионисты неспособны увидеть руку, которая держит и направляет палку. Они отказываются видеть за трагедией европейских евреев десницу Господню и, разумеется, извлекают ложные и опасные уроки»[307].

Харедим категорически отвергают героический романтизм, присущий официальным церемониям памяти жертв нацистского геноцида. В европейской культуре смерть с оружием в руках считается достойной героя. Но несмотря на то, что эта идея борьбы проникла в коллективное сознание израильтян как акт настоящего мужества и пример для подражания, харедим относятся к нему иначе: «Идти на смерть просто ради геройства несовместимо с еврейской верой… Незачем стремиться к ложному героизму, не имеющему никакой основы в иудействе»[308]. Они осуждают руководителей восстания в Варшавском гетто: «Ясно как день, что люди, верующие в Бога и живущие согласно Его воле, не станут делать что-либо, чтобы приблизить свою смерть даже на одну минуту, и тем более не станут приближать смерть десятков тысяч своих собратьев»[309].

Для одних участники восстания в Варшавском гетто, «раздавленные» нацисткой военной машиной, – герои. Другие же считают их преступниками. Как и во многих вопросах, возникших в результате столкновения иудейства и сионизма, тут не может быть промежуточной позиции, невозможен никакой компромисс. Эту зияющую пропасть никак не преодолеть: сионизм

превозносит мужество и героизм, а харедим хотя и признают эти идеалы, но понимают их совсем по-другому. Эти люди живут в разных мирах.

Сионистское государство

Военные и политические аспекты

Первым государством, поддержавшим сионистское движение, была Великобритания, находившаяся на тот момент в состоянии войны с Османской империей и имевшая давние интересы в регионе. Британское правительство искало местных союзников и поддерживало арабских националистов, стремящихся выйти из-под османского контроля. В то же время в ноябре 1917 года, пока британские войска пытались захватить Палестину, кабинет министров принял краткую декларацию:

«Правительство Его Величества положительно относится к созданию в Палестине национального очага для еврейского народа и приложит все усилия для содействия достижению этой цели; при этом ясно подразумевается, что не должно производиться никаких действий, которые могли бы нарушить гражданские и религиозные права существующих нееврейских общин в Палестине или же права и политический статус, которыми пользуются евреи в любой другой стране».

Эта знаменитая декларация, написанная министром иностранных дел Артуром Бальфуром, была принята вовсе не для того, чтобы поддержать небольшую на тот момент группу поселенцев-сионистов, не обладавшую никаким влиянием. С помощью этого документа британцы надеялись заручиться поддержкой американцев, которую сулили им вожаки сионистов, евреи русского происхождения Хаим Вейцман и Нахум Соколов (1860–1936). Они заставили известного антисемита Бальфура поверить в политическое влияние «мирового еврейства», особенно в США и России, скрыв от него, однако, что это влияние было во многом их вымыслом и что сионизм не пользовался популярностью как раз у евреев.

Несколько лет спустя британское правительство назначило Герберта Самуэля (1870–1963) – еврея, сиониста, опытного чиновника и специалиста по колониальным делам – первым Верховным комиссаром Палестины. На этом посту в период с 1920 по 1925 годы Самуэль создал инфраструктуру, способствовавшую сионистской колонизации. Кроме того, он сумел погасить возникшее в парламенте в начале 20-х годов недовольство поддержкой сионизма. Для консолидации усилий по лоббированию интересов сионистского движения в британских коридорах власти в Лондоне в 1929 году было создано «Еврейское агентство для Палестины». Сионисты сумели заручиться долгосрочной поддержкой своих планов со стороны Великобритании – во многом благодаря упорной закулисной

работе. Арабским националистам повезло куда меньше: обещания помощи со стороны Великобритании по созданию независимых государств были вскоре забыты.

События, происходившие в России после 1917 года, также оказали серьезное влияние на развитие ситуации вокруг Палестины. Несмотря на то что власти новой страны наложили запрет на сионизм – как и на любое другое политическое движение, отличное от большевизма, – левые сионисты внимательно следили за тем, что происходило в первой стране социализма. Перед ними встал сложный выбор: бороться за социализм в Палестине или участвовать в его строительстве в СССР. Некоторые выбрали возвращение на родину и пополнили ряды советских коммунистов. Общность политических взглядов и происхождения создавали благоприятные условия для поддержания связей левого крыла сионизма в Палестине с Советским Союзом.

Тем не менее сионизм прежде всего опирался на поддержку властей Великобритании, благодаря которым, например, удавалось усмирить недовольное местное население. Несколько раз в 20–30-х годах в Палестине случались вооруженные столкновения, а в 1929-м году произошел погром в Хевроне. Однако гнев арабов был в основном направлен против британцев, на которых небезосновательно возлагалась вина за сионистскую колонизацию Палестины. Причем, участвуя в карательных операциях британской армии, сионисты наладили сотрудничество с британской колониальной администрации и переняли ее стиль управления местным населением.

Иммиграция евреев в Палестину активно продолжалась во времена британского мандата. Между 1919 и 1923 годами более 40 000 евреев из бывшей Российской империи, разоренной Первой мировой и гражданской войнами, прибыли в Палестину. Новые иммигранты имели общий с первыми поселенцами-сионистами идеологический фундамент, а потому легко «вписались» в коллективные хозяйства переселенцев. В связи с усилением антисемитских настроений в Европе и ограничением на иммиграцию, введенным в 1924 году в США, в период с 1924 по 1929 годы в Палестину перебрались еще 80 000 евреев – в основном из Польши и Венгрии. Эти иммигранты, осевшие в основном в Тель-Авиве и его окрестностях[310], были в большинстве своем городскими жителями – представителями мелкой и средней буржуазии, далекими от идеалов как социализма, так и сионизма. Значительная их часть – около 75 % – уехала из Палестины, как только нашлась страна, согласная их принять[311].

В период с 1930 по 1939 годы наблюдался подъем национал-социалистического движения в Германии и других фашистских движений по всей Восточной Европе. В то время, как евреи в Италии не испытывали страха за свою жизнь – до 1938 года многие из них даже участвовали в движении Муссолини, – фашистские режимы Восточной Европы часто были открыто антисемитскими. Это не мешало им, в частности в Польше и Германии, оказывать сионистам помощь в сельскохозяйственной и военной подготовке будущих переселенцев и, прежде всего, способствовать их эмиграции. Благодаря этой поддержке более 250 000 евреев Германии, Австрии и некоторых восточноевропейских стран переехали в Палестину. Среди них были адвокаты, ученые, инженеры, художники и архитекторы, которые заложили основы промышленности, высшего образования и науки и внесли тем самым весомый вклад в дело построения сионистского общества в Палестине. В дополнение к законным иммигрантам, переселившимся в страну по британским квотам, в период с 1933 по 1948 годы сионистские организации нелегально перевезли из Европы в Палестину 100 000 евреев[312].

Еврейское агентство, ответственное за выдачу въездных виз, тесно взаимодействовало с властями многих стран, в том числе и с нацистским правительством, которое, как мы отметили выше, разрешило десяткам тысяч евреев эмигрировать со своим имуществом в Палестину.

После того как в конце 30-х годов сопротивление сионистской колонизации со стороны арабов усилилось, британские власти ограничили еврейскую иммиграцию в Палестину, а затем и приобретение евреями земель. Члены множества комиссий, созданных в то время, пытались определить судьбу Палестины, разделение которой на две страны становилось все более вероятным. В 1942 году руководители движения сионистов на своем съезде в США приняли решение проводить политику, направленную на создание сионистского государства.

Начиная с 1943 года в Палестине участились нападения сионистских отрядов на британские, причем не только военные объекты:. в 1946 году ими был организован взрыв в отеле «Кинг Дэвид» – резиденции британской администрации в Палестине.

Вторая мировая война унесла жизни миллионов евреев Европы, что вызвало волну сочувствия не только к непосредственным жертвам нацизма, но и к сионистскому предприятию. Защищая идею создания еврейского государства, представитель Советского союза в ООН А.А. Громыко в своей речи перед Генеральной Ассамблеей заявил, что СССР не может

упускать из виду положение, в котором очутился еврейский народ в результате последней мировой войны. 29 ноября 1947 года Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию с рекомендацией разделить Палестину на два государства – еврейское и арабское. Поддержанный СССР и США документ был принят благодаря голосам латиноамериканских стран, а также Либерии и Гаити, поддавшихся американскому давлению.

В резолюции ООН № 181 оговаривалось создание двух государств. Еврейское государство должно было иметь площадь 14 000 км^2 и население в 558 000 евреев и 405 000 арабов, а также включать в свой состав три части: прибрежную равнину, земли на границе с Сирией и пустыню Негев. Арабскому государству отводилась площадь 11 500 км^2, населенная 804 000 арабов и 10 000 евреев и включающая в свой состав четыре части: зону вокруг города Газа, Иудейские и Самарийские горы, большую часть северной Галилеи и город Яффа. Также резолюция подразумевала создание зоны международного контроля, включавшей Святые места (Иерусалим и Вифлеем), с населением в 106 000 арабов и 100 000 евреев. Несмотря на изначальное намерение создать два схожих по размеру государства, окончательное разделение было осуществлено в пользу сионистов, которым отошло 60 % территории (до этого они владели лишь 7 % территории Палестины), в том числе 80 % хлебородных земель и большая часть прибрежных зон.

Сионистские руководители одобрили резолюцию. Однако это решение ООН, принятое против воли большинства населения Палестины и всех соседних стран, выглядит сегодня как пережиток колониальной эпохи; оно лишь подлило масла в огонь палестинского конфликта. В следующие несколько месяцев сионистские отряды, уже более многочисленные, лучше организованные, предприняли несколько атак, в результате которых сотни тысяч палестинцев стали беженцами. Города Яффа, Тверия, Сафед (Цфат) и Хайфа были заняты сионистами, а большинство арабских жителей либо бежали, либо были изгнаны[313]. Палестинские силы были повержены еще до окончания британского мандата.

В день, когда британские войска покинули Палестину (15 мая 1948 года), Давид Бен-Гурион объявил о создании Государства Израиль. Арабские страны немедленно напали на новое государство, но их разобщенность и плохая подготовка не позволили им «уничтожить сионистское образование». Одновременно с этим Армия обороны Израиля, созданная на основе сионистского ополчения, воспользовалась случаем и изгнала основную массу населения из арабских городов Рамле и

Лод. Эта военная кампания позволила Израилю увеличить свою территорию на 40 % по сравнению с первоначальным планом ООН.

Одностороннее провозглашение сионистами независимости и связанные с ним события продолжают вызывать споры историков, политиков, да также и простых граждан Израиля и других стран. Даже текст Декларации независимости не избежал критики. Йешаягу Лейбович писал об этом так:

«Вопреки тому, что наша Декларация независимости утверждает, будто «еврейский народ появился в Земле Израилевой», народ уже существовал к тому времени, когда он вторгся в землю ханаанскую и сделал ее Землей Израиля… Восемьдесят или сто поколений евреев сохраняют об этом память. В своем историческом сознании наш народ существует независимо от всякой привязанности к определенной земле. Он помнил сам, и ему напоминали, что он был чужим в стране Египетской… Позже он обрел независимость, но не в государстве, а в пустыне, у которой нет определенных границ… Исторический образ ясен: народ создал государство, а не государство и земля создали народ…»[314]

Многие мифы, появившиеся в первые годы существования сионистского государства, сейчас основательно пересмотрены[315]. Первый миф касается количества воевавших. Установлено, что военные силы сионистов превосходили палестинцев числом и имели лучшее снаряжение. Этот факт нанес довольно сильный удар по образу жертвы, характерному для израильского взгляда на себя и свое место в истории.

Второй миф касается намерений, преследовавшихся во время атак в 1948 году арабскими силами, особенно иорданским Арабским легионом. Израиль всегда настаивал на том, что их целью было уничтожение новорожденного государства, а все израильские действия были оборонительными. Однако новые историки обнаружили договоренности между сионистскими руководителями и Иорданией по разделу территорий, которые ООН определил для будущего арабского государства в Палестине. Выяснилось, что сионисты сами – и довольно часто – нападали на Арабский легион на территориях, отведенных под арабское государство, тогда как противники нанесли лишь два удара по сионистским силам – в Иерусалиме и в Гуш-Эционе.

Третий миф касается палестинских беженцев. Более 800 000 неевреев покинули Палестину в 1947–1949 годах и расселились по соседним странам. Игнорируя многие резолюции ООН, правительство Израиля запретило им возвращаться в страну и отобрало у них всю недвижимость. Дома тысяч неевреев,

оставшихся в стране, были уничтожены или конфискованы без компенсаций. Всего было снесено около 500 деревень. В начале 50-х годов Кнессет принял закон, позволявший экспроприировать земли палестинцев. Чтобы избежать проблем с международным правом, территории были переданы третьей стороне – Еврейскому национальному фонду, который, по определению сионистов, был уполномочен «действовать во благо еврейского народа».

Израильтяне многие годы объясняли исход палестинцев призывами арабского руководства, которое таким образом якобы удаляло гражданское население из зоны военных действий. Однако новые историки, начиная с Бенни Морриса, считают это объяснение очередным приемом израильской пропаганды. Только шесть деревень были эвакуированы по предписанию местных арабских властей. То, что произошло на остальной территории, можно расценивать скорее как этническую чистку. Жители городов и деревень либо бежали от сил сионистов, либо были изгнаны ими. Моррис сожалеет, что эти операции не были такими масштабными, как в Америке по отношению к индейцам, и поэтому «палестинский вопрос» продолжает преследовать Израиль. Кроме того, более зажиточные семьи уезжали добровольно, не желая оказаться в центре вооруженного конфликта. Почти все руководители палестинской общины покинули страну к 15 мая 1948 года.

Политика Израиля по этому вопросу остается неизменной с момента создания государства. В ней отражена решимость укреплять сионистское государство в значительной степени на землях, с которых были изгнано местное арабское население. Несмотря на призывы ООН позволить людям, бежавшим в период конфликтов 1947–1949 годов, вернуться на родину, Израиль не стал открывать для них границы. Количество беженцев, убитых за первые годы существования сионистского государства, исчисляется тысячами[316]. До сих пор израильские силы безнаказанно вторгаются в соседние страны, а карательные меры против палестинского вооруженного сопротивления становятся все более несоразмерными опасности. Более века регион находится в замкнутом круге насилия, и неудивительно, что Бен-Гурион поставил во главу угла интересы военных ведомств и служб безопасности, чье влияние с тех пор распространяется на основные политические партии, в которых бывшие военные занимают важные посты.

Получается, что даже дипломаты стали служить военным интересам, ибо Бен-Гурион был убежден в том, что именно военные, а не дипломатические методы способствовали созданию и сохранению сионистского государства. Этот боевой прагматизм

складывается уже многие годы, в течение которых Израиль – первое государство, созданное по решению ООН, – систематически игнорирует резолюции этой организации, обязывающие изменить отношение к палестинскому населению. Израиль из года в год действует с позиции силы, что подрывает основы международного права, призванного находить мирные решения конфликтов.

Израиль победил во всех войнах. Поскольку он, как правило, достигает своих целей военным путем, редкие попытки прийти к компромиссу с палестинцами давно уже стали исключением. «Мирный процесс», начавшийся в 1990-х годах, позволил сионистскому государству расширить колонизацию территорий, оккупированных в 1967 году. Из-за политики Израиля по отношению к палестинцам мирные договоры, заключенные им с Египтом и Иорданией, осуждаются большинством населения этих стран. Соблазн удержать занятые территории настолько силен, что предложения по мирному урегулированию, выдвинутые Лигой арабских государств в начале XXI века, не были даже удостоены ответом со стороны Израиля.

Военное превосходство и мощная поддержка Запада лишь укрепляют сионистских лидеров во мнении, что мирное урегулирование не в их интересах. Несмотря на все попытки поиска дипломатических решений, они остаются верными политике основателей государства: установить контроль над максимальной территорией с минимальным количеством проживающих на них арабов. Так, эвакуация жителей израильских поселений в секторе Газа была предпринята скорее из тактического расчета, нежели была попыткой прийти к мирному сосуществованию с арабским населением. Доказательством этого факта явилось очередное нападение Израиля на сектор Газа зимой 2009–2010 годов. Политика принятия решений в одностороннем порядке, вкупе с экономическими, технологическими и военными успехами Государства Израиль, приводит ко все большей изоляции этого анклава западного образа жизни на Ближнем Востоке. Израильское общество и его руководители демонстрируют решимость и далее укреплять военную мощь и главенствовать в регионе, невзирая на интересы и судьбу палестинцев.

Социальные и культурные аспекты

Парадоксальным образом страны, напавшие на Израиль в 1948 году, несколькими годами позже упрочили позиции сионистского государства, способствуя массовому переселению местных евреев в Израиль. Это было частью политики привлечения иммиграции из мусульманских стран. За первые три года 93 000 человек прибыли из Египта и Марокко, 180 000 – из Ирака, Турции и Ирана, 48 000 – из Йемена и протектората Аден[317], хотя влияние сионизма в этих странах было практически неощутимым. По словам Бен-Гуриона, в августе 1939 года среди зарегистрированных членов сионистского движения лишь 0,38 % являлись выходцами из этих стран, а 40,9 % – из Восточной Европы[318]. Эти цифры еще раз показывают, что сионизм – явление типично восточноевропейское, и это серьезно препятствует арабским евреям найти свое место в израильском обществе.

Как и большинство новых иммигрантов из мусульманских стран, арабские евреи, то есть арабы иудейского вероисповедания, по прибытии в Израиль претерпели не только дезинфекцию при помощи ДДТ, но и культурную «стерилизацию». Израильские руководители посчитали это столь же необходимым, как необходимо было «поколению пустыни» – библейским евреям – скитаться сорок лет по пустыне и умереть в ней ради того, чтобы следующее поколение, очищенное от следов прошлого, могло вступить в Святую землю и завоевать ее. Чтобы влиться в израильское общество, считалось необходимым избавиться от пут прежнего образа жизни, былых нравственных ценностей и принять обычаи и устои Нового человека.

Одновременно с этим власти позволяли некоторым арабским евреям продолжать жить в Израиле по-старому, т. е. «по-арабски», с тем чтобы использовать их в качестве разведчиков. Некоторые из них (например, Эли Коэн, которого в Израиле считают героем) вели чрезвычайно эффективную шпионскую деятельность под руководством офицеров – выходцев из Восточной Европы. Показательно, что арабское происхождение таких евреев, эксплуатируемое в военных целях, никогда не использовалось для построения добрососедских отношений с арабскими странами и местными палестинцами.

Иммигрантам, говорившим на арабском и персидском языках, приходилось почти полностью расставаться с родной культурой. Однако от выходцев из Восточной Европы этого не требовалось. Наоборот, их европейский опыт стал краеугольным

камнем новой сионистско-израильской культуры. Так, например, в первые годы сионистской колонизации десятки песен, считалок и детских сказок были переведены с русского на иврит[319]. Сегодня же наиболее уважаемыми стали «англосаксы» – немногочисленные иммигранты из англоязычных стран, чью культуру с почтением и подчас восхищением принимают в Израиле.

Напротив, арабским евреям было значительно труднее. Во-первых, они оказались носителями языка и культуры врагов-арабов, со всех сторон угрожавших сионистскому обществу. Во-вторых, новые евреи считали арабскую культуру второсортной, во всем уступающей европейской. Этот евроцентризм не только сохраняется, но и усиливается с каждым годом. В-третьих, арабские евреи часто покидали свои страны, не имея ни гроша, что лишь усиливало их чувство неполноценности. В-четвертых, структура нового общества, скроенного по восточноевропейским лекалам, была чуждой для тех, кто вырос в мусульманских странах. Кроме того, само понятие светского еврея, игравшего ведущую роль в Израиле (и продолжающего ее играть, хотя и в меньшей степени), было им просто незнакомо. Разумеется, после провала социалистов на выборах 1977 года культура арабских евреев была реабилитирована, и наметилась тенденция их возвращения к религии, отражающаяся, в частности, в программе политической партии Шас*.

Арабским евреям впервые в истории пришлось делать выбор между еврейским и арабским национализмом. Сионисты, а за ними и многие арабские националисты, заявили, что невозможно быть одновременно арабом и евреем. Вопреки постулатам сионистской идеологии, арабские евреи куда ближе к мусульманам, чем к евреям русского происхождения, особенно атеистам. Приходится констатировать, что создание Государства Израиль и его политика оказали пагубное влияние на еврейские общины в арабских странах, что, за редким исключением, в итоге просто привело к их исчезновению.

Евреям в арабских странах приходилось выбирать между двумя сторонами своей культуры, причем чаще всего этот выбор делали за них. В некоторых странах они потеряли общественное положение под влиянием мусульманского большинства, возмущенного разделением Палестины и изгнанием ее жителей. В других, например, в Ираке и Марокко, напряженность создавали сионисты, которые под шумок совершали акты насилия против местных евреев «под чужим флагом» с целью их напугать и подтолкнуть возможно большее число к переселению в Израиль. Чаще всего арабские евреи уезжали в Израиль вовсе не потому,

что проникли идеологией сионизма или их привлекло государство, созданное выходцами из Восточной Европы для себя и себе подобных. Впрочем, за всю историю сионизма иммиграция по идеологическим причинам из всех стран мира едва ли превысила 2 %[320].

Существует определенное сходство между отношением сионистов к «запущенной» арабами Святой земле, которую им предстояло оплодотворить, и к арабским евреям – «пустым сосудам», которые следовало заполнить живительными идеями сионизма[321]. Культуру евреев арабского происхождения сионисты систематически принижали и приложили массу усилий, чтобы заставить новых иммигрантов от нее отказаться.

Основной причиной, по которой Израиль обратил внимание на арабских евреев, была политическая необходимость увеличения процента евреев в национальном составе молодого государства. Расселение их по бывшим арабским деревням, расположенным на периферии страны и постоянно подвергавшимся нападениям, делало бесповоротным обезземеливание палестинцев. При этом арабские евреи оставались низшим слоем израильского общества. Элла Шохат, специалист по изучению арабских евреев, нашла «структурную аналогию» между ролью, которую они играли в колонизации Палестины, и ролью, которую когда-то в лишении земель исконного населения США сыграли афроамериканцы[322]. Стоит также отметить, что социально-экономическое расслоение между арабскими евреями и евреями европейского происхождения не исчезло. По некоторым исследованиям, во втором поколении (рожденном в Израиле) оно лишь усилилось[323].

Историки в последнее время стала признавать, что

«сионизм придумали в Европе колонизаторы-идеалисты, тосковавшие по работе на земле, подобно бурам в Южной Африке или pieds-noirs (“черноногим”, как называли переселенцев из Франции) в Алжире. Хорошо оснащенные… военные и полувоенные организации, обратившие в бегство арабские армии… получили или взяли на себя миссию по “очистке” захваченных районов от палестинского населения… Арабские дома и деревни, ”очищенные” от жителей, предоставлялись прежде всего евреям, привезенным из арабских стран, чьи мессианские ожидания от “возвращения в Сион” быстро развеивались… перед лицом систематической эксплуатации»[324].

Абсорбция арабских евреев на этом не закончилась; государство выделило значительные ресурсы на перестройку уклада жизни переселенцев. Как уже было отмечено, иммигрантов из мусульманских стран насильно лишали

присущей им арабской культуры, пытаясь оторвать их от еврейской традиции[325]. Рут Блой писала о положении в Израиле выходцев из Северной Африки следующее:

«Они выросли, подобно палестинским детям, вскормленные горечью, переполнявшей их отцов. Без Торы, которая была основой достоинства их дедов, они стали революционерами. Их родители покорились и замолчали. Они поняли, что их привезли в страну, чтобы сделать из них даровых солдат, чтобы заставить их рисковать жизнью. Чтобы защищать государство, управляемое ашкеназами для ашкеназов. От сионистов они научились бунту. Их научили ненависти, и они стали ненавидеть своих ашкеназских хозяев»[326].

По мнению раввина Блоя, сионизм принес больше вреда самим евреям, нежели арабам. Арабы, возможно, потеряли земли и дома, но евреи, приняв сионистскую идеологию, утратили самих себя, свою сущность[327]. Его жена, посетившая евреев в Марокко до их эмиграции в Израиль, спустя десятилетия задается вопросом:

«У них у всех лица светились добротой, простотой и великой чистотой. Эти евреи, отношения которых с арабскими соседями складывались прекрасно, жили скромно, счастливо, обращая взоры к своему раввину… С тех пор я не перестаю думать о евреях этой деревушки, затерянной в горах Атласа. Где они теперь? Удалось ли израильским агентам сорвать их с места? Приехали ли они в Страну Израиля? Да и вообще, похожи ли они еще на евреев?»[328]

Избыток рвения, принесший триумфальные победы сионистам в первые годы существования Израиля, остается поводом для критики со стороны правоверных иудеев. Несколько сотен детей иммигрантов из Йемена были похищены сионистами с целью воспитания их по светской модели «нового еврея». При этом государство заверило иммигрантов, что их дети умерли. Лишь много лет спустя, когда некоторым родителями стали приходить повестки в армию на имена пропавших детей, они заподозрили неладное[329]. В этом событии можно увидеть не только желание подзаработать на последующей продаже-усыновлении детей, но и часть куда более масштабного проекта модернизации государства. Врачи, санитары и социальные работники обеспечивали европейское будущее евреям, которые иначе остались бы «пленниками своего арабского прошлого».

В массовом порядке переброшенные в Израиль йеменские евреи, известные своей богобоязненностью и любовью к Торе, пережили в конце 1940-х годов настоящую кампанию по атеистическому перевоспитанию, для чего их нередко подвергали

изоляции в специальных лагерях. Эта кампания была направлена преимущественно на молодежь, которая испытала мощное идеологическое давление с целью отторжения их от иудейства. Есть свидетельства и о применении физического насилия, причем начальство не допускало в лагерь молодых правоверных евреев, пытавшихся помочь заключенным в них собратьям. Один из депутатов заявил в Кнессете: «Я не могу назвать ситуацию в этих лагерях иначе, как духовным насилием и инквизицией против еврейской религии. То, что происходит в этих лагерях, может быть названо культурным и духовным убийством колен Израилевых»[330].

Воспитатели-сионисты заставляли молодых йеменских евреев собирать апельсины в субботу, ходить с непокрытой головой и стричь пейсы*, которые столетиями носили евреи в Йемене. Контраст новой жизни с жизнью в их родной стране был разительным:

«Арабы, среди которых мы жили, нас не беспокоили, не нарушали даже самых незначительных из наших религиозных предписаний. Наоборот, правительство признавало нашу религию, веру и права. Если чиновник или полицейский заходил к нам в субботу, он не осмеливался даже закурить или иным образом осквернить субботу. Здесь же к нам относятся с презрением, заставляют наш народ нарушать субботу. Они издеваются над нами, смеются над нашими традиционными верованиями, над нашими молитвами и над соблюдением заповедей святой Торы»[331].

Сегодня вопрос об отношении к евреям в арабских странах стал важным предметом полемики: сионисты публикуют отчеты о зверствах арабов по отношению к евреям, а их оппоненты напоминают, что именно сионизм испортил отношения евреев с арабами. С сионистской точки зрения у евреев из арабских стран не было другого выхода, кроме немедленного бегства в Израиль ради спасения жизни. При таком толковании истории их следует считать беженцами, подобно палестинским арабам, покинувшим свои дома в 1947–1948 годах. Произошел как бы обмен населением, нечто подобное запоздалому восстановлению справедливости. Подобный коренной пересмотр истории иудеев мусульманских стран начался в конце XX века с тем, чтобы подогнать ее под куда более трагическую историю евреев в Европе и тем самым укрепить сионистское мировоззрение. В то же время антисионистские источники подчеркивают добрососедские отношения между евреями и мусульманами в странах Ближнего Востока, включая Святую землю, и обвиняют сионистов в прямом разжигании антиеврейских беспорядков – как

открытой агрессией в Палестине, так и тайной провокационной деятельностью в ряде арабских стран.

Иудейская оппозиция сионизму

Мы уже выяснили, что в начале своего пути сионизм был движением весьма маргинальным, которое осуждали как с религиозной, так и с социально-политической точек зрения. Ортодоксы и реформисты выступали против сионизма, отзываясь о нем как об идеологии, идущей вразрез с основными еврейскими принципами. Евреи, придерживавшиеся либеральных взглядов, равно как и те, которые придерживались социалистических и революционных идей, считали, что сионизм подрывает идею всеобщего равенства и препятствует коренным изменениям в социуме. Наконец, те, кто благодаря эмансипации был принят в общество, были убеждены, что сионизм – точно так же, как и антисемитизм, – угрожает их будущему. Таким образом, еврейский национализм был встречен в штыки как радетелями еврейской традиции, так и добившимися признания в обществе либералами.

Религиозная и духовная оппозиция

Мироощущение и идеи сионизма были чужды иудейству. Визит Теодора Герцля в Иерусалим в 1898 году вызвал шквал критики, ведь, помимо нарушения субботы, Герцль взошел на Храмовую гору, что строго запрещено еврейским законом. Это может показаться лишь частным случаем, однако противоречий между иудейством и сионизмом куда больше:

«Сионизм представлял собой серьезнейшую опасность, ибо он лишал традиционную еврейскую общину – как в Земле Израилевой, так и в странах рассеяния, – сущности ее существования: упования на приход Мессии. Сионизм бросал вызов всему традиционному иудаизму – по-новому определяя евреев как обычную современную национальность, насаждая новый образ жизни и отказываясь при этом от религиозного понимания Рассеяния и Искупления. Угроза сионизма проникла в каждую еврейскую общину; она была прямой и безжалостной, противопоставить ей можно было лишь столь же бескомпромиссное сопротивление»[332].

Израильский ученый Боаз Эврон пишет, что «сионизм – это отрицание иудейства»[333]. Лозунг, который вот уже десятки лет висит в квартале харедим Меа Шеарим в Иерусалиме, наглядно иллюстрирует эту позицию: «Иудейство и сионизм диаметрально противоположны». Заявления, регулярно появляющиеся в печатной и электронной прессе[334], вторят тезису о том, что Государство Израиль не только не представляет всех евреев, но и вредит их интересам.

Сионисты, в свою очередь, не менее резко обличали самое основу еврейской преемственности: «Бен-Гурион видел в иудейской религии историческое несчастье еврейского народа, преграду для его превращения в нормальную нацию, с территорией и правительством»[335]. Кроме того, пытаясь добиться благосклонности руководящих элит России, Великобритании и других стран, сионисты подчеркивали роль своей идеологии как «противоядия» против участия евреев в социалистических и прочих радикальных движениях: сионизм отвлекал массы от классовой борьбы. Они также осуждали веру в принципы либерализма и опирающуюся на них эмансипацию, как опасное заблуждение и признак близорукости.

Если политической оппозиции в историографии сионизма уделено определенное место, то о религиозных его противниках практически не упоминается, и этот факт сам по себе чрезвычайно красноречив. Несмотря на тот факт, что о

религиозном сопротивлении сионизму как варианту более общего явления религиозного сопротивления национализму[336] было известно многим и многое, – в истории сионизма этот момент обходят стороной. Таким образом, сионизм – это не только разрыв в еврейской преемственности, но и тенденция подчинить историографию евреев своей идеологии.

Кроме нескольких монографий и сборников статей, посвященных вопросу взаимоотношений иудейства и сионизма[337], большинство трудов по истории евреев, написанных в Израиле и других странах, попросту игнорируют иудейское сопротивление сионизму. Даже «новые историки», которые серьезно и даже сочувственно пишут об арабском сопротивлении сионистской деятельности, склонны игнорировать оппозицию со стороны евреев, а также умалчивают о реакции на нее со стороны сионистского руководства. Тем не менее две монографии по истории евреев Германии[338], а также работа по истории отношений с сионизмом евреев-реформистов[339], содержат немало ценной информации о противодействии сионизму. Однако, несмотря на то что ортодоксальная литература, направленная против сионистского движения, весьма обширна[340], историография сионизма и Государства Израиль, как правило, обходит ее стороной.

Даже не обращая внимания на протестантские корни сионизма, евреи в Европе конца XIX века видели в набирающем силу сионистском движении настораживающий парадокс. Несмотря на призыв к модернизации и отторжению «мертвого» груза традиции и истории, сионизм идеализировал библейское прошлое, использовал традиционные религиозные символы и предлагал воплотить в жизнь тысячелетние еврейские чаяния. В своем труде по истории идеологии сионизма Авинери замечает:

«Евреи воспринимают пророчество об Избавлении как руководство к действию ничуть не в большей мере, чем большинство христиан – идею Второго пришествия. В качестве символа веры, солидарности и группового самосознания мессианство является важным компонентом еврейской системы ценностей; но если рассматривать его как побудительную силу исторического праксиса, изменения исторической действительности, то оно прежде всего дает массам утешение»[341].

Для Авинери, вполне светского сиониста, отождествление сионизма с освященной еврейской традицией «тесной связью евреев с Землей Израилевой» является «данью пошлости, конформизму и апологетике». Он считает, что сионизм – это не триумфальное воплощение многовековой мечты евреев о Святой

земле, а радикальный переворот в еврейском самосознании. Такое преображение мессианских чаяний произошло под влиянием целого ряда факторов, один из которых, как мы уже видели, отражает не исторический опыт евреев, а определенные течения протестантского богословия.

Мессианское звучание сионистских идей непременно навлекает на них подозрения в лжемессианстве и саббатианстве. Еще на заре своего существования российское движение Хибат Цион, к слову, благосклонно принятое государственными деятелями Великобритании, столкнулось с почти единодушным противодействием со стороны крупнейших раввинов того времени. Раввин Йосеф Бер Соловейчик (1820–1892), который, как и многие набожные евреи, приобрел участок в Палестине, в 1889 году назвал сионизм «новой сектой, подобной секте Шабтая Цви, да сгинут имена нечестивцев»[342]. Его сын Хаим, выдающийся знаток Талмуда, чье влияние ощутимо и по сей день, выражался еще резче. Он обрушился на набиравшее тогда силу в России сионистское движение спустя всего лишь несколько лет после того, как его отец, основатель так называемого бриского метода изучения Талмуда, резко осудил движение Хибат Цион[343].

Прежде всего, сионизм предложил свое, специфическое определение того, что означает быть евреем. Израильский историк Йосеф Салмон, отмечая разнообразие форм противостояния сионизму, пишет следующее: «Коротко говоря, харедим в целом воспринимали сионизм как движущую силу секуляризации еврейского общества, идущую в русле Хаскалы. Поскольку основные пункты сионистской программы были связаны со Святой землей – традиционным предметом мессианских упований, – она [программа] представлялась бесконечно более опасной, чем любая другая сила секуляризации еврейства. Поэтому с сионизмом следовало бороться беспощадно»[344].

Противостояние между сионистами и их противниками было столь принципиальным, что оно возникло еще до Первого Сионистского конгресса в Базеле (1897 год). За три года до этого Александр Моше Лапидос (1819–1906), известный раввин из России, выразил недовольство первыми попытками российского Хибат Цион основать еврейские колонии в Палестине:

«Мы думали, что этот священный росток останется верным Господу и Его народу, что это возродит наши души… Но еще в нежном возрасте он дал зловредные побеги, и его нечестивый смрад разносится далеко… Мы лишаем их [активистов Хибат Цион] своей поддержки, отходим в сторону и будем противиться

им, собрав для этого все наши силы во имя Господне»[345].

Не стоит забывать о том, что и раввин Самсон Рафаэль Гирш (1808–1888), столп просвещенных ортодоксов Европы, отказывался поддерживать это движение с момента его зарождения. Правоверные иудеи также критиковали европейский по своей природе сионизм за попытки подражания другим народам:

«Совершенно абсурдно полагать, что мы так страдали и надеялись на протяжении 2000 лет, возносили такие прочувствованные молитвы лишь для того, чтобы, в конце концов, играть в мире такую же роль, как Албания или Гондурас. Не вершина ли тщеты – верить, что все потоки крови и слез… проливались ради обретения такого рода национального существования, которого те же румыны и чехи достигли с большим успехом и без всех этих приготовлений?»[346]

Считая сионизм глубоко противным иудейству, видный венский раввин и историк Мориц Гюдеманн (1835–1918) еще в 1897 году, во время Первого Сионистского конгресса в Базеле, отверг любые попытки отделить еврейство от единобожия[347]. По его мнению, Тора должна была быть свободна от территориальных, политических или национальных соображений. Он подчеркивал, что еще со времен вавилонского пленения евреи превратились в «общину верующих». Еврейский национализм, таким образом, в духовном плане являлся шагом назад, к языческому представлению об исключительности еврейской нации и, стало быть, особо разрушительной разновидности коллективной ассимиляции.

Столь же категорично отверг сионизм и уроженец Галиции раввин Йозеф Самуэль Блох (1850–1923). Во время парламентских дебатов в Вене в самом начале прошлого века он, подчеркнув наднациональный характер иудаизма, сравнил сионистские планы с лжемессианством Шабтая Цви. Ссылаясь на целый ряд классических источников, он объяснял Герцлю приведенный в Талмуде запрет на массовое возвращение евреев в Палестину до прихода Мессии. Блох предупреждал окрыленных успехом после принятия Декларации Бальфура сионистов, что те играют с огнем, не понимая, какую угрозу для будущего евреев представляют политический сионизм и сопутствующее ему превращение евреев в атеистов. Незадолго до смерти он поддержал создание «Еврейского антинационалистического движения», целью которого была оппозиция сионизму[348].

Поскольку сионизм был привлекателен прежде всего для российских евреев, и сопротивление ему оказали в первую очередь российские раввины, решившие сплотить свои усилия

для борьбы с сионистскими идеями. В черте оседлости борьба с сионизмом была особенно непримиримой. Подчеркивалось, что сионистское самосознание, лишенное всякого подчинения Торе, успокаивает совесть тех, кто отказывается от соблюдения иудейских законов: теперь они могут считать себя хорошими евреями. Сопротивление захватило весь ортодоксальный мир, включая женские школы сети «Бейс Яков», основанной за несколько лет до Первой мировой войны.

В 1900 году в результате объединения антисионистских сил в свет вышла книга «Ор ла-йешарим» («Свет для праведных») – сборник статей раввинов всех ортодоксальных направлений. Этот труд, разъясняющий опасность сионизма для будущего евреев, вскоре стал важным орудием в борьбе с сионизмом[349]. В 1902 году были опубликованы два других важных сборника статей, направленных против сионизма: «Ор ле-Цион» («Свет для Сиона») и «Даат а-раббаним» («Мнение раввинов»)[350]. Реакция российских раввинов была категоричной:

«Мы лишились дара речи при вести, что люди, не принимающие на себя бремени Царства Небесного, никогда не следующие путем Торы и не знающие и не любящие по-настоящему своих братьев… хвастаются, что якобы способны принести спасение дому Израиля»[351].

За пределами Российской империи, в восточной Венгрии и западной Галиции, сионизм также столкнулся с ожесточенным сопротивлением ортодоксального иудейства. В этих краях предосудительным считалось даже легкое сочувствие сионизму. Главенствующее положение среди борцов с этой идеологией заняли венгерские евреи, в особенности сатмарское* хасидское движение. Пережившие войну сатмарские хасиды собрались в квартале Вильямсбург в Бруклине и в 1948 году основали общину «Йетев лев» («Добреет сердце»). Тогда в ней едва насчитывалась дюжина членов. Спустя несколько лет в общине состояло уже около тысячи семей[352]. Сатмарские хасиды образовали общины в Иерусалиме и Бней-Браке, в Антверпене, Лондоне и Монреале, а также в ряде южноамериканских городов. Обосновавшись во многих странах мира, члены движения стали сотрудничать с другими организациями, в том числе с Нетурей Карта – движением, состоящим в основном из потомственных иерусалимских семей, считавших сатмарского ребе одним из своих духовных вождей. Именно он заклеймил сионизм как ересь, отрицание фундаментальных принципов иудейской веры и нарушение обещания, данного самому Богу, – не захватывать Святую землю человеческими усилиями.

Сатмарские хасиды активизировали свою антисионистскую

деятельность после геноцида в Европе, который они посчитали наказанием за «ересь сионизма»[353]. Члены сатмарского движения отвергают притязания сионистов представлять всех евреев мира и стараются разрушить стереотип, согласно которому иудаизм тождественен сионизму, а евреи и израильтяне суть одно и то же. В странах Северной Америки сатмарские хасиды, наряду с другими антисионистскими группами живущие в мире со своими нееврейскими соседями, порой подвергаются нападкам евреев, симпатизирующих Государству Израиль.

Отношение к сионизму и Государству Израиль – не единственная характерная черта этих ортодоксальных групп. Они отличны друг от друга в отношении к модернизации, истории и пониманию Божественных атрибутов. Одни видят руку Бога во всех исторических событиях; другие более осторожны в религиозном толковании истории. Однако для стороннего наблюдателя все харедим, одетые, как правило, в черное и белое, одинаковы.

У них действительно есть одно общее: будь то в Иерусалиме или в Нью-Йорке, в Бней-Браке или в Монреале, они продолжают жить в Изгнании. В то время как антисионисты видят в Государстве Израиль препятствие на пути к Избавлению, несионисты из харедим просто не придают никакого религиозного значения ни сионизму, ни порожденному им государству.

Все харедим остаются верными традиции, в которой не предполагается постепенного перехода от Изгнания к Избавлению. Эти два состояния мира не имеют точек схождения, а превращение одного в другое может быть лишь резким и дискретным – своего рода квантовым переходом. Изгнание – не вопрос почтового адреса или политического суверенитета, а духовный вопрос о состоянии нашего мира в целом. Избавление означает резкий поворот к всемирной гармонии и выходит далеко за рамки собственно еврейской жизни. Для большинства благочестивых евреев Изгнание – это Божественный приговор, вынесенный евреям за их прегрешения против Торы. Хасиды, более склонные к мистицизму, считают главной миссией евреев собирать искры святости, рассеянные по всему миру.

Поскольку быстрый рост сионистского движения в Палестине нельзя было больше просто игнорировать, руководство Старого ишува вступило в союз со своими единомышленниками в Европе. Раввин Зонненфельд порвал с Агудат Исраэль и в 1927 году основал новую организацию – Эда харедит («община богобоязненных»). За ним последовала почти половина еврейского населения Палестины – как ашкеназского, так и

сефардского. Хотя большинство активных борцов против сионизма были ашкеназами, сефарды также внесли свою лепту в движение сопротивления.

Хахам* Яков Меир (1856–1939), один из руководителей сефардских общин в Палестине, публично осудил сионизм на церемонии отбытия верховного комиссара сэра Герберта Плумера (1857–1932) в 1928 году. Когда распорядитель церемонии представил хахама Меира вместе с должностными лицами сионистского аппарата, хахам решительно запротестовал и объявил, что никогда не признавал эту общину и не принадлежал к ней. Более того, он заявил, что все религиозные евреи должны держаться от сионистов подальше. Вместе с Зонненфельдом он передал Плумеру письмо, где обличал сионизм и призывал британские власти освободить благочестивых евреев от сионистского контроля[354]. Впоследствии Лига Наций позволила иерусалимским харедим остаться вне юрисдикции становившихся все более влиятельными сионистских учреждений.

Выборы в Кнессет регулярно предоставляют возможность протестовать против самого существования Государства Израиль[355]. Например, Яков Муцафи (1900–1983), раввин иракского происхождения, примкнул к бойкоту израильских выборов, названных им «скверною». Он категорически не признавал Государство Израиль и даже отказывался принимать выплаты социального страхования[356].

Принципиально антисионистскую позицию занимал раввин Исраэль Абухацера, более известный как Баба Сали (1889–1984), («молящийся отец» по-арабски) почитаемый не только многими сефардами, но и ашкеназами. Рассказывают, что по окончании изучения глубоко антисионистского труда «Ва-Йоэль Моше», написанного раввином Йоэлем Тейтельбаумом (1887–1979), Баба Сали организовал праздничную трапезу, подобную тем, что устраиваются по завершении изучения трактата Талмуда. «Эта книга – великий и важнейший трактат для нашего поколения, а раввин Йоэль [Тейтельбаум] – огненный столп[357], чье сияние поведет нас к приходу Мессии»[358].

Хахам Шломо Элиэзер Альфандари (1826–1930) – ”саба кадиша” («Святой дед») из Стамбула – стал символом сефардского сопротивления. Он запретил любые контакты с сионистами и вдохновлял других знатоков Торы на публичные выступления против этой идеологии. Хаим Шауль Давик (1861–1932), сефард-каббалист из Иерусалима, считал, что своим лицемерием религиозные сионисты способны совратить с пути истинного гораздо больше евреев, чем светские сионисты, а Хофец Хаим сравнивал их с вооруженными разбойниками[359]

(светские сионисты, с его точки зрения, были разбойниками невооруженными). Очевидно, что представители такого подхода отвергают сионизм в принципе, независимо от места религии в сионистской программе.

Официальная независимость харедим от сионистских учреждений (говоря языком тех времен, «право исключения») формально закончилась с провозглашением Государства Израиль в 1948 году, но антисионисты попытались добиться от ООН, преемницы Лиги Наций, по крайней мере, такого же статуса. Они подчеркивали, что никогда не подписывали израильскую Декларацию независимости, хотя Агудат Исраэль и присоединилась к ней. Антисионисты утверждали, что Агуда таким образом «способствовала смерти тысяч евреев во время конфликта 1948–1949 годов»[360]. Харедим продолжали настаивать на официальном признании их права проживать на территории Израиля, оставаясь в полной независимости от государства. В 1949 году раввины Амрам Блой и Арон Каценеленбоген (1893–1978), основатели Нетурей Карта, написали письмо генеральному секретарю Организации Объединенных Наций, в котором просили взять харедим под защиту организации и выдать им паспорта ООН. Они также требовали исполнения решения этой организации о международном статусе Иерусалима, разделенном тогда между Израилем и Иорданией. Перед самой смертью раввин Амрам Блой добивался встречи с президентом США Никсоном, пытаясь обеспечить евреям-антисионистам защиту от израильских властей со стороны великих держав по примеру того, как в XIX веке под их защитой оказались в Святой земле христиане[361]. Эти попытки оказались бесплодными: антисионистам не хватило знаний, средств и связей с правительствами западных стран, на помощь которых они уповали. В то время как произраильские организации, в особенности в США, установили долгосрочные связи со всеми политическими партиями и выстроили для этого мощный профессиональный лоббистский аппарат, антисионисты-харедим появляются на политическом горизонте спорадически, хотя и довольно эффектно, а временами и эффективно.

Отказ признать Государство Израиль лишает антисионистов всех политических и социальных прав. Оставаться независимыми от «сионистского образования», как они (подобно многим арабам) называют Государство Израиль, означает для них полную изоляцию. В отличие от Агудат Исраэль и других партий, получающих от государства средства в обмен на политическую поддержку, самые упорные из антисионистов не получают ни государственных субсидий, ни помощи многодетным семьям.

Создание Государства Израиль породило новую ситуацию: гораздо легче сопротивляться сионизму как идеологии, чем находиться в оппозиции к государству, которое влияет на твою повседневную жизнь. Для религиозных евреев сотрудничество с государством вовсе не означает признания его как желанного или даже законного образования. Большинство харедим и их раввинов принимают государство как свершившееся зло, то есть лишь как совокупность евреев, нуждающихся в социальных и иных услугах, обычно предоставляемых государством. Притом они отвергают сионистскую идеологию, религиозную или светскую, и не празднуют День независимости и другие государственные праздники. Они ужасаются многим принятым в государстве обычаям и стараются избегать общения со светским большинством. Лишь немногие из их сыновей служат в израильской армии, а дочери даже не несут обязательную альтернативную гражданскую службу. Многие из них не встают, когда сирены оповещают население страны о минуте молчания в память о евреях, погибших в Европе от рук фашистов.

Отказ придавать Государству Израиль какое-либо религиозное значение – положительное или отрицательное – позволяет многим харедим относиться к нему как к любому другому государству. Следуя этой логике, некоторые лидеры харедим оправдывают участие в политике, но на условиях, принятых в Изгнании. Евреи, замечают они, всегда посылали своих представителей к властям, чтобы защищать интересы общины. Именно так они оправдывают практику назначения своих представителей в израильское правительство.

При том что харедим во многих случаях сотрудничают с государством, это сотрудничество носит всегда лишь локальный и обусловленный обстоятельствами характер. Позиция раввина Элиезера Менахема Шаха (1898–2001), всеми уважаемого лидера общины, во многом определила отношение харедим к сионизму. Раввин Шах родился в Литве, входившей тогда в состав Российской империи, учился у лучших знатоков Талмуда Восточной Европы, затем преподавал в ешивах – в частности в ешиве Новардока (Новогрудок), которой руководил в то время раввин Вассерман. После нападения нацистов на Польшу он укрылся в Литве, находившейся под контролем СССР, а позднее перебрался в Палестину, где продолжил преподавать. Работая в Поневежской ешиве в Бней-Браке, воспитавшей тысячи учеников-харедим, он стал чрезвычайно влиятельной фигурой. Раввин Шах осудил заселение оккупированных в 1967 году территорий и расценил этот шаг как явную провокацию «против народов». Позиция раввина Шаха показывает, как идеологическая чистота

может сочетаться с полномасштабным прагматизмом. На идеологическом уровне он стоял за бескомпромиссную оппозицию Государству Израиль, которое называл «массовым бунтом против царства Божия»[362]. Стараясь никоим образом не способствовать легитимации официальных органов государства на концептуальном уровне, на уровне практическом он был сосредоточен на основной цели – помогать правоверным евреям.

Благодаря прагматичному руководству раввина Шаха участие ортодоксальных партий в политических делах значительно возросло. Он явился продолжателем линии раввина Хазон Иша, которая позволяла евреям стать частью израильской политической системы и в то же время не признавать ее легитимности. «Если вооруженный разбойник нападает на меня в лесу, а я пытаюсь убедить его сохранить мне жизнь, значит ли это, что я признаю его действия законными? Нет, он остается для меня разбойником с большой дороги»[363].

Некоторые группы – как внутри Израиля, так и за его пределами, – разделяют такой прагматический подход. Эти группы различны по своему географическому, идеологическому и культурному происхождению. Наиболее поздней из оформившихся группировок харедим стало движение Шас, внутри которого сложилось сотрудничество ашкеназских и сефардских евреев. Возглавили его раввины Шах и Овадия Иосиф (1920–2013) – бывший главный сефардский раввин Израиля, ведущий авторитет в вопросах еврейского права. Активисты движения – борцы против дискриминации, многие из которых с покаянием вернулись к религии, – подвергают резкой критике сионизм и порожденные им государственные и общественные структуры.

Выше уже говорилось о том, что евреи родом из мусульманских стран испытывают в Израиле гораздо большее культурное давление и психологический дискомфорт, чем ашкеназские евреи из Европы. По сути дела, «Новый ишув» (сионистское общество) и Государство Израиль были воплощением европейских концепций, порожденных реалиями и мечтами, которыми жили евреи Российской империи. Для большинства евреев, прибывших в Израиль из мусульманских стран, эти идеи были совершенно чуждыми. На родине им жилось куда лучше, чем евреям в христианских странах Европы[364], и их взаимоотношения с соседями-мусульманами были более ровными и добрыми. Они свободно говорили на местных языках (арабском, фарси, пушту), в их истории было меньше преследований и насилия, чем в истории евреев христианской Европы. Поэтому многие труды по иудаизму, созданные в мусульманских странах, написаны по-арабски, тогда как в христианских странах евреи

никогда не писали свои труды на латыни.

Шас является как движением, стремящимся возродить самоуважение сефардов, так и политической партией, создавшей мощную сеть образовательных учреждений и социальных служб[365]. Шас – несионистское движение, и его лидеры время от времени довольно резко критикуют сионизм, при этом продолжая занимать свои места в Кнессете, где в начале XXI века партия получила самое значительное парламентское представительство среди религиозных партий[366]. Ее электорат – это выходцы из Марокко и других арабских стран, многие из которых, тем не менее, в попытке стать современными людьми восприняли многие принципы сионизма. Противоречие между антисионистской позицией лидеров Шас и националистическими убеждениями ее электората разрешилось в 2010 году, когда партии под давлением финансирующих ее французских и латиноамериканских сионистов пришлось войти во Всемирную сионистскую организацию. Однако и до этого духовный лидер этого движения раввин Овадия Иосиф, говоря о палестинцах, начал прибегать к националистической, а порой и откровенно расистской риторике. Энтузиазм, с которым этот сдвиг был воспринят электоратом партии, свидетельствует о глобальной тенденции отторжения всего «арабского», существующей в израильском обществе. Тем не менее члены движения Шас, несмотря на официальное участие в сионистском движении, продолжают критиковать светские основы государства, отражающие и воспроизводящие по-прежнему чуждый им мир Восточной Европы.

Создание Шас произошло под влиянием так называемого литовского течения иудаизма. В Литве перед Второй мировой войной существовало несколько выдающихся центров изучения Талмуда – своеобразных форпостов борьбы против Хаскалы и секуляризации в Восточной Европе. После войны литовские ешивы и их интеллектуальная традиция возродились как в Израиле, так и в ряде других стран, в том числе США, Канаде, Мексике, Южной Африке, Франции, Англии, Швейцарии и постсоветской России[367]. Пережившие войну раввины воспитывали своих учеников в традиции преданности изучению Талмуда, которая передавалась из поколения в поколение. Это движение привлекло тысячи молодых людей из нерелигиозных семей, а также выходцев из стран Азии и Африки, евреев немецкого и эльзасского происхождения. Сегодня у «литовской» традиции, издавна отвергнувшей сионизм, есть два основных центра: пригород Тель-Авива Бней-Брак и город Лейквуд в штате Нью-Джерси.

Еще одну группу противников сионизма составляют хасидские движения – преемники дворов праведников-цадиков[368], сложившихся в XVIII–XIX веках на территории сегодняшних России, Белоруссии, Украины, Польши, Венгрии, Словакии и Румынии. Хасидизм – мистическое движение за обновление еврейской религии, возникшее в XVIII веке, – породил ряд направлений во главе с влиятельными и харизматическими цадиками, основателями собственных династий. Хотя жизнь хасидов также опирается на изучение Талмуда, они уделяют немало внимания еврейской мистике, а также духовному наследию цадиков прошлого. Если говорить о критике сионизма, то на протяжении XX века ее можно было услышать от членов бельзского*, вижницкого*, мункачского*, любавичского* и сатмарского движений (ведущих свое происхождение, соответственно, из Белза, Вижницы, Мукачево, Любавичей и Сату-Маре). Представители литовских и хасидских течений активнее всего противостоят движению сионизма.

В настоящее время все три группы сближаются с сионизмом, хоть и в разной степени. Шас официально присоединилась к сионистскому движению; лидеры Агудат Исраэль не решились на такой шаг, но часто занимают близкую правому сионизму позицию (например, выступают против возвращения территорий, занятых в 1967 году[369]); члены же некоторых хасидских общин начали нести военную службу.

Похороны раввина Амрама Блоя, руководителя и вдохновителя сравнительно небольшого движения Нетурей Карта, продемонстрировали неожиданный масштаб поддержки антисионистов в Святой земле. На улицы Меа Шеарим вышли сотни тысяч евреев. Организаторы похорон строго запретили дотрагиваться до гроба тем, кто принимал участие в израильских выборах, будь то общенациональные или муниципальные, а также тем, кто отправлял своих детей в школы, пользующиеся поддержкой государства, сколь бы ортодоксальными они ни были[370]. Покойный отказывался ездить в автобусе или на поезде; он выбирал только такси, принадлежавшие арабам или харедим.

Для хулителей сионизма День независимости – это возможность проявить свое истинное отношение к Государству Израиль. Самые радикальные сжигают израильский флаг, одеваются в рубище и посыпают головы пеплом. Другие, например, жители квартала харедим города Бейт-Шемеш, поднимают палестинские флаги. В программном произведении иудейского антисионизма, «Ва-Йоэль Моше», сказано, что праздновать День независимости

«хуже признания идолопоклонства; они не только принимают, но празднуют и радуются ужасному бунту против Бога и Его святой Торы. Есть множество грешников и даже неверующих, сокрушающихся в сердце своем, поскольку они не служат Богу, которые просто не в состоянии сопротивляться искушению смущающих их ложных идей. Но те, кто радуется своему греху, виновны в более серьезном преступлении: святотатстве»[371].

Большинство харедим сознательно игнорируют все аспекты этого праздника. Американский раввин российского происхождения Моше Файнштейн (1895–1986), один из ведущих религиозных авторитетов современности, категорически не одобряет вывешивание в синагогах израильского флага. По его словам, Государство Израиль не представляет собой никакой ценности, и потому его не следует ассоциировать с еврейским молитвенным домом[372]. Хазон Иш, видный лидер ортодоксального иудаизма, занял еще более непреклонную позицию, запретив правоверным евреям входить в синагогу, украшенную израильским флагом, даже если в округе нет других синагог.

Этот запрет иллюстрирует как харедим, руководствуясь строгим соблюдением еврейской традиции, жестко противостоят всему, что связано с национал-иудаизмом. По мнению раввина Мейера Вебермана, одного из активных современных антисионистов, национал-иудаизм принес не меньше вреда, чем сионизм светский, ибо последователи национал-иудаизма притворяются верными Торе, но в то же время искажают ее смысл[373]. Противники сионизма считают, что единственный выход – полный отказ от независимости, полученной против воли местного еврейского и арабского населения, а значит, и против Божественной воли. Из этого вытекает и полный отказ от участия в любых сионистских структурах и сопряженных с сионизмом видах деятельности. Для них само существование Государства Израиль является большой опасностью, и, следовательно, его необходимо упразднить.

Сегодня может показаться странным, что раввин Ицхак Яков Рейнес (1839–1915), основатель национального иудаизма, яростно обрушивался на тех, кто связывал поселение в Палестине с духовными чаяниями. Именно против распространенной сегодня среди последователей национал-иудаизма веры в рукотворную природу Избавления пытались предостеречь в свое время предтечи религиозного сионизма.

Полное отрицание мессианского значения сионизма было характерно и для первых его идеологов. Социалисты-безбожники

открещивались от иудейства с его ожиданием Мессии, к которому относились с иронией и даже с презрением. «Нет у Израиля Мессии, так за работу же!» – призывал поэт Бреннер в 1910 году[374].

В отличие от сегодняшних идеологов национал-иудаизма, виднейшие раввины даже не пытались примирить сионизм с еврейской традицией. Так, например, в начале XX века руководитель ешивы в Слободке, пригороде Каунаса, – одной из самых видных ешив в Российской империи, – сурово осудил студентов, посетивших лекцию, на которой выдвигалась идея синтеза иудейства с сионизмом. Он угрожал тем, что любой студент, замеченный в связях с сионистским движением, будет отчислен из ешивы и даже лишен диплома раввина, если он уже его получил[375]. Напротив, последователи национал-иудаизма признают исключительно «Тору Земли Израиля» и, соответственно, объявляют устаревшей традицию, созданную в Изгнании. Они утверждают, что их движение стремится к «глубинной революции внутри иудаизма», более радикальной, чем та, которую спровоцировало появление реформистского иудейства в начале XIX века[376]. В рядах национал-иудаизма слышатся призывы переосмыслить иудейство столь же радикально, сколь сделал это заложивший основы раввинистической традиции раввин Йоханан бен Заккай два тысячелетия тому назад.

С другой стороны, среди приверженцев национал-иудаизма, само существование которого (как видно из названия) основано на преданности идеям сионистской идеологии, также раздается критика в адрес сегодняшнего сионизма и Государства Израиль, однако на общем фоне она практически не слышна. Последователи североамериканского варианта национал-иудаизма – «современной ортодоксии» (Modern Orthodoxy) – также озабочены проблемами современного Израиля. Одним из известнейших критиков сионизма стал бывший председатель Кнессета Авраам Бург. В рядах идеологического авангарда сионистской колонизации государство и его политика воспринимаются без былого религиозного почтения, особенно после вывода сионистских поселенцев из сектора Газа в 2005 году.

Само понятие «еврейский характер государства», которое представляет собой центральную концепцию национал-иудаизма и, пожалуй, наиболее серьезную причину конфликта на Святой земле, весьма расплывчато. Для одних это требование подчинения государства иудейскому праву (Галахе); для других – необходимость установление еврейского контроля над всеми

территориями, входящими в библейскую «Землю обетованную». В последнее время понятие «еврейский характер государства» все чаще используется в демографическом смысле. Рост арабского населения страны расценивается как настоящая опасность и «демографическая бомба»[377], так что некоторые называют государство скорее неарабским, чем еврейским. Создание Государства Израиль против воли соседних народов и местного палестинского большинства обрекли его на постоянные конфликты и полное неприятие всего «арабского», принимающее разные формы: от призывов раввинов – приверженцев национал-иудаизма – не сдавать арабам жилье до массовых требований об их выселении. Понятие «еврейский характер государства» все больше и больше используют для оправдания исключения арабов из израильского общества.

Многие влиятельные раввины еще с момента зарождения религиозного сионизма подчеркивали, что проблема кроется вовсе не в том, что у основ сионизма стояли евреи-атеисты. Для них было бы хуже, если бы это движение, основанное на ложных, по их мнению, идеях, создали раввины и знатоки Торы. Даже близкий к национал-иудаизму раввин Моше Собер осуждал распространенную среди его адептов привычку принимать благоволение со стороны Господа как должное:

«Упование на Бога – важнейшая концепция в иудействе, как и во многих других религиях. Но тут следует ясно понимать, что еврейская концепция веры далека от слепой уверенности в том, что какие бы действия мы не предпринимали, все повернется к лучшему. Вера в Бога означает, что Вселенная управляется справедливым и любящим Господом, который не желает “поймать” нас, который готов дать нам передышку, который относится к нам справедливо и милосердно – пока мы сами делаем то, что нам положено делать»[378].

Для многих религиозных евреев Государство Израиль никак не связано с Избавлением. Раввин Шалом Дов Бер Шнеерсон считал, что самовольно добиваться освобождения от ига Изгнания столь же пагубно, как и стремиться избавиться от ига Торы. Чтобы избежать своей еврейской участи, сионистам необходимо отбросить Тору и веру Израиля:

«Чтобы возбудить в наших братьях ощущение принадлежности к “нации” со своим независимым государственным устройством… сионисты должны поставить национализм выше Торы, так как известно, что те, кто верен Торе и ее заповедям, вряд ли изменятся и примут новое самосознание… Поэтому, чтобы внедрить эту идею, сионисты должны исказить саму сущность [еврейства], чтобы заставить

[евреев] принять новое самосознание»[379].

Новое израильское самосознание, подразумевающее разрыв с традицией, единодушно подвергается критике со стороны религиозных авторитетов, предсказывающих забвение, которому в итоге будет предано иудейство. Недавний опрос, показавший, что две трети молодых израильтян предпочли бы не быть евреями, если бы родились за пределами Израиля, подтверждает выводы противников сионизма. Две трети опрошенных считают, что евреи других стран принадлежат к иному, чем израильские евреи, народу[380]. Антисионисты нередко приводят одно высказывание Леи Рабин (1928–2000) – вдовы премьер-министра, убитого в 1995 году одним из последователей национал-иудаизма. По ее словам, она бы предпочла, чтобы ее дети были арабами, нежели ортодоксальными евреями[381]. На похоронах премьер-министра его сын едва смог прочитать кадиш – традиционную для такого события молитву. Критики сионизма утверждают, что израильское самосознание – не что иное, как средство отвлечь молодежь от самосознания иудейского.

Создание общества европейского типа на Ближнем Востоке вызывает неприятие со стороны не только религиозных кругов, но и сторонников более «восточного» общества, то есть страны, ориентированной на культуру своего региона, а не повернувшейся к нему спиной. На первых порах Агудат Исраэль ставила себя выше этнических различий и защищала интересы всех харедим, ашкеназов и сефардов. На сионистов-безбожников, нахлынувших из Восточной Европы, с неприязнью взирали как восточные евреи, так и палестинцы: «Настоящий еврей и араб имеют между собой много общего, поэтому им легко понять друг друга. Они восточные люди и чрезвычайно восприимчивы к духовности. Сионисты же утратили свое исконное еврейское самосознание, они стали западниками, материалистами. Именно поэтому им не удается понять арабов»[382]. В таком контексте нетрудно понять, почему раввин Амрам Блой установил тесные контакты с «Черными пантерами» – движением протеста, зародившимся среди евреев – выходцев из Северной Африки.

Сефардские евреи со своей стороны включились в борьбу с сионизмом преимущественно в Земле Израиля. У себя на родине они в общем и целом избежали политических разногласий и идеологических конфликтов, затронувших ашкеназов в Европе. Тем не менее некоторые сефарды вне Палестины выступили против идеи разделения территории, предложенной Королевской комиссией (Peel Commission) в июле 1937 года. Вскоре за этим видные марокканские евреи, наряду со своими соотечественниками-мусульманами, отправили в Лондон

довольно резкое письмо, предупреждая «об ужасных последствиях [раздела Палестины] – столкновениях между арабскими и еврейскими жителями страны». Письмо заканчивалось призывом к созданию «независимого палестинского государства с демократическим парламентским строем, ибо лишь такой режим сможет обеспечить равные права обеим группам в столь дорогой им стране»[383].

При том что хасидские раввины уделяют заповеди «возлюби ближнего своего» большое значение, они выступили против попыток сионистов создать «национальное единство»[384]. Раввины резко отвергли сотрудничество в рамках такого национального единства – как в Земле Израилевой, так и в других странах. Они не признавали никаких совместных инициатив, так как отрицали само существование общих интересов у евреев, верных традиции, и у тех, кто от нее отошел, чье еврейство поэтому они ставили под сомнение.

С самого начала сионистского движения большинство раввинов России, знакомых с той тяжелой жизнью, которая усиливала привлекательность сионизма, сочли это движение просто еще одной попыткой выкорчевать Тору. Раввин Эльхонан Вассерман сравнивал сионистов с членами Евсекции, то есть Еврейской секции Коммунистической партии в СССР, которые «преследовали искренне веровавших евреев с ужасающей жестокостью»[385]. Убежденные в правоте своего атеистического мессианства, евреи-коммунисты беспощадно уничтожали традиционный еврейский уклад. Вассерман утверждал, что положение евреев в Советском Союзе стало гораздо хуже, чем при царе: отмена черты оседлости и возможность выбирать любую профессию не компенсировали потерю связи с Торой и превращение их в «лиц еврейской национальности».

Вассерман мог терпимо относиться к людям, отступившим от Торы, но бескомпромиссно осуждал вдохновителей безбожия. Он считал, что сионисты воздвигают препятствия между евреями и Богом и отрезают пути возвращения к Торе. По этому поводу противники сионизма нередко ссылаются на два стиха из книги Левит: «Чтоб не изрыгнула земля вас, если вы осквернite ее, как изрыгнула она народ, бывший до вас» (Левит, 18:28) и «Соблюдайте же все уставы Мои и все Мои законы, и исполняйте их, дабы не изрыгнула вас земля, в которую Я веду вас, чтобы жить в ней» (Левит, 20:22).

Почему в трех смежных главах Торы содержится два столь строгих предостережения? Согласно книге «Ор а-хаим» («Свет жизни») – классическому комментарию, написанному марокканским раввином Хаимом бен Атаром (1696–1743), –

первый стих относится к злоумышленникам, которых Земля извергнет из себя, а второй – к благочестивым евреям, которые будут извергнуты за то, что не сумели им противостоять. Ответственность праведников за всех евреев – один из лейтмотивов иудейства. Именно это побуждает религиозных евреев восставать против нарушений заповедей Торы. Особенно вредоносным нарушением они считают сионизм[386].

Предвосхищая такое преображение еврея, некоторые иудейские мыслители уже более века тому назад подчеркивали, что сионизм особенно опасен тем, что закрывает евреям дорогу к раскаянию. Любавичский ребе еще в начале XX века сокрушался, что защитники сионизма считают себя «хорошими евреями». Он заявлял, что сионизм еще не приблизил ни одного еврея к иудейству, а, наоборот, многих отвратил от истинного пути. Сионисты рассматривают свою идеологию как современную замену иудейству, считая его почтенным, но безнадежно отсталым предтечей сионизма. Раввин Шнеерсон неоднократно указывал на тождество сионизма и современного ему христианства: оба признают историческую роль иудаизма, но не видят в нем дальнейшего смысла[387].

Ребе отмечает, что сионизм обладает огромной властью над сердцами евреев. Сионисты говорят на современном языке, обращаются на уровне чувств к еврейским символам и дают смысл жизни еврею, чья связь с Торой слаба или вообще отсутствует. Вместе с тем, напоминает Шнеерсон, внешность часто обманчива. Он сравнивает сионизм со свиньей. Ее копыта раздвоены – признак кошерного животного; если свинья ляжет, выставив копыта, может показаться, что она кошерна. Но при этом, предупреждает ребе, Тора запрещает есть свинину: «… нечиста она для вас» (Левит, 11:7).

Число активных противников сионизма относительно невелико, возможно, их не более нескольких сотен тысяч[388]. Однако, как пишут Равицкий и другие израильские ученые, несмотря на немногочисленность, влияние антисионизма распространяется на куда более широкие слои евреев. Поскольку аргументы против сионизма нельзя взять с потолка, опираясь лишь на интуицию или политические соображения, иудейское сопротивление сионизму приобрело со временем внушительную идейную базу, основой которой остается книга Йоэля Тейтельбаума (1887–1979) «Ва-Йоэль Моше»[389], антисионистские доводы в которой автор вывел из юридического анализа Талмуда. Раввин Тейтельбаум долго руководил общиной города Сатмар в Венгрии (сейчас находится в Румынии), а после спасения от нацистского геноцида на короткое время переехал в

Иерусалим. Чуть позже, после провозглашения Государства Израиль, он уехал в США и там воссоздал сатмарскую общину. Ребе Тейтельбаум излагал свои идеи в книгах и в издаваемом на идише еженедельнике «Дер Ид» («Еврей»).

Ребе Тейтельбаум считал особенно важным использование печатного слова, ведь с конца XIX века все чаще раздавались голоса, обвинявшие сионистов в захвате контроля над еврейской прессой[390]. И действительно, на протяжении многих десятилетий раввинам было очень сложно, а иногда просто невозможно публично выступить с осуждением сионизма, потому что в редакциях большинства еврейских периодических изданий находились приверженцы Хаскалы. На похоронах раввина Тейтельбаума многие видные раввины говорили, что он шел по единственно верному пути, даже если у них не хватало сил за ним следовать.

Хулители сионизма считают его сатанинским движением, подменявшим сверхъестественное естественным, религиозное – светским, а терпение и упование на Господа – политическими и военными действиями. Неприятие сионизма зачастую выражается образным языком немалой красоты и силы. Раввин Хаим Элазар Шапира, мункачский ребе (1872–1937), так описывал свой визит в Палестину:

«Отправляясь в Святую землю, я сказал Искусителю перед отплытием из Стамбула: “Билет стоит дорого… Решай: или ты едешь в Святую землю, а я остаюсь… или ты остаешься, а я еду в Святую Землю…” И он решил остаться… И я возрадовался своему путешествию. Но как только достиг Святой земли и увидел Искусителя стоящим в порту, я закричал в ярости: “Что ты здесь делаешь? Разве не должен был ты остаться в Стамбуле?” Он же отвечал мне: “Ты спрашиваешь, что я здесь делаю? Этот жить пришел, а судить начал!”»[391] «Тут мое обычное обиталище, а тот, с кем ты беседовал в Стамбуле… лишь мой заморский посланник»[392].

Признанный специалист по этому вопросу Равицкий считает, что решение представить сионизм сатанинской силой не было импровизированным; наоборот, оно вытекает из обширной юридической и философской еврейской традиции[393].

Кроме основополагающих трудов, то есть работ Вассермана и Тейтельбаума, отрицание Государства Израиль можно найти и в историях, передающихся из уст в уста. В одной из них речь идет о том, как Хазон Иш, почитаемый лидер харедим, принимал премьер-министра Бен-Гуриона, пришедшего обсудить сосуществование с харедим в новом государстве. Хазон Иш не пожал основателю Израиля руку и ни разу не посмотрел в глаза:

ведь Талмуд запрещает смотреть в глаза безбожникам[394].

Самым новым и самым яростным противником сионизма стала группа «Лев Тахор»* («Чистое сердце»). Многие из этих радикально отвергающих сионизм хасидов, чей центр в 2000 году был перенесен в Канаду, являются бывшими военнослужащими Армии обороны Израиля. Приняв эту разновидность хасидизма, они покинули армию, а со временем и Государство Израиль. Когда-то они носили защитную форму, теперь же ходят в черных лапсердаках и отрастили длинные пейсы; сегодня их походка ничем не напоминает прежнюю военную выправку.

Они выучили идиш, язык Изгнания, чтобы не пользоваться в повседневной жизни своим родным языком, ивритом, и не учить ему своих детей. Пытаясь обратить вспять колесо истории, они воспроизводят – но с обратным знаком – усилия, предпринятые больше столетия назад Элиэзером Бен Иегудой, оставившим родину и родной язык, идиш, ради Палестины и нового, разговорного, «десакрализованного» иврита. Сегодня хасиды Лев Тахор возвращают ивриту его «священный статус», используя его исключительно для молитвы и изучения Торы. Между собой они говорят только на идише. Когда я приезжал в их поселение, ребе давал им особое позволение использовать «сионистский язык» (поскольку я не владею идишем) для изложения своих антисионистских взглядов. Своим поведением и образом жизни они как бы вычеркивают со страниц истории целое столетие сионизма, словно его и не было. В каком-то смысле на коллективном и индивидуальном уровне здесь воплощают именно то, к чему призывает их духовный глава – распад сионистского государства[395].

Причиной ожесточенной критики сионизма со стороны раввинов было не только его европейское происхождение и связь с западной культурой. Раввины-хасиды, достаточно закрытые от западной культуры, разделяли негативное отношение к сионизму с последователями раввина С.Р. Гирша, принимавшими европейскую культуру и даже восхищавшимися ею, и реформистскими раввинами Европы и США.

Реформисты критикуют сионизм с точки зрения их собственного толкования Торы. Напомним, что реформистский иудаизм хотел привести еврейские обряды и обычаи в соответствие с моделью немецкого протестантизма. Одной из реформ, предложенных новым движением, возникшим на севере Германии в начале XIX века, было ослабление национальной составляющей иудейства, то есть приверженцы этого направления стали считать себя «немцами Моисеева закона». Перед тем как в середине XIX века движение проникло в США, из реформистских

молитвенников было исключено упоминание о возвращении в Сион. Во время открытия первой реформистской синагоги США в 1841 году с радостью подчеркивалось, что «этот молитвенный дом – наш Храм, этот свободный город [Шарлотт в Северной Каролине] – наш Иерусалим, этот счастливый край – наша Палестина»[396].

В программе реформистского движения, принятой в Питтсбурге в 1885 году, осуждался еврейский национализм в любой форме еще до появления политического сионизма в Европе[397]. Евреи-реформисты были изначально готовы отвергнуть сионистскую идею Герцля, постулировавшую извечное существование антисемитизма – основного аргумента в пользу создания отдельного государства для евреев. Реформисты «не принимали ни предпосылок, ни выводов сионизма – то есть ни постулата о том, что антисемитизм неизбежно присущ национальным государствам, включающим в себя еврейское меньшинство; ни идеи о необходимости создать отдельное национальное государство [для евреев]»[398]. Издеваясь над «сиономанией», они считали долгом каждого еврея бороться против сионизма. «Каждый трезвый исследователь еврейской истории, истинно любящий своих собратьев по религии, понимает, что сионистская агитация противоречит всему, что характерно для еврейства и иудейства», – отмечал в 1899 году профессор Объединенного еврейского колледжа (Hebrew Union College) – высшей школы по подготовке раввинов для реформистского движения, расположенной в Цинциннати. В 1916 году президент колледжа добавил: «Основа политического сионизма – это невежество и безбожие»[399].

Антисионизм евреев-реформистов достиг апогея во время Второй мировой войны. В 1944 году один из противников светской идеологии назвал план создания еврейского государства «гитлеровской концепцией»[400]. С тех пор влияние антисионистов пошло на убыль, особенно после массовых убийств евреев в Европе. Тем не менее некоторые группы в реформистском движении продолжают выступать против существования Государства Израиль. Делают они это примерно по тем же причинам, что и члены Нетурей Карта. В речи, произнесенной перед палестинцами в Иерусалиме накануне Шестидневной войны, раввин Элмер Бергер (1908–1996), наиболее известный представитель реформистского антисионизма, провозгласил, что сионизм угрожает прежде всего евреям, которые «могут стать [его] последними и самыми трагическими жертвами»[401]. Такое пророчество мог бы произнести и любой хасидский ребе, хотя у хасидов и реформистов, казалось бы, мало общего. Отрицание

сионизма отражает фундаментальные принципы иудейского мироощущения.

Антисионизм оказался общим знаменателем и для харедим разных направлений несмотря на их обычную обособленность и раздробленность. Хасиды и последователи литовской ортодоксии выступают вместе в антисионистских публикациях и цитируют друг друга.

Реформистские раввины подчеркивали первостепенную важность религиозного самосознания и осуждали превращение его в самосознание национальное или расовое. Отвергая национализм, они в середине 1940-х годов предлагали «создать в Палестине демократическую политическую структуру, где ни религиозная, ни этническая принадлежность не была бы препятствием для полноценного участия в политической жизни»[402]. Но сионистское руководство отвергло инициативу реформистов как угрозу еврейскому национальному самосознанию. Сопротивление либеральным идеям остается камнем преткновения между израильскими евреями и евреями других стран мира, благополучие которых основывается именно на принципах либерализма.

Напомним, что либеральным идеям противились и христианские предтечи сионизма лорд Шафтсбери и граф Бальфур, выступавшие против иммиграции евреев в Великобританию, а эмансипация – как угроза «еврейской национальной идее» – пугала британские элиты не меньше, чем сионистов-евреев[403]. Антилиберализм сионистов – не нечто наносное и внешнее, а органическая составляющая сионистской идеологии.

Британские политики считали евреев народом, который, заняв свое законное место в Палестине, в дальнейшем мог бы стать «важной консервативной силой» мировой политики. В начале XXI века эту надежду воплотило в себе меньшинство так называемых «неоконсерваторов» – самых последовательных приверженцев сионизма, в значительной степени задающих тон в еврейских общинах. Однако большинство евреев, особенно в США, по-прежнему остаются верными либеральным идеям всеобщего равенства.

В 1930-х годах реформистское движение смягчило свое отношение к превращению еврейского самосознания в национальное, а после геноцида евреев в Европе и Шестидневной войны стало относиться к Израилю еще более положительно. Принципиальными последователями антисионизма среди реформистов остались в основном члены Американского совета по иудаизму (American Council for Judaism). Сочетание

реформистского иудаизма с сионизмом представляет собой немалый парадокс. «Реформистский иудаизм – это духовное движение, а сионизм – политическое. Горизонт реформистского движения – весь мир. Горизонт сионизма – уголок Западной Азии», – заявил раввин Давид Филипсон в 1942 году[404]. Некоторые утверждали, что реформисты, примирившись с сионизмом, полностью отвергли философские основы своего движения. Для евреев-реформистов сионизм является отходом от традиции в той же мере, что и для ортодоксов.

В первые годы нового движения сионистом называли еврея, который просил деньги у другого еврея для того, чтобы послать третьего в Палестину. Сегодня совсем непросто определить, кто такие сионисты, несмотря на то, что формально к ним можно отнести большинство израильтян-неарабов. В Израиле этот термин почти потерял идеологическую нагрузку, как это часто случается с официальной идеологией, поэтому Кнессет несколько лет назад начал пытаться укреплять сионистский дух. В других странах определение «сионист» применяют к людям, которые восхищаются Израилем. Его защитники и почитатели, большинство из которых являются христианами-протестантами, совершенно не собираются переезжать в Святую землю. Идеей, объединяющей всех современных сионистов – евреев и неевреев, – стала безоговорочная преданность Государству Израиль.

Напротив, антисионисты среди харедим считают идеологию и практику сионизма противоречащими фундаментальным основам иудейства. Несионисты говорят об отступлении от традиции, но готовы терпеть сионистов, рассматривая Государство Израиль как обычную политическую структуру, то есть временное образование. Но и те, и другие сходятся в отвержении еврейского национализма, а тем более любой связи между ним и Избавлением.

В сегодняшнем мире сионистские организации намного сильнее оппозиционных групп и часто оказывают на своих противников моральное, экономическое и даже физическое давление. Обычными стали угрозы подвергнуть бойкоту тех, кто отказывается проявлять солидарность с Государством Израиль. Аргументы осуждающих сионистскую идеологию и практику вызывают резко враждебную реакцию. Пример Ханны Арендт говорит о многом. Как только она стала критиковать сионизм, ее работы осудили, а сама она подверглась остракизму. Бывшие соратники ее, не обращая внимания на приводимые ею доводы, обрушили на автора свой гнев; им даже не нравился ее «тон»: «В ваших антисионистских аргументах меня ранит не их содержание, о котором мы всегда можем поспорить, а сам тон

обсуждения»[405], – писал Гершом Шолем (1887–1982), ее старый приятель по Германии, обосновавшийся в Иерусалиме в 1924 году и ставший крупнейшим специалистом по каббале. Лояльная оппозиция сионизму практически невозможна – «кто не с нами, тот против нас». Эли Барнави, историк и бывший посол Израиля во Франции, также считает, что «…Будучи лишенной религиозной составляющей, мечта о “третьем израильском царстве” не могла не привести к тоталитарному образу мысли»[406].

В то время как еврейские СМИ, принадлежащие, как правило, близким к сионизму людям, избегают упоминаний о его противниках, западная и арабская пресса стали больше внимания уделять еврейскому антисионизму[407]. Чтобы донести свои идеи до более широкой публики, критики сионизма, например Нетурей Карта, осваивают ресурсы современных СМИ и, несмотря на ограниченные возможности, устраивают довольно шумные кампании протеста. Многие антисионисты-харедим по примеру израильских активистов левого толка устанавливают контакты с мусульманами, палестинцами и вообще с арабами, не упуская ни единой возможности заявить по телевидению о неприятии самого существования Государства Израиль. Несмотря на свою разрозненность, антисионистские группы весьма широко распространяют свои идеи. Хотя большинство еврейских СМИ не предоставляет слова антисионистам из харедим, у них берут интервью в ведущих печатных изданиях разных стран. В этих изданиях они также иногда размещают свои платные послания. Идеи иудейских противников сионизма можно обнаружить и в интернете. Они излагают свою позицию не только на собственных сайтах[408], но и на интернет-страницах левых движений, а также ряда мусульманских и христианских организаций. Из-за этого антисионистов часто считают «пособниками врага» и относятся к ним с глубоким презрением. Отвергая обвинения в том, что они «вонзают кинжал в спину еврейства», антисионисты, в особенности из числа хасидов, пытаются в своих контактах с прессой объяснить интригующий многих парадокс: почему община, столь ревностно защищающая свою обособленность, выступает против любой формы политической независимости[409].

Противостояние сионизму не остается безнаказанным. После антисионистских демонстраций в Монреале некоторые еврейские общины города обнаружили, что финансовая поддержка их школ и ешив была ощутимо урезана. Многие спонсоры были задеты публичной демонстрацией антисионистских взглядов. Из-за финансового давления одно из учебных заведений по изучения Талмуда в Монреале было вынуждено закрыться. Спонсоры

отказали в финансировании раввину, директору этого центра, за участие в упомянутой демонстрации. В этом случае приверженность сионизму взяла верх над традиционным еврейским уважением к Торе и к людям, которые ее изучают.

С начала XXI века количество еврейских организаций, осуждающих сионизм, стало увеличиваться. Представители недавно учрежденной Международной еврейской антисионистской сети (IJAN, International Jewish Anti-Zionist Network) проводят образовательные и политические мероприятия, настаивают на бойкоте Израиля и участвуют в акциях протеста. Однако эти организации и объединения не всегда сходятся в своем отношении к Израилю. Государство Израиль порицают с разных сторон: для одних самое ужасное – новое еврейское самосознание, освобожденное от «ига Небес»; для других – врожденный милитаризм сионистского предприятия; для третьих – тот факт, что существование Государства Израиль – препятствие на пути к приходу Мессии.

Набожные антисионисты добиваются мирной ликвидации Государства Израиль, но не оспаривают право евреев жить на Святой земле с согласия соседей. Мыслители, придерживающиеся таких взглядов, сходятся во мнении, что сионистская структура государства подрывает любые попытки мирного урегулирования отношений между Израилем и Палестиной.

«Их всех объединяет одно роковое допущение. Считается аксиомой, что Государство Израиль должно существовать. Вопреки явным свидетельствам последних пяти десятилетий еврейской истории, его существование продолжают считать чем-то положительным для еврейского народа… Мы будем требовать и, с Божьей помощью, еще увидим своими глазами мирное упразднение этого государства. Мы вернем эту землю тем, кто жил на ней на протяжении веков, – палестинскому народу. Под его суверенитетом мы вместе будем трудиться для достижения справедливого решения всех проблем отношений между евреями и палестинцами, возникших за время краткого периода сионистской власти… Именно такую картину мы предлагаем взамен нынешнего кошмара: еврейский народ, освобожденный от необходимости убивать и гибнуть, свободный для исполнения своего Божественного предназначения соблюдать Тору и для жизни в мире и взаимном уважении со всеми людьми»[410].

Богословские аргументы, выдвигаемые противниками сионизма с момента зарождения этого политического движения, остаются практически неизменными. Хотя еврейская жизнь в XX веке была полна великих преобразований и трагедий, духовные противники сионизма находят в этих событиях неизменные

свойства и признаки традиционно иудейского понимания истории.

В исторической перспективе сопротивление раввинов сионизму выглядит естественным; менее естественным предстает их сотрудничество с сионистами. Противники сионизма уверены, что действуют, опираясь на еврейскую традицию. Раввин Шах не без юмора говорил об этом феномене: «Когда меня на Небесном суде спросят, почему не присоединился к идеям сионизма, я без раздумий возложу вину за это на Хофец Хаима и других великих мудрецов – моих предшественников, а они уж найдут, что ответить»[411].

Мрачные пророчества ранних противников сионизма сегодня выглядят более правдоподобными, чем в то время, когда они раздавались в атмосфере подъема молодого и многообещающего сионистского движения. Политика Израиля и ее автоматическая поддержка сионистскими организациями от имени всех евреев ведут к нагнетанию антиеврейских настроений. Многие ощущают опасность, исходящую от современного Израиля по отношению к евреям, живущим как внутри страны, так и за ее пределами. Однако у многих других именно это ощущение грядущей опасности, напротив, лишь укрепляет сионистское мировоззрение. Другими словам, сионизм побеждает.

Противники сионизма утверждают, что распространяют свои предостережения в средствах массовой информации для того, чтобы предотвратить надвигающееся бедствие. Не поддаваясь на увещевания о «единстве всех евреев», они считают эти призывы не только сионистскими, но и антисемитскими. Антисемиты издавна считают, будто у евреев есть какие-то особые политические интересы, отличные от интересов остального общества. Призывы к сплочению рядов перед лицом опасности продолжают иметь больший эффект вне Израиля, чем внутри самой страны, где крайняя пестрота политических мнений вскрывает демагогическую природу этого лозунга.

На самом деле, сионизм никогда не имел единого голоса, и антисионизм перенял это качество. Иудейское право в своем развитии сохраняет однозначность толкования в рамках данной традиции: на конкретные вопросы повседневной жизни (будь то о соблюдении субботы или пригодности того или иного продукта) ответы должны быть однозначными. Однако в вопросах нравственного, политического или философского свойства царит немалое разнообразие.

Антисионисты и несионисты, придерживаясь традиционного мировоззрения, которое принципиально не воспринимает сионизм и сионистское государство, зачастую идут на

компромиссы с отдельными учреждениями этого государства. Эта особенность характерна как для харедим, так и для реформистов: представители того и другого направления верят в ценности Торы, которые считают вечными и не хотят предавать.

В городке Шарон-Спрингс в штате Нью-Йорк находится дом, где сатмарский ребе проводил каждое лето. Здесь в июне 1967 года, когда большинство евреев праздновало блестящую победу Армии обороны Израиля, он писал книгу, в которой предупреждал об опасности, которую представляет для человечества Государство Израиль. Ребе обвинял сионистов в провоцировании арабов – как когда-то зелоты* спровоцировали римлян, что привело к огромным жертвам и разрушению Храма.

Сатмарские хасиды до сих пор приезжают в это дачное место. В субботу, предшествующую траурному дню поминовения разрушения Иерусалимского Храма, они вспоминают мудрость и дальновидность своего великого ребе. Эти хасиды убеждены, что его слова по-прежнему важны для всех евреев мира. Раввин Моше Собер, далекий от хасидских течений выходец из рядов национального иудаизма, разделяет эту уверенность:

«Как богослов я остро осознаю, что невозможно ограничить свободу действий Бога. Он может, по Своим неисповедимым причинам, решить, так сказать, покинуть нас, как Он сделал это во время геноцида в Европе. В 1948 году великий религиозный мыслитель, сатмарский раввин Тейтельбаум, предупредил еврейское [сионистское] руководство, что, согласно его пониманию Божественной воли, создание Государства Израиль в долгосрочной перспективе окажется большой ошибкой. Его слова были отвергнуты еврейской общиной, завороженной развевающимися флагами, марширующими армиями и цветущими пустынями, но он еще может оказаться истинным пророком, наподобие Иеремии и других “непопулярных” пророков грядущих бедствий»[412].

Общественно-политическая оппозиция

Некоторые религиозные мыслители, замечая, что расовый антисемитизм в Европе возник вскоре после появления светского еврейского самосознания, тем самым намекают на причинно-следственную связь между этими явлениями. И в самом деле, поддержка сионизма со стороны некоторых политических деятелей нередко оказывается компрометирующей. Например, в Венгрии одним из первых, кто в 1887 году поддержал идею создания еврейского государства в Палестине, оказался убежденный антисемит Дезе фон Истоши[413]. Контакты Герцля с царскими властями России, а также связи Жаботинского с польскими антисемитами подтверждают уже отмеченное понятийное родство сионизма и антисемитизма: антисемиты стремятся избавиться от евреев, в то время как сионисты хотят собрать всех евреев в Святой земле. Эти два мотива – переселение евреев в Палестину и их дискриминация европейским обществом – очень близки еще с момента зарождения протестантизма. Недавнее исследование по истории Палестины эпохи британского мандата показывает, что антисемиты, засевшие в колониальной администрации (как в Лондоне, так и в Иерусалиме), активно поддерживали сионистов, в то время как сами сионисты тщательно развивали миф о всемирном еврейском заговоре[414].

Связь между сионизмом и антисемитизмом заложена в самом понимании евреев как отдельной и единой нации. Сегодня многие европейские партии правого толка, не гнушавшиеся в прошлом антисемитской риторики, стали самыми ярыми защитниками Израиля и сионизма. Вот уже больше века такое идеологическое сходство смущает умы многих евреев.

Реакция на сионизм среди эмансипированных евреев Центральной и Западной Европы была предсказуема: они посчитали сионистов соратниками антисемитов. Раввины и просто влиятельные евреи Германии, Франции, Австрии и Британии практически единогласно отвергли идеи сионизма. Несмотря на различия в общественном положении евреев Западной и Восточной Европы, реакция на сионизм раввинов всех стран была одинаковой. Это указывает на то, что ими руководила верность традиции, а не ситуация и условия, сложившиеся в каждой отдельной общине.

Итак, сионизм с самого начала был отвергнут евреями, считавшими его реакционным движением, отвлекающим еврейские массы от борьбы с дискриминацией и антисемитизмом и препятствующим их равноправию. После принятия Декларации

Бальфура именно еврей Эдвин Монтегю, известный британский государственный деятель, публично обвинил правительство в антисемитизме[415]. По другую сторону Атлантики члены реформистских синагог осудили эту декларацию, а преимущественно еврейские профсоюзы портных и шляпников выступили против официального одобрения сионистских планов Американской федерацией труда (AFL)[416]. В то же время в протестантском истеблишменте США приветствовали Декларацию Бальфура с энтузиазмом.

Позиция французских раввинов была недвусмысленной: сионизм – «ограниченное и реакционное» движение. Дело Дрейфуса, которое часто и, как выяснилось, ошибочно, считают отправной точкой сионизма Герцля, практически не повлияло на их мнение. Среди евреев Франции господствовал французский патриотизм, что прекрасно сочеталось с сильным чувством еврейской солидарности в таких вопросах, как помощь евреям арабских стран и России. С другой стороны, «евреи Франции всегда старались отличать свое неприятие идеологии еврейского национализма от привязанности к Святой земле»[417]. В Голландии любой еврей, присоединившийся к сионистской организации, рисковал быть отлученным от религиозной общины.

В Германии сторонники ортодоксии и реформы, к своему удивлению, оказались единодушными в осуждении сионизма, угрожавшего их положению в Германии. Вопрос двойной лояльности (то есть верности двум государствам одновременно) горячо обсуждался в еврейской прессе, где открыто говорили о той поддержке, которую сионизм оказывал самому оголтелому антисемитизму. Часто подчеркивалось глубокое сходство взглядов сионистов и антисемитов по трем ключевым вопросам: 1) евреи – не религиозная конфессия, а отдельная нация; 2) евреи никогда не смогут полностью стать частью общества, в котором они живут; 3) единственное решение еврейского вопроса – эмиграция евреев.

Неприятие сотрудничества с сионистами в любой форме было особенно сильно в Германии в начале XX века. Следует вспомнить, что немецкие евреи не позволили провести Первый сионистский конгресс на территории своей страны, и он в конце концов состоялся в Швейцарии[418]. Немецкие евреи недвусмысленно считали высказывания о том, будто они не являются частью немецкой нации, антисемитскими. С тех пор сионисты вывернули наизнанку смысл антисемитизма:

«Еще одна ироническая гримаса истории: Европа знала времена, когда всякий, кто утверждал, что все евреи относятся к одному и тому же народу иностранного происхождения,

немедленно квалифицировался как антисемит. Сегодня же тот, кто высказывает предположение, что люди, составляющие так называемую еврейскую диаспору (в отличие от современных израильтян-евреев), никогда не были и ныне не являются ни народом, ни нацией, моментально оказывается заклейменным как ненавистник Израиля»[419].

Палестина времен прибытия первых сионистов была страной, где на протяжении многих веков мусульмане, евреи и христиане жили по большей части мирно. И в самом деле, жители Палестины – как евреи, так и люди других конфессий, – самим своим существованием опровергали протестантский по происхождению тезис «земли без народа», столь близкий поселенцам-сионистам, провозгласившим себя «народом без земли». Но для сионистских идеологов Земля Израиля была пуста: живописные традиционные общины являлись для них не более чем деталью ландшафта. Сионисты игнорировали не только арабов – они почти не замечали традиционных евреев, чье сефардское большинство было частью местного арабоязычного общества. Сефардов османские власти признавали представителями всех евреев Святой земли, и их глава, Хахам Баши (Главный раввин), занимал видный пост в иерархии Османской Порты. Менее обеспеченные ашкеназы создали для своих нужд сеть взаимопомощи и благотворительных фондов, и эта система по сей день остается для них источником экономической помощи.

Многие палестинские раввины – как ашкеназы, так и сефарды, – говорили по-арабски и поддерживали добрососедские отношения с арабами и христианами, но были плохо знакомы с европейскими языками, а еще хуже – с западным понятием «национализм», столь важным для строителей сионизма и их британских покровителей. Поэтому к началу 1920-х годов возникла необходимость найти умелого защитника интересов евреев-антисионистов. Яков Де Хаан, известный журналист, адвокат и защитник интересов харедим[420], блестяще подходил на эту роль, но враждебная атмосфера, созданная сионистами вокруг старой общины, поставила под угрозу всю его деятельность.

Де Хаан родился в семье религиозных евреев в Голландии. Его отец преподавал основы иудаизма и служил кантором в синагоге в Заандаме. Сам Яков Де Хаан учился юриспруденции. На пороге Первой мировой войны он побывал в политических тюрьмах России, где выступил защитником нескольких социалистов-евреев. Де Хаана за его правозащитную деятельность можно назвать предтечей организации Amnesty International.

Укрепившееся после войны еврейское самосознание привело Де Хаана к сионистскому движению и в 1919 году – к переезду в Иерусалим. Однако в Палестине он сблизился с харедим, объединившимся под началом раввина Зонненфельда. Де Хаан, став фактически «министром иностранных дел» движения Агудат Исраэль, сумел установить контакт с представителями влиятельных кругов Европы. Ему удалось связать харедим с двумя очень разными «мирами»: британскими властями и видными арабскими семьями.

По декларации Бальфура Лондон официально встал на поддержку сионизма, признавая притязания его вождей на представление интересов всех евреев Палестины. Усилия противников сионизма были направлены на то, чтобы британские власти и международные организации, например, Лига Наций, признали харедим независимым сообществом. Харедим настаивали на своем участии в разработке любого соглашения с британскими властями. Тем временем сионисты всерьез восприняли угрозу своему делу, исходившую от Якова Де Хаана: если бы он отправился в Лондон, то мог бы подорвать их позиции и в дальнейшем помешать им действовать в качестве представителей всех евреев в отношениях с британскими властями.

У Де Хаана были прекрасные связи на Западе, и он был готов воспользоваться ими в борьбе с сионизмом и с целью реализации собственных планов относительно традиционных общин в Палестине. Он должен был убедить своих собеседников в Лондоне, что религиозные евреи, с лидерами которых Де Хаан находился в тесном контакте, не представляют никакой угрозы для местного арабского населения. Он подчеркивал отсутствие у приверженцев еврейской традиции националистических амбиций, что представляло их в выгодном свете на фоне беспорядков, связанных с растущим межнациональным конфликтом в Палестине. Этого нюанса сторонние наблюдатели часто не замечали. В их сознании сионисты сливались с их злейшими врагами харедим – ведь обе группы называли себя евреями. Раввины-традиционалисты осуждали Запад, в особенности британские власти, за отождествление ими ортодоксальных евреев, поколениями живших в Святой земле, с пришельцами-сионистами.

Не все евреи относились к арабам одинаково. «Для правоверного иудея, если он, как мой муж, родился в Иерусалиме в начале века, сионистский взгляд на арабов – это просто заблуждение, – пишет Рут Блой. – Как говорил рав Амрам [лидер Нетурей Карта], арабов сделали вселенским врагом еврейского

народа. Ничто не может быть дальше от истины. Евреи и арабы жили бок о бок, пока англичане, а вслед за ними и сионисты, преследуя собственные интересы, не посеяли семена вражды между ними»[421].

Раввины Старого ишува, стремясь обеспечить безопасность своих общин, налаживали контакты с арабскими лидерами, например с Хусейном, королем Хеджаза – независимого государства, существовавшего в период с 1916 по 1924 годы на территории современной Иордании и Саудовской Аравии. В феврале 1924 года раввин Зонненфельд, возглавлявший в то время движение Агудат Исраэль, вместе с Яковом Де Хааном подали королю петицию. В ней утверждались мирные намерения ортодоксальных евреев, а также высказывалось пожелание, чтобы в ходе любых переговоров по вопросу о будущем Палестины могли принимать участие и харедим. «Мы заверяем Его Величество, что еврейское население всегда стремится к братской гармонии в отношениях со своими соседями. Этой традиции мы собираемся придерживаться и в Святой земле и хотим сотрудничать со всеми ее обитателями для устройства и процветания страны в условиях благословения и мира между всеми этническими группами»[422].

На этой встрече также удалось укрепить налаженное Де Хааном сотрудничество с эмиром, а впоследствии королем Иордании Абдаллой, сыном короля Хусейна. В результате эмир подписал документ, в котором приветствовал евреев, переселявшихся в Палестину, но только с условием, чтобы те не стремились к созданию своих собственных политических структур, не говоря уже о создании отдельного государства. Письмо Абдаллы было зачитано на съезде движения Агудат Исраэль, состоявшемся в Вене в 1923 году. В этом документе огромного значения принималась идея массовой иммиграции и мирного поселения евреев в Земле Израиля, а отвергался лишь еврейский национализм, чуждый как традиционным евреям, так и не менее традиционному большинству арабов. Из антисионистских источников[423] известно, что это письмо пропало при ограблении дома Де Хаана, а год спустя он сам был убит агентом Хаганы. Таким образом была загублена попытка установить мир, основанный на равноправии всех обитателей Палестины. Сионисты добились того, чтобы этот документ не возымел никакого действия, но сам факт его существования доказывает, что мир между евреями и арабами был возможен.

Осуществлению этих планов помешала радикальная политика прибывавших в основном из России сионистов, шедшая вразрез с позицией местных евреев. Они видели в набожных

евреях осколок прошлого, обреченный на исчезновение в водовороте новой сионистской действительности. Верные европейским идеям о существовании объективных законов истории, сионисты преследовали далеко идущие цели. Они подчинили себе еврейские структуры самоуправления, организованные британскими мандатными властями. Еврейское агентство, исполнительный орган сионистского движения, получило официальный статус; Гистадрут (профсоюз, основанный поселенцами из Восточной Европы) стал центром рабочего движения в Палестине. Гистадрут обеспечивал членов сионистского движения работой в своей сети предприятий и предоставлял им социальные услуги через систему поликлиник, клубов и тому подобных учреждений[424]. Непосредственную опасность лидеры Старого ишува видели в сионистах, а не в арабах[425], не сомневаясь в причинах насилия на Святой земле: в нем были виновны сионисты, которые умышленно провоцировали арабов.

Память о достаточно мирных отношениях с арабами еще жива среди антисионистов, критикующих политику с позиции силы, на которую власти, по их мнению, толкает приверженность сионистской идеологии. «Наша позиция далеко не нова. Это исконные воззрения Торы. Их разделяли все евреи, и лишь заигрывания последних лет с разными догмами безбожников привели к тому, что в некоторых кругах их забыли»[426]. Евреи всегда относились к Изгнанию из Святой земли как к Божественному наказанию и верили, что вернуться туда можно лишь духовным путем. Иудейство четко определило, как этого можно добиться: раскаянием, молитвой, изучением Торы и добрыми делами. С этой позиции действия сионистов исключительно контрпродуктивны. Антисионисты продолжают видеть в Израиле самую большую опасность для евреев, ведь государство, по их мнению, не приближает Избавление, а лишь сеет вокруг насилие.

Блестящая победа Израиля в Шестидневной войне укрепила во многих евреях мира чувство солидарности со страной, возродила энтузиазм израильтян и вдохновила сторонников национал-иудаизма, увидевших в ней Божественное вмешательство или знак того, что Бог поддерживает строительство сионизма. Самая первая программа израильского телевидения, вышедшая на экраны в мае 1968 года, была посвящена военному параду на улицах Иерусалима, завоеванного и аннексированного годом раньше[427]. Сатмарский ребе осудил Шестидневную войну, напоминая своим последователям, что сионисты принесли тысячи жизней в жертву государству, которое

он считал единственным источником насилия в регионе:

«Тора никоим образом не разрешает жертвовать жизнью даже одного-единственного еврея ради всего сионистского государства… Даже если бы народ целиком состоял из праведников, в нашу эпоху нет позволения вести евреев на войну… Ясно как белый день, что Тора предписывает нам добиваться мира и избегать войны. Эти злоумышленники, сионисты, идут против Торы и постоянно ссорятся с другими народами»[428].

Вовлечение евреев в войну без дозволения Торы равнозначно убийству. Эти выводы столь же категоричны, сколь и авторитетны: они быстро распространились среди харедим по всему миру[429]. И все-таки проблема еврейской солидарности остается очень острой. Некоторые, например Нетурей Карта и Лев Тахор, отрицая идею солидарности с сионистами в принципе, сотрудничают с арабскими организациями, а иногда даже с арабскими государствами. Они пытаются организовать евреев, не признающих сионизм, с тем чтобы создать структуры, альтернативные просионистскому большинству еврейских организаций. Такие структуры, в сотрудничестве с представителями арабов, должны мирным путем преобразовать Государство Израиль в государство всех его граждан[430]. Раввин Моше Гирш (1923–2010) из Нетурей Карта входил в правительство Палестинской автономии и занимал символический пост министра по делам евреев.

По мнению раввина Вассермана, «…Чем больше народы говорят о нас, тем большая опасность нам угрожает»[431]. В контексте беспрестанного освещения в СМИ конфликта на Святой земле совершенно очевидно, почему противники сионизма настаивают на воздержании от всяческой агрессии, которая непременно приводит к нежелаемым результатам[432].

Убежденные в общечеловеческом призвании иудейства, религиозные антисионисты действительно часто обращаются именно к неевреям. Они стремятся показать миру, что не все евреи – сионисты и не все поддерживают Государство Израиль и его политику, особенно когда она проводится «от имени еврейского народа». Тем самым они пытаются спасти честь иудейства в глазах других народов, что в традиции известно как «кидуш а-Шем», «освящение имени Божьего». Применение силы играет все большую роль в жизни Израиля, и все больше израильских политиков объявляют, что действуют от имени евреев всего мира, не заботясь о том, как отражаются действия вооруженных сил Израиля на образе евреев в мире.

В самом деле, евреев и иудейство очень часто ассоциируют с

солдатами Армии обороны Израиля и сионистами, которые каждый день мелькают на телеэкранах. Воинственность Израиля и его защитников за пределами страны в равной степени приводит в замешательство как евреев, так и неевреев: они перестают узнавать евреев и иудейство. Именно поэтому противники сионизма так часто повторяют, что «еврейский народ был создан вовсе не для того, чтобы подавлять других. Евреи должны являть собой пример нравственности. Стремление захватить землю любой ценой полностью противоречит нашей нравственной национальной задаче»[433].

Одним из примеров сообщений, адресованных самой широкой аудитории, было платное объявление, опубликованное в газете «Нью-Йорк таймс» спустя несколько дней после победы на выборах правых националистов во главе с Ариелем Шароном:

«После выборов в Государстве Израиль стало общим местом, что религиозные евреи и их партии поддерживают кандидата, выступающего за прекращение или замедление мирного процесса. Создается впечатление, будто ультраортодоксальные евреи, в соответствии с представлениями Торы, являются самыми горячими сторонниками поддержания суверенитета Израиля на “территориях” и на Храмовой горе в Иерусалиме. На самом деле ничто не может быть дальше от истины.

Целью верного Торе еврейства является жизнь в спокойном благочестии и мире со всеми людьми и народами. Те, кто следует этим Божественным принципам, не имеют отношения ни к каким войнам, которые ложно называются еврейскими, хотя на самом деле это войны сионистов»[434].

Такого рода воззвания доносят до широкой аудитории религиозную критику сионизма. Причем вскоре после того, как оно было опубликовано, администраторы антисионистских интернет-сайтов отметили рост посещаемости своих веб-страниц, что отражает общественный интерес к продолжающемуся уже более века специфически еврейскому политическому сопротивлению сионизму[435].

Несмотря на то что сопротивление часто принимает политические или социальные формы, мотивом для него служит древняя пророческая традиция. Самый яркий пример – работы американского еврея, профессора богословия Марка Эллиса, который не только осуждает любую связь евреев с сионизмом, но и настаивает, что судьба палестинцев должна занимать евреев прежде всего остального[436].

Впервые критика евреями агрессивного отношения сионистов к палестинцам появилась в статье Ахад Ха-Ама, опубликованной в Санкт-Петербурге. Он осуждал «вероломные действия»

поселенцев, которые вызывают злость и ненависть[437]. В 1905 году во время сионистского конгресса один из поселенцев подтвердил эти наблюдения, заметив, что его товарищи совершают «явную ошибку» в своем отношении к арабам. «Возвращаясь в нашу землю, мы должны отбросить мысли о завоевании и депортации»[438]. Зигмунд Фрейд считал, что арабские волнения 1929 года были вызваны «утопическим фанатизмом нашего народа», и отказался подписывать публичное обращение, в котором вся вина возлагалась на местное население[439]. Эти предостережения и критика не произвели практически никакого эффекта на политику сионистов, но доказали, что пророческая традиция жива. В этих предостережениях отражен отказ от политики с позиции силы, причем даже среди, казалось бы, далеких от традиции евреев.

Требовательное отношение пророков к своему народу в сочетании с философией эпохи Просвещения и ее ставкой на всеобщие моральные ценности вызвало в широких еврейских кругах поддержку идей равенства, солидарности и социальной ответственности[440]. Социалистические убеждения многих антисионистов упрочивают их интернационализм, который противоречит ограниченному по определению национализму. Пророческая традиция привлекает внимание к острейшим вопросам и проблемам, но не предлагает при этом политических решений. По мнению Марка Эллиса, многие евреи-диссиденты осуждают некоторые действия Израиля, но полагают правомерным с иудейской точки зрения создание в Западной Азии сионистского государства, считая это законным итогом борьбы за еврейское национальное освобождение и выражением исторической справедливости. Однако «евреи совести» не признают его легитимным и считают, что сионистское государство «зачато во грехе»; им также чуждо широко распространенное мнение об Израиле как о невинной жертве кровожадного окружения. В первую группу, стремящуюся создать «сионизм с человеческим лицом», входят такие движения, как «Джей-стрит» (J-Street) и «Тиккун» в США и «Джей-кол» (J-Call) в Европе; во вторую – евреи-харедим, придерживающиеся антисионистских взглядов, а также люди, схожие по взглядам с Марком Эллисом. Различия позиций этих двух групп напоминают о различиях между теми, кто в свое время восхищался идеей построения социализма в СССР, критикуя лишь некоторые его действия, и теми, кто в корне осуждал само существование этого государства.

Многие приверженцы пророческой традиции, в частности Эллис, дорого платят за свое диссидентство. Но, по словам Адама

Шаца и журналистов американского журнала «Нейшн» (The Nation), «мир заплатил еще дороже за то, что игнорировал их предупреждения»[441]. Противников создания Государства Израиль чаще всего презирали, в лучшем случае относились к ним снисходительно. А ведь они оказались своего рода пророками, предсказав тенденции, которые сейчас продолжают влиять на израильское общество и многие еврейские общины за пределами Израиля. Они предвидели рост шовинизма и ксенофобии, хроническую милитаризацию общества и растущую популярность фашистских идей. Поэтому их мнения заслуживают сейчас серьезного внимания, а не «снисхождения истории».

Историк Тони Джадт (1948–2010), американский еврей, назвал сионистское государство анахронизмом, чем навлек на себя гнев «болельщиков» Израиля, несмотря на то, что в этой идее не было ничего нового или бунтарского. Однако слова другого историка и убежденного сиониста Уолтера Лакера, написавшего тридцать лет назад, что «сионисты виновны в том, что повели себя, как другие народы, но с опозданием, вызванным историческими обстоятельствами»[442], никого не возмутили. Публицист и историк польского происхождения Исаак Дойчер (1907–1967) считал, что «…мир вынудил евреев принять идею национального государства, а они сделали ее предметом своей гордости и возложили на нее свои надежды в тот момент, когда мир практически перестал в нее верить»[443]. В 1958 году Дойчер выступил со своими доводами перед Канадским еврейским конгрессом – аудиторией, к которой в наши дни никто не решился бы обратиться с подобными словами. В 1938 году Альберт Эйнштейн, имея в виду правое крыло сионистского движения, предостерег рабочих-сионистов от соблазна создать государство, наделенное «узким и ограниченным национализмом, против которого нам не раз приходилось сражаться и до создания всякого государства»[444]. Другой известный немецкий еврей и апологет культурного сионизма философ Мартин Бубер (1878–1965) в 1942 году выступил против попыток «захвата территории меньшинством, прибегающим к международным уловкам»[445].

Помимо прочего, многие критикуют сионизм за дискриминацию, проявляющуюся, в частности, в том, что поселенцы, проживающие за официальными пределами Израиля на оккупированных в 1967 году территориях, имеют своего рода «портативное гражданство», позволяющее им голосовать на израильских выборах. В то время как местные жители политических прав лишены. Сами израильтяне определяют такую систему как «демократию расы господ (“herrenvolk”)»[446], что заставляет сомневаться в том, является ли Израиль

«единственной демократией на Ближнем Востоке».

Марксистская критика сионизма – хотя и более идеологизирована, чем критика с позиций гуманизма – иногда также опирается на всеобщие нравственные ценности. Так, создатель Красной армии Лев Троцкий (1879–1940) отвергал принцип, по которому «кто-то может иметь на землю больше прав, чем другой». Марксисты, как и гуманисты, не принимают исходного постулата политического сионизма, то есть идею об извечной мировой ненависти к евреям, однако идут в своих рассуждениях дальше. Они утверждают, что это классовое определение. По их мнению, сионизм, понятийно схожий с антисемитизмом, – движение еврейской буржуазии, которое не учитывает интересы еврейских рабочих. Марксисты подчеркивают, что сионистское предприятие с самого начала получало средства от крупного капитала, в частности, от семьи Ротшильдов. Члены «Бунда» – движения евреев-марксистов, которое было особенно сильным в Восточной Европе перед Второй мировой войной, – критиковали сионизм, но признавали легитимность идеи культурной автономии евреев, которую следовало обеспечить внутри существующих стран. Георгий Плеханов (1856–1918), русский теоретик марксизма и переводчик «Манифеста коммунистической партии» Маркса и Энгельса, смеялся над организацией «Бунд», называя ее последователей «сионистами, которые боятся морской болезни»[447]. В то же время это движение, исторически близкое партии Ленина, боролось за социализм и находило приверженцев по всему миру: в США, Аргентине, Франции, Голландии. После русской революции 1917 года многие члены «Бунда» присоединились к партии большевиков и продолжили борьбу против сионизма в рядах Евсекции – еврейской секции партии. Нацистский геноцид уничтожил большинство последователей «Бунда» в Восточной Европе, но его идеи продолжают иметь определенное влияние в Израиле и в других странах.

Марксисты также критиковали сионизм за его связи с империализмом, подчеркивая хроническую зависимость сионистского предприятия от той или иной империи. Эта зависимость, правда, не была тайной: Герцль всегда действовал с оглядкой на великие державы. На самом деле поддержка Великобритании была решающей в период действия ее мандата, СССР – в момент раздела Палестины, Франция помогла Израилю в производстве ядерного оружия, а США оказывали помощь на протяжении практически всей истории Израиля.

Советская политика по отношению к сионизму и Государству Израиль основывалась скорее на геополитических, чем на

идеологических интересах. СССР поддерживали сионистов в ООН, в то время как внутри страны свирепствовали репрессии против евреев. Советские власти обвиняли евреев в симпатии к сионизму в тот самый момент, когда СССР помогал снабжать Израиль оружием.

В самом Израиле коммунисты сначала отвергли сионизм, а потом, в 1960-е годы, разделились на два лагеря. Члены лишь одного из них остались на антинационалистических позициях. Этот раскол среди коммунистов, обычно поддерживающих любую борьбу за национальное освобождение, во многом объясняется двуединым характером сионизма – движения одновременно национально-освободительного и колониального.

Критика силового подхода

Особенное возмущение вызывает у многих тот факт, что сионизм вовлек евреев в Святой Земле в нескончаемый цикл насилия. Именно поэтому евреи многих стран мира, включая Израиль, играют видную роль в организациях защиты палестинцев от произвола израильских силовиков.

Впрочем, в Торе – в Пятикнижии и некоторых книгах пророков, например, Книге Иисуса Навина и Книге Судей – встречаются описания весьма жестоких сцен насилия. Земля Ханаана тоже, казалось, была завоевана далеко не мирным путем. Однако в устной традиции основной причиной библейских побед считается не военное превосходство, а верность Богу. И в письменной Торе не раз повторяется один и тот же мотив: «Долготерпеливый лучше богатыря, и владеющий собою [лучше] завоевателя города» (Притчи, 16:32). После разрушения Второго Иерусалимского Храма римлянами жизнь евреев претерпела коренные изменения, и устная традиция еще сильнее стала поощрять такие качества, как самообладание, компромисс и добрососедство.

В течение веков пацифизм был одной из главных моральных ценностей евреев. Любавический раввин Дов Бер Шнеерсон считал еврейскую традицию политического приспособленчества достойной похвалы[448]. По его мнению, эта способность, помимо того что обеспечила возможность выжить физически, указывает на преданность евреев идее истинного Избавления.

Неприятие войны еврейской традицией весьма недвусмысленно, об этом говорится снова и снова. «Бог послал нас в Изгнание не за то, что у нас не было армии, а за то, что мы согрешили»[449]. В раввинистических источниках упоминаемые в Торе орудия войны, например меч и лук, которыми был вооружен праотец Иаков (Бытие, 48:22), толкуются как молитва и добрые дела, то есть понимаются аллегорически (Берешит раба: 97, 6). Согласно традиции, еврейский героизм проявляется в доме учения, а не на поле брани.

Сионистская точка зрения очень схожа с точкой зрения европейского национализма – не только по тональности, но и по существу. Сионисты, как и их европейские предтечи, прославляют почетную смерть в бою, или даже коллективное самоубийство, и стыдятся традиционного еврейского миролюбия. Следует помнить, что иудейский закон позволяет еврею рисковать жизнью лишь в трех ситуациях: если ему под страхом смерти приказывают совершить акт идолопоклонства, убить другого

человека или вступить в запрещенные Торой половые сношения.

Эта проповедь смирения возмущала многих отошедших от Торы евреев, особенно живших в Российской империи в начале XX века. Терпение перед лицом несправедливости и преследований казалось им постыдным и побуждало к сопротивлению. Вдохновленное идеологическими течениями, захлестнувшими на тот момент Европу, новое видение укоренилось в России, а затем, с несколько меньшим успехом, получило распространение и в других еврейских общинах. Однако традиция миролюбия отнюдь не исчезла.

Она была выдвинута на передний план двумя мудрецами, превратившими религию, построенную вокруг жертвоприношений в Храме, в более личное и в то же время более универсальное иудейство. Первым был живший в первом веке новой эры раббан Йоханан бен Заккай, который, вопреки запрету защитников осажденного римлянами Иерусалима покидать город, был вынужден выбираться оттуда, спрятавшись в гробу. Позднее он получил от римлян разрешение преподавать Тору в Явне (Ямнии), небольшом городке к юго-западу от Иерусалима. Его образ стал символом преданности изучению Торы в противовес борьбе за политическую независимость. Тора заменила страну в физическом плане и стала, по выражению раввина Вайнберга, «национальной территорией»[450]. С тех пор евреев стали называть «народом книги»; их знаменосцем стал ученый, мудрец, «талмид хахам» («ученик мудрого»), а не доблестный воин. В контексте сегодняшнего национализма к человеку, подобному раббану Йоханану бен Заккаю, скорее всего отнеслись бы как «врагу народа», «изменнику родины», покинувшему собратьев в разгар борьбы против иноземных захватчиков. Но именно такое отношение к военной силе лежит в основе иудейской критики сионизма.

Другим мудрецом был Иегуда Ганаси (135–219), которого считают составителем Мишны. Согласно традиции, ему было предписано свыше записать Устную Тору в условиях, сложившихся после разрушения Храма, когда территориальное рассредоточение евреев препятствовало передаче устного учения от учителя к ученику. По Талмуду, важным моментом в жизни Иегуды Ганаси была его близкая дружба с Антонием, римским императором.

Чтобы избежать конфликта евреев с обществом, в котором они живут, следует принимать любые меры, если речь не идет об идолопоклонстве или осквернении иудейских моральных ценностей. Йоханан бен Заккай и Иегуда Ганаси – своеобразные символы примиренческой позиции по отношению к

оккупационной власти. Нельзя не заметить огромной разницы между патриотами, погибшими в вооруженной борьбе или даже совершившими коллективное самоубийство, подобно героям Масады и Гамлы, и мудрецами, избегавшими конфронтации и сосредоточившимися на выживании и развитии иудейства, а тем самым и евреев. Трудно спорить с фактом, что еврейская преемственность во многом обязана этим двум раввинам-«коллаборационистам».

Конечно, если населенный евреями город находится в опасности, закон разрешает защищаться, даже в субботу. Этот принцип опирается на высказывание из Талмуда: «Если кто-то приходит, чтобы убить тебя, убей его первым»[451]. Тем не менее в традиции отрицаются любые формы агрессивного насилия и подчеркивается, что евреи должны быть милосердны, стыдливы и благодетельны[452]. По Талмуду мир является высшей нравственной ценностью[453]. Толкователи стиха «ищи мира и стремись к нему» (Псалмы, 33:15) говорят, что эта заповедь единственная, когда следует активно искать предмет ее приложения с тем, чтобы исполнить ее[454]. Например, заповедь вставать перед пожилым человеком не предписывает искать его, чтобы обеспечить соблюдение заповеди. Если же мир не достигнут, его следует искать, каких бы усилий это ни стоило. Такой настрой господствовал в еврейской жизни вплоть до XX века, то есть до тех пор, пока под влиянием социалистов и сионистов на первый план не вышел новый идеал еврея: образ бесстрашного воина.

Сторонники решительных действий говорили о том, что евреям, склонившимся перед притеснителями и сгорбившимся под весом талмудических трактатов, необходимо «выпрямить спины», освободиться как от ига Изгнания, так и от ига традиции – «ига Царства Небесного». Это освобождение подразумевает, помимо прочего, более решительное применение силы. На Втором Сионистском конгрессе в 1989 году Макс Нордау (1849–1923), один из отцов-основателей сионизма, призвал к превращению слабого, угнетенного еврея в «Muskuljude», нового «мускулистого еврея». Чтобы ни у кого не осталось сомнения в источнике такой идеи, он эффектно предварил свое выступление музыкой Рихарда Вагнера, известного композитора и антисемита.

Первые поселенцы связывали палестинскую действительность с хорошо им знакомой российской: арабская угроза часто представлялась кровавой тенью погромов. При этом они вели себя как любые колонисты на чужой территории, то есть защищали свои поселения с оружием в руках. С возникновением каждого нового поселения ненависть к пришельцам лишь

усиливалась. Прибывшие после Второй мировой войны и нацистского геноцида массы европейских евреев породили чрезвычайно мощный образ – образ праведной жертвы. С ног на голову была перевернута религиозная традиция, по которой евреи считались физически слабыми, но духовно могучими за счет упования на Бога. В сионистской идеологии превалирует уверенность еврея в собственных силах.

В рамках национал-иудаизма важно оправдать применение силы с точки зрения иудейства. Сделать это оказалось непросто: предтечи, признанные религиозным сионизмом – раввины Цви Гирш Калишер и Иегуда Алкалай, – руководствовались скорее пьянящим духом европейского национализма XIX века, нежели еврейской традицией. Ш. Авинери отмечает, что призыв к оружию, звучащий в трудах этих раввинов, основан непосредственно на опыте европейских стран, недавно завоевавших свою независимость[455]. Однако даже раввины, поддержавшие идею переселения на Святую землю, продолжали традицию иудейского миролюбия. Для Калишера и Алкалая применение силы оставалось чуждым. Они не забывали о клятве «не восставать против других народов»[456] и настаивали на том, что возвращению в Израиль никоим образом не должна сопутствовать вооруженная борьба: «…и меч не пройдет по стране вашей» (Левит, 26:6).

Раввин Йоэль Тейтельбаум, основываясь на трех клятвах, приведенных в Талмуде, в своей книге «Ва-Йоэль Моше» отрицает правомерность каких-либо коллективных военных действий со стороны евреев. Для него любые меры нелегитимного государства автоматически незаконны, а сионисты, прибегая к насилию по отношению к арабам, явно нарушают клятву не восставать против других народов и тем самым навлекают на евреев гонения и страдания. Ясно, что он имел в виду геноцид евреев в Европе и волну насилия, захлестнувшую Государство Израиль и его соседей. Тейтельбаум описывает все войны современного Израиля как бойню, единственной целью которой является желание сохранить сионистскую структуру государства. Отрицание применения силы связано и с событиями прошлого. Как уже было отмечено, прославляемое сионистами восстание в Варшавском гетто в 1943 году видится приверженцам еврейской традиции в совершенно другом свете.

Здесь таится коренное расхождение с израильской ментальностью, которую крайне четко выразил генерал и политик Моше Даян:

«Смерть в битве есть не конец битвы, а ее апогей. Раз битва составляет часть жизни, а иногда и всю ее целиком, смерть –

вершина битвы – это не уничтожение жизни, а ее самое полное и мощное выражение»[457].

Мобилизация сионистской молодежи означала новый разрыв с традицией – на сей раз с традицией миролюбия, присущего как соблюдающим, так и далеким от следования заповедям евреям. Естественно, это вызвало повсеместное осуждение. Альберт Эйнштейн, поборник пацифизма и гуманизма, в 1935 году осудил созданное Жаботинским движение Бейтар, предсказывая, что оно станет «такой же опасностью для нашей молодежи, как гитлеризм для молодежи Германии»[458]. Даже будучи близким к культурному и гуманистическому сионизму, Эйнштейн открыто выступал против создания сионистского государства в Палестине и критиковал поворот в сторону правого национализма, который наметился в сионизме в 40-х годах[459]. Реформистский раввин Ирвинг Райхерт (1895–1968) предупреждал об «опасной схожести между повышенным вниманием некоторых представителей сионизма к вопросам расы и крови и заявлениями фашистских лидеров Европы»[460]. Одно из свидетельств этой близости содержится в книге о жизни в литовском городе между двумя войнами: «На улице Билюнас активист движения Молодая Литва в зеленой униформе встречает активиста Бейтар в серо-коричневой, и оба вскидывают правую руку в фашистском приветствии»[461].

В итоге произошел разрыв между традиционным еврейским мироощущением, последователи которого предпочитали искать компромисс, и новой системой ценностей, во главу угла которой ставились победа и полный контроль за обстановкой. Большинство раввинов с негодованием восприняли милитаризацию евреев и выступили против политического насилия[462]. Они предупреждали, что конфликт с другими народами не принесет ничего, кроме новых бед, и призывали искать мирные средства его решения, пусть даже эмиграцию, и избегать столкновений с местным населением и местными властями.

Военные и политические идеи национального иудаизма подвергаются постоянной критике со стороны харедим. Более того, в их глазах представители национального иудаизма являются соучастниками убийства, так как провоцируют войны, где погибают тысячи людей. Члены Агудат Исраэль, входившие несколько раз в израильское правительство, в том числе и в то, что развязало войну в Ливане, удостоились схожих обвинений. Никто, по мнению этих критиков, не вправе посылать людей на войну – как из-за запрета на применение силы, так и из соображений гуманности: «Они безответственно решили

послать… евреев на войну, не приняв во внимание горе и слезы тысяч отцов и матерей, чьи дети погибнут»[463].

В разгар Войны за независимость, последовавшей за односторонним провозглашением Государства Израиль в 1948 году, которое его создатель Бен-Гурион называл «революционным актом, осуществленным без формального права»[464], группа уроженцев Иерусалима заявила: «Мы не позволим повести нас, наших жен и детей на заклание идолу сионизма»[465]. При таком подходе нет и речи о каких-либо проявлениях патриотизма, национальной солидарности или даже инстинкта самосохранения. Вопреки распространенному мнению, харедим видят главную угрозу в самих сионистах и в «наглых нечестивых евреях, возомнивших себя властелинами мира».

В связи с военными победами Израиля перед критиками сионизма возникли новые вопросы. Как могут нечестивцы добиться таких боевых успехов? В отличие от национал-иудаизма, последователи которого склонны видеть в этих событиях чудесный знак Божественного благоволения, противники сионизма из харедим считают победы израильтян, как, впрочем, и само существование сионистского государства, делом сатанинским. Они не могут допустить, что Бог способствует тем, кого они считают идолопоклонниками[466]. Победа 1967 года может быть либо следствием Божественного вмешательства, либо наваждением Сатаны, желающего ввести праведных евреев в заблуждение. В такой поляризованной картине мира не остается места для промежуточных толкований. Религиозным антисионистам эти победы представляются лишь еще одним звеном в непрерывной цепи бедствий, которые начались с возникновением сионизма, продолжились геноцидом в Европе и, в конце концов, приведут к неминуемому падению сионистского государства.

Сторонники национального иудаизма также подчас осуждают культ силы, расизм и нетерпимость[467]. Ицхак Блой, раввин из националистической ешивы на Западном берегу Иордана, с осуждением относится к тому, что для пропаганды воинственных взглядов искажаются даже классические иудейские источники[468]. Он показал, что многие раввины этого направления используют Тору, чтобы, пренебрегая понятием милосердия, оправдывать расизм и превозносить значение владения землей. Впоследствии раввин Блой уехал в США.

Первое совершенное сионистами политическое убийство – Якова Исраэля Де Хаана, официального представителя движения Агудат Исраэль – часто приводится харедим как пример беспощадности еврейского национализма[469]. Как уже

упоминалось, под влиянием сионистских убеждений этот голландский поэт, журналист и адвокат переселился в Палестину, где был тепло принят иерусалимским высшим обществом и быстро стал вхож в самые влиятельные круги. В его статьях, опубликованных в голландской прессе, сквозила безграничная преданность сионизму. В 1920 году он организовал блестящую защиту Владимира Жаботинского, обвиненного в насилии против арабов. Но знакомство с Жаботинским и другими представителями будущего израильского правого лагеря, одобрявшими рост фашистских движений в Европе[470], заставило Де Хаана осознать, насколько опасен милитаризм сионистов для набожных евреев и арабов. Он начал открыто осуждать агрессивность сионистского движения, сошелся с Агудат Исраэль и стал представителем религиозного антисионизма. Де Хаан видел, что конфликт с арабами разжигали сами сионисты, дискриминировавшие арабов при найме на работу, поощрявшие безнравственность и националистические устремления, прежде чуждые этому региону.

Статьи Де Хаана, публиковавшиеся в Голландии и Англии, стали принимать антисионистскую окраску. Он разоблачал перед западными меценатами финансовые махинации сионистских организаций и высмеивал их лидеров. Де Хаан был прекрасно знаком как с сионистскими кругами, так и с западной аудиторией, к которой он обращался в своих статьях. В них он предлагал альтернативу сионизму и призывал к мирному сосуществованию религиозных евреев и арабов под покровительством Великобритании. Де Хаан начал всерьез обдумывать создание антисионистской коалиции с участием Агудат Исраэль и представителей других еврейских религиозных группировок, а также влиятельных арабских деятелей. Такой альянс евреев, мусульман и христиан, выступающий за мир, угрожал сионистскому меньшинству, гордившемуся своей миссией и утверждавшему, что сионисты говорят от имени всех евреев Святой земли. Они бойкотировали, оскорбляли и проклинали Де Хаана.

Показательна и следующая история, из которой становится понятно, с какими трудностями сталкивается западный еврей среднего класса, когда он занимает антисионистскую позицию в обществе, созданном убежденными сионистами, в основном выходцами из России. Один турист из Голландии заметил, что во время прогулки с Де Хааном по улицам Иерусалима некоторые прохожие плевали им вслед. «Что это, оскорбление?» – спросил гость. «О нет, это проявление уважения к вам; если бы не вы, они бы плевали мне в лицо»[471].

Де Хаану угрожали, но он не соглашался ни на отъезд из Палестины, ни на прекращение своей антисионистской деятельности. Эта история закончилась плохо: одна газета сообщила, что Де Хаан по возвращении из Лондона намерен создать антисионистское движение, и агенты Хаганы застрелили Де Хаана, когда тот вышел на улицу после молитвы в синагоге. Историк Хаганы дает такое объяснение этому убийству:

«Агудат Исраэль оказалась в центре межобщинной борьбы. До Первой мировой войны все было под контролем старой религиозной общины (Старого ишува). В то время ее представители составляли большинство еврейского населения, но теперь [после прибытия поселенцев-сионистов] они почувствовали себя пленниками в собственном доме. Старая община отказалась сдаться и подчиниться господству нерелигиозных… Если бы не Де Хаан, они оставались бы в своей небольшой общине, лишенной всякого политического или национального значения. Де Хаан использовал свои связи, чтобы перевести борьбу в рамки международной политики. Он стремился основать организацию, конкурирующую с сионистским движением, пока оно еще находилось в пеленках и не было хорошо организовано – вот в чем состояла опасность Де Хаана»[472].

Давид Тидгар (1897–1970), еврей и офицер британской полиции, руководивший расследованием убийства Де Хаана, был одновременно агентом Хаганы. Лишь сорок лет спустя факт участия этой организации в политическом убийстве был предан огласке. Тидгар раскрыл свою роль в интервью по радио:

«После того как он [Де Хаан] принес столько вреда, в Хагане решено было устранить его до поездки в Лондон. Если бы он остался в живых, то принес бы много бед. Жаль, что меня не избрали для его ликвидации. Мне поручили прикрывать тех, кто это сделал. Де Хаан должен был прийти на послеполуденную молитву в синагогу [больницы] Шаарей Цедек. Меня назначили командовать округом Махане Иегуда, где большинство полицейских были арабами. Мне надлежало сделать так, чтобы между тремя и пятью часами дня в полицейском участке не было ни одного офицера-араба. Я заменил полицейских-арабов евреями и отдал приказ: если услышат стрельбу, не двигаться с места, пока не получат от меня распоряжений. После этого я направился в тот район и стал ждать выстрелов»[473].

Приказ «убрать предателя» исходил из высших кругов сионистского движения – по-видимому, от уроженца Полтавы, будущего президента Израиля Ицхака Бен-Цви, Ицхока Шимшелевича (1884–1963), тогда активно участвовавшего в

вооруженной деятельности сионистов.

Обвинение Де Хаана в предательстве – еще одно доказательство влияния на сионистское движение русских террористических групп. Как и большевики, сионисты считали любую оппозицию своим политическим устремлениям незаконной. Они могли стерпеть тактические споры внутри движения, но не принципиальную оппозицию идее сионизма. Такая нетерпимость вела к оправданию насилия.

Раввин Зонненфельд резко осудил ту моральную трясину, в которую попали сионисты, ослепленные своими политическими целями:

«Это убийство, совершенное потомками Иакова, прибегнувшими к тактике Эсава[474], чтобы заглушить голос Исраэля и Иакова[475], должно укрепить нас в борьбе против чуждых нашему духу и Торе влияний… Смотрите, в какую ужасную бездну пали сионистские лидеры, и взывайте полным голосом: “Отделитесь от общины этой” (Числа, 16:21)»[476].

Ужас, охвативший раввина Зонненфельда и многих других после убийства Де Хаана, заставил религиозных палестинских евреев почувствовать себя «пленниками в собственном доме»[477]. Этих раввинов возмущали насилие и преклонение перед вооруженной силой, отличавшие сионистов от евреев старой общины. Сегодняшним критикам сионистской идеологии печальная история Де Хаана напоминает о терроризме, привезенном сионистами из Российской империи в Палестину в начале XX века, – терроризме, который обратился против их собственных потомков в конце того же столетия. Террористические акты совершались не только Хаганой, ответственной за убийство Де Хаана, но и другими сионистскими вооруженными организациями – Лехи и Эцелем. Их руководители, Ицхак Шамир и Менахем Бегин, стали впоследствии премьер-министрами Израиля[478]. Руководители этих военных организаций, несмотря на тактические разногласия, были убеждены, что во имя создания нации следует внушать страх, терроризировать врага[479]. По иронии судьбы такой подход позже был принят на вооружение палестинскими террористами.

Если убийство египетского президента Анвара Садата вызвало лишь минимальные изменения в отношении этой страны к Израилю, убийство в 1995 году сторонником национал-иудаизма премьер-министра Ицхака Рабина оказало намного большее влияние: был прерван (быть может, навсегда) процесс мирного урегулирования отношений с палестинцами, начатый в Осло. Убийство Де Хаана также «сработало»: зарождавшиеся

тогда контакты между антисионистским большинством на Святой земле и великими державами канули в лету. В обоих случаях терроризм принес свои горькие плоды: разлад в отношениях между евреями и арабами. Харедим считают Де Хаана евреем, борцом за нравственное совершенствование и почитают как мученика. В Великобритании в синагогах движения «Масортим» (в Северной Америке его называют «Консервативным») его стихи включены в молитвы праздника Йом-Киппур[480].

Осуждая применение сионистами силы, раввины и светские еврейские или арабские интеллектуалы часто используют одни и те же аргументы. Амрам Блой из движения Нетурей Карта обвинял сионистов в отсутствии уважения к человеческой жизни: «Они поступили безответственно, распространив свою власть на ту часть Святой земли, которая была заселена арабами, тем самым втянув весь арабский мир в конфликт с еврейской общиной»[481]. Выводы, сделанные Ханной Арендт, мало чем отличаются от выводов следующего традициям раввина:

«Даже если евреи победят в этой войне… “победители” окажутся в окружении враждебного арабского населения, запертыми в своих границах, под постоянной угрозой, вечно озабоченными обеспечением безопасности… И такова будет участь народа, который – неважно, сколько еще иммигрантов прибудет в страну и насколько расширятся ее границы, – останется очень маленьким народом, окруженным намного превосходящими по численности враждебными соседями»[482].

Иудейские мыслители и светские еврейские интеллектуалы довольно часто совпадают в своем осуждении применения силы сионистами. Например, израильские операции в секторе Газа вызвали похожую реакцию и у евреев-реформистов, и у харедим из Нетурей Карта[483]. Когда главный ашкеназский раввин Израиля предложил переселить палестинское население Газы в специально созданный город в Синайской пустыне, члены Нетурей Карта назвали его «лакеем на содержании сионистов», «посланцем зла» и потребовали, чтобы его самого «депортировали из Святой земли»[484].

Сионизм бесспорно влияет на традиционное отношение евреев к войне. Исторические исследования, а тем более исторические романы вскрывают контраст между романтическими идеалами мужества, свойственными христианским правителям и аристократам, и глубоко укоренившимся миролюбием их советников-евреев[485]. Однако сегодня руководство еврейских организаций во многих странах, а также видные неоконсерваторы из евреев стали сторонниками силовых решений как в случае палестино-израильского

конфликта, так и в связи с вторжением США в мусульманские страны. За применение силы чаще всего ратуют бывшие еврейские марксисты – например, вставшие на четко правые позиции Ирвинг Кристол (1920–2009) в США и Александр Адлер во Франции.

Однако воинственность руководителей еврейских организаций совсем не подразумевает воинственности евреев, от имени которых они выступают. Всего лишь 8 % американских евреев считают, что с помощью применения силы возможно разрешить конфликт на Ближнем Востоке[486]. Отвращение к насилию продолжает преобладать в еврейской среде, несмотря на совокупное влияние сперва сионизма, а затем и Государства Израиль с его извечными проблемами безопасности.

Еврейская история в ее сионистском преломлении создает в Израиле ощущение, будто «весь мир против нас», и это принято считать частью еврейского мировоззрения. Возвращаясь из организованной поездки в концентрационный лагерь в Польше, кто-то заметил: «Когда мы ехали сюда, были израильтянами, а возвращаемся евреями». Французский автор Жорж Бенсуссан считает, что «израильское самоопределение вновь обрело свои еврейские корни, от которых сионистские идеологи хотели его отдалить… Парадоксальным образом трагедия евреев мира устранила риск разрыва между Государством Израиль и разрозненными еврейскими общинами»[487]. Однако в этом новом сближении, порожденном гонениями, а не тягой к возвращению в лоно еврейской традиции, ощущается призыв к насилию. Идеология сионизма не только настраивает нового еврея на такое прочтение истории, но делает из него фундаментальный ориентир нового самосознания.

Религиозных критиков сионизма, как и многих новых историков, нередко обвиняют в том, что они «выносят сор из избы». Когда Стивен Спилберг в фильме «Мюнхен» поставил вопрос о нравственной цене постоянного применения силы он тем самым как бы подверг сомнению сионистскую мечту: превратить «слабого и покорного еврея диаспоры» в «сильного и бесстрашного нового еврея». Среди прочего, в фильме подчеркивается европейская природа сионистского проекта (все главные действующие лица – ашкеназы) и врожденный антагонизм между сионизмом и нравственным еврейским наследием. Когда один из агентов спецслужб получает приказ уничтожить в Европе подозреваемых-палестинцев, он, отказавшись исполнять приказ, говорит: «…призвание евреев – быть справедливыми, а не вести себя подобно их врагам».

Неудивительно, что режиссера стали хулить еще до выхода

фильма. Тогда и стало понятно, почему Спилберг, икона американского еврейского истеблишмента, вынужден был снимать фильм в условиях крайней секретности, скрывая сценарий даже от актеров на съемочной площадке, каждый знал только свою роль[488].

Осуждая подход, характерный для многих представителей национал-иудаизма, раввин Моше Собер, сам вышедший из этого лагеря, отмечает бесцеремонное отношение к понятию Воли Божьей и ссылки на Провидение для оправдания любых действий Государства Израиль:

«Идея, что мы можем делать все, что хотим, – поддаваться любым искушениям или, не боясь наказания, предаваться всем видам дурацкого самовозвеличивания только на том основании, что у нас якобы есть блат (inside track) в отношениях с Богом, – полностью противоречит религиозной вере. Более того, это оскорбление Бога, чью власть определять ход истории мы узурпируем. …На самом деле такого рода слепая вера – вера вовсе не в Бога, а в самих себя. Она превращает Всевышнего в орудие, в своего рода “секретное оружие”, которое должно обеспечить нам успех, что бы ни взбрело в голову. Это языческое представление, маскирующее безрассудную веру в нашу собственную неуязвимость»[489].

Его предупреждение обращено к тем, кто все чаще «вербует Бога» для оправдания военных акций. Особенно часто это наблюдается у поселенцев на Западном берегу реки Иордан, которые продолжают провоцировать арабских соседей и строить новые поселения, опираясь на собственную версию иудейства, из которого исключены три «устаревшие» клятвы. Поселенцы даже осмеливаются нападать на израильских солдат, когда те пытаются их укротить. Так, в декабре 2011 года они напали на военную базу Армии обороны Израиля на Западном берегу реки Иордан, нанеся материальный ущерб и ранив одного офицера[490].

Существование процветающего современного государства не умерило страсти, а лишь подлило масла в огонь давних богословских и политических споров. Сторонники национал-иудаизма видят в промышленных, сельскохозяйственных и военных достижениях государства предвестие прихода Мессии, в то время как антисионисты говорят о неверности духовному предназначению евреев. По их мнению, Государство Израиль только препятствует истинному Избавлению, которое наступит не постепенно, а внезапно – в результате радикального преобразования мира.

Идеи воинствующего мессианства сильны среди последователей национал-иудаизма и служат подспорьем для

оправдания заселения территорий, оккупированных в 1967 году. Усмирение местного населения остается главной заботой армии. Многие американские и израильские раввины выступают против оккупации и поддерживают тех, кто из моральных соображений отказывается проходить военную службу на этих территориях[491]. Некоторые организации, такие как «Раввины за права человека»[492], осуждая политику Государства Израиль, считают свою деятельность вполне сионистской. Однако их протесты против сноса палестинских домов поддерживают и другие движения, включая Нетурей Карта. Члены организации «Оз вешалом / Нетивот шалом» («Сила и мир / Тропами мира»)[493] также черпают вдохновение в иудействе. В эту группу входят в основном последователи национал-иудаизма из Израиля и Северной Америки, для которых сионизм остается краеугольным камнем самосознания. Они осуждают акты жестокости со стороны израильской армии и полиции, не оспаривая при этом иудейскую легитимность сионистского государства. Несмотря на резкие обвинения со стороны правых националистов, ни одна их этих организации антисионистской не является. Все они верят в возможность «сионизма с человеческим лицом».

Во время израильской операции в секторе Газа в 2009–2010 годах в прессе отметили новую практику военного раввината – использование еврейских текстов для призыва к беспощадным репрессиям против палестинского населения[494]. Годом позже раввин из поселения Ицхар на Западном берегу реки Иордан в книге «Торат а-мелех» («Тора царя») заявил, что в заповеди «не убий» речь идет только о евреях[495]. На страницах книги автор объясняет, как необходимо вести себя во время войны, и пропагандирует действия, которые в израильской прессе назвали террористическими. Например, по его мнению, позволено, а иногда и обязательно убивать всех, евреев и неевреев, кто противостоит военным действиям Израиля.

Именно этой логике следовал воспитанный в духе национал-иудаизма Игаль Амир, застреливший в 1995 году премьер-министра Ицхака Рабина. Отождествляя Государство Израиль с библейскими царствами на Святой земле, автор «Торат а-мелех» оправдывает даже убийство детей, которые «вырастут и, без сомнения, будут нам вредить»[496]. Как и в предыдущих случаях, некоторых раввинов на Западном берегу за призывы к убийствам задержали, но вскоре отпустили на свободу. Однако ни один из них за поддержку этой книги со своей государственной службы уволен не был. Книга продолжает продаваться. Адепты национал-иудаизма в США, в частности «Совет раввинов Америки» (Rabbinical Council of America), в какой-то степени вторят автору

книги: «…неверно рисковать жизнями наших солдат для уменьшения потерь среди гражданского населения на стороне противника»[497]. Отметим, что такого рода еврейская идеология возникла в 70-е годы еще до появления исламизма.

Эта идеология нередко опирается на выборочные ссылки на Тору при обсуждении проблем безопасности современного Израиля, что может приводить к актам насилия. Так, убийца Рабина Игаль Амир был уверен в том, что премьер-министр опасен для евреев, а потому его следовало немедленно устранить. Так же действовал и Барух Гольдштейн (1956–1994), который застрелил несколько десятков мусульман, молившихся в мечети в Хевроне, и был забит до смерти на месте преступления. Произошло это утром в день еврейского праздника Пурим, когда в синагогах торжественно зачитывается библейская заповедь «уничтожить Амалека». По всей видимости, для Гольдштейна палестинцы стали своего рода Амалеком нашего времени (кстати, Бен-Гурион в своих мемуарах, опубликованных в 1964 году, тоже отождествлял палестинцев с Амалеком[498]).

Амир был студентом университета Бар-Илан – флагмана национал-иудаизма в Израиле. Гольдштейн получил диплом врача в Нью-Йорке, в аналогичном еврейском университете (Yeshiva University), многие выпускники которого после переезда в Израиль органично вливаются в ряды последователей национал-иудаизма. Использование современного иврита при изучении Торы создает иллюзию прямой связи со Святым Писанием, устраняя тем самым сдерживающий эффект традиции, в которой, как мы уже видели, умышленно сглаживаются или даже сводятся на нет воинственные мотивы. Тенденция к буквальному толкованию Торы снова указывает на близость двух политических союзников: национал-иудаизма и протестантского сионизма.

Поставив в фильме «Мюнхен» под сомнение сионизм и его отношения с еврейской преемственностью, Стивен Спилберг навлек на себя обвинения в «еврейском антисионизме»[499]. Действительно, он задается вопросом, является ли сионизм воплощением мессианских чаяний, кульминацией еврейской истории или просто пустым и безнравственным ее эпизодом? «Мюнхен» – как бы продолжение «Списка Шиндлера»: насилие, порожденное нацистским режимом, переросло в палестино-израильский конфликт. Но если в «Списке Шиндлера» повествуется о физическом выживании евреев, в «Мюнхене» речь идет об угрозе их моральным устоям. Эта угроза разбирается во многих книгах, вышедших в последние годы из-под пера евреев, проживающих в разных странах: «Rabbis Outcast» («Раввины-изгои»), «Prophets Outcast» («Пророки-изгои»), «Wrestling with

Zion» («Схватка с Сионом»), «The Question of Zion» («Вопрос Сиона»), «Le sionisme vu par ses victimes juives» («Сионизм с точки зрения его жертв-евреев»), «Jewish Identity and Palestinian Rights» («Еврейское самоопределение и права палестинцев»), «My Israel Question» («Мой израильский вопрос»). По их мнению, эта угроза моральным устоям, скрывается в автоматическом оправдании сионизма и любых действий сионистского государства.

Что же предлагают идеологи иудейского сопротивления сионизму в наступившем XXI веке? Поскольку сионистская сущность (часто называемая «еврейским характером») израильского государства не представляет для них имманентной ценности, религиозные антисионисты предлагают прежде всего официально признать и, по мере возможности, устранить последствия несправедливости по отношению к палестинцам, и таким образом установить на Святой земле устойчивые, а то и добрососедские отношения. Тем самым они надеются разорвать порочный круг насилия, причину которого религиозные мыслители видят в сионизме. Проникнуть в их логику позволяет очередное воззвание, появившееся на правах рекламы в «Нью-Йорк таймс»:

«*Ответ:* Сегодня еврейскому народу и всему человечеству становится ясно, что сионизм – провалившееся начинание. Основатели сионизма (все они – евреи, отвергнувшие веру своих предков) заявляли, что решат проблему еврейского Изгнания и еврейских мук. Они обещали предоставить безопасное убежище всем евреям мира. Минуло полстолетия, а сионизм оказался неспособен решить даже менее грандиозную задачу – защитить евреев, уже живущих на Святой земле.

Вопрос: Но ведь государство выжило.

Ответ: Было бы фарсом назвать желательным “выживание” режима, втянувшего своих граждан в пять войн и подвергнувшего их неисчислимым страданиям. Сколько еще крови должно пролиться, прежде чем евреи стряхнут с себя путы мирового сионистского господства и узрят корень этой идеологии?»[500]

Этот вывод перекликается со словами вдовы неутомимого антисиониста раввина Амрама Блоя:

«Какую выгоду все эти нарушения заповедей Торы принесли вождям израильского государства? Они обещали нерелигиозным евреям страну, подобную всем прочим. Но в этом малом государстве военная служба дольше, налоги обременительнее, войны чаще, а проблема физической и духовной нищеты стоит острее, чем в любой другой западной стране… Да, но в Государстве Израиль евреи будут спасены, говорят они, само государство положит конец всем несчастьям сынов Иакова! Что

принесет нам следующая война, которая угрожает не только этому государству, но и всему миру?»[501]

Распространение ближневосточного феномена террористов-самоубийц по всему миру и появление у Израиля ядерного арсенала лишь усиливают апокалиптические предчувствия антисионистов, связанные с существованием сионистского государства. Харедим обеспокоены тем, какую опасность оно представляет для всего мира, и убеждены, что создание Израиля, рассматриваемое ими как дерзкий бунт против Бога, вполне может стать причиной всемирного бедствия. Это мнение разделяют и в других странах, где, по результатам опросов, все больше людей видят в Израиле опасность для всего мира[502].

Представители разных еврейских религиозных течений боятся, что, когда развеется атмосфера политической корректности, пока еще ограждающей сионизм от серьезной критики, на мировое еврейство обрушится гнев народов. Когда все поймут, что поддержка Израиля шла вразрез с их собственными национальными интересами, реакция может быть весьма бурной. Когда возмущение действиями израильской армии вытеснит чувство вины за уничтожение евреев в Европе, гнев народов может обратиться против всех евреев, которые мирно живут в своих странах. Евреев станут все чаще обвинять в сотрудничестве с Израилем вопреки интересам стран, гражданами которых они являются.

По этой логике Израиль можно обвинить в раздувании враждебности мусульман всего мира по отношению к Соединенным Штатам и их союзникам – враждебности, ставшей причиной всплеска терроризма в странах Запада. «Я вижу в безоговорочной поддержке Израиля главную причину беспрецедентных атак террористов на Америку», – признается бывший американский дипломат на страницах еврейской прессы[503]. Более того, считается, что именно еврейские неоконсерваторы, действующие на благо Израиля, повлияли на решение США о начале военных действий в мусульманских странах.

Неудивительно, что антисионисты-харедим видят в росте терроризма по всему миру не только политическую связь с арабо-израильским конфликтом, но и начало осуществления вселенского Божественного наказания за преступления, совершенные во имя сионизма. Раввин Веберман, один из самых красноречивых противников сионизма, считает, что Государство Израиль нарушает глобальный миропорядок, а любые попытки противостоять Божьей воле могут привести лишь к глобальным бедствиям[504].

С такой точки зрения сионизм предстает как всеобщее зло, выходящее за рамки еврейской истории. В этом смысле антисионистское воззвание, появившееся в Меа Шеарим несколько десятилетий назад, приобретает поистине пророческий смысл: «Провозглашение сионистами независимости стало последней каплей, разрушившей мир на Ближнем Востоке и во всем мире»[505]. Вселенские масштабы наказания за грех сионизма в сознании раввинов-антисионистов являются логическим продолжением их убежденности в универсальном предназначении иудейства.

Немало противников сионизма уже начали подготовку к «постизраильскому» урегулированию, налаживая контакты с палестинцами и мусульманским миром. Как правило, эти контакты – например назначение раввина Моше Гирша из Меа Шеарим министром по делам евреев Палестинской автономии, – носят скорее символический, чем предметный характер. И все же одно официальное письмо, написанное на бланке Палестинской автономии и подписанное Арафатом, показывает, что усилия антисионистов не остаются бесплодными. Поблагодарив харедим за проведение демонстраций против Государства Израиль и за выражение соболезнования по поводу страданий палестинского народа во время интифады, Арафат заключает:

«Все это бесценные примеры прочных и давних отношений между евреями и арабами… позволяющие всему миру убедиться в резком контрасте между вечными и прекрасными ценностями иудейства и теми чертами, который воплощает агрессивный сионизм. Эти демонстрации и послания чрезвычайно важны для того, чтобы палестинский народ и арабы по всему миру смогли увидеть эту кардинальную разницу; чтобы каждый смог понять, что действия израильского государства не отражают традиций, верований и законов иудейства. Жизненно важно подчеркнуть, что никакого конфликта между евреями и арабами нет»[506].

Контакты харедим с арабами и попытки прийти к компромиссу вызывают осуждение со стороны сионистов, которые презирают «традицию слабаков» и остаются верными идеалам непреклонного мужества. Однако с точки зрения критиков сионизма – харедим и реформистов, – такие идеалы не только прямо противоречат традиционному еврейскому нравственному началу, но и представляют собой прямую угрозу для будущего евреев. Критики сионизма напоминают, что евреи составляют всего менее 0,2 % населения Земли (менее 14 млн из 7 млрд). С точки зрения антисионистов, настало время отбросить иллюзии величия и всемогущества.

Пути развития израильского общества и еврейских общин

Среди сионистов граница между левыми и правыми стирается. Эти термины, постоянно используемые в самом Израиле и за его пределами, весьма относительны. Люди, голосующие за левых, как правило, лучше образованны и более обеспечены, чем избиратели правых. В Израиле точнее было бы говорить о разногласиях между поборниками замкнутого в себе еврейского национализма и сторонниками открытого общества, в котором граждане взаимодействуют вне зависимости от своей этнической и конфессиональной принадлежности. Поскольку в рамках сионистской идеологии открытое общество такого рода невозможно, левое крыло сионистов оказывается не так далеко от правого. То, что их сближает, – убежденность в правоте сионизма, – важнее, чем различия в стиле. Например, считающаяся более левой партия «Авода» не менее активно поощряла создание поселений на Западном берегу, чем их противник – правое националистическое движение «Ликуд».

В сионистских кругах нередко можно услышать: «Израиль в опасности». Предчувствие беды, о котором так часто говорят самые убежденные сионисты, кажется парадоксальным: Государство Израиль, которое они сами же представляют единственным местом, где еврей может жить спокойно, а то и вовсе его последним убежищем, стало одним из самых опасных мест для евреев. Немало израильтян понимают, что, несмотря на военное превосходство Израиля на Ближнем Востоке, они и их дети попались в «кровавую западню». Такое ощущение в Израиле не редкость.

Мы уже отмечали, что чувство безвинной жертвы начало кристаллизоваться по мере того, как рушилось традиционное толкование вековых гонений. Сейчас оно переросло в комплекс жертвы, ставшей неотъемлемой частью самосознания израильских евреев[507]. Между ролью этого чувства в израильском самосознании и ролью страдания в самосознании общееврейском есть и сходства, и различия[508].

Комплекс жертвы присутствует во многих видах национализма[509], но особенно активно его используют в целях патриотического воспитания в Израиле. Первые поселенцы неутомимо создавали образ «нового еврея», отважного и доблестного, ничего общего не имеющего с образом еврея-жертвы. Много позже перед лицом сопротивления своей

поселенческой деятельности сионисты ощутили себя невинными жертвами, вынужденными браться за оружие для самообороны. Именно так получило распространение выражение «эйн брера» («нет выбора») для оправдания военных действий против палестинцев и их союзников. И «Яд ва-Шем» – музей жертв нацистского геноцида, и посещение концентрационных лагерей, и день, посвященный солдатам, павшим за Государство Израиль, – все это входит в дидактический арсенал сионизма. Даже Изгнание евреев после разрушения Храма усиливает у многих израильтян ощущение невинной жертвы, хотя в еврейской традиции этот эпизод библейской истории всегда толковали как заслуженную Божественную кару.

Почти все израильские евреи, независимо от происхождения, считают себя наследниками жертв нацизма, вынужденными защищаться от нескончаемого и иррационального насилия со стороны арабов. Однако такая позиция подвергается критике в постсионистских трудах по истории и социологии, а также в массовой культуре – фильмах, романах и театральных пьесах. Все чаще осуждают то, как официальный дискурс превращает женщин, бедных, иммигрантов – и даже тех, кто пережил в Европе Вторую мировую войну – в потенциальных жертв палестинцев. Некоторые из тех, кто продолжает ощущать себя жертвой, начинают понимать, что на самом деле они оказались жертвами сионизма, вовлекшего их в бесконечную войну и сделавшего из них, особенно из евреев афро-азиатского происхождения, граждан второго сорта[510].

С каждым годом существования Израиля все чаще официальные истины обращаются в свою противоположность. Сионизм как идеология национального освобождения приобрел образ всесильного государства, притесняющего палестинцев и унижающего их национальное и человеческое достоинство. Сионизм, бывший символом борьбы против расизма и за права человека, стал идеологией, поощряющей еврейский расизм и на уровне государственных институтов сильно напоминающей южноафриканский апартеид. Так, например, палестинцам надо получать более сотни разнообразных разрешений, регламентирующих различные сферы их жизни[511]. Сионистское государство, призванное стать символом национального освобождения, на деле превратилось в бюрократическое образование, цель которого – установление контроля над земельными, водными и прочими ресурсами палестинцев. Лидеры сионизма, мечтавшие сделать из евреев производительных тружеников, в итоге создали экономическую систему, при которой весь капитал и средства производства

находятся в руках израильских евреев, а физическим трудом занимаются в основном иммигранты-неевреи, подчас в жутких условиях.

Фактором, хоть как-то объединяющим этнически, религиозно и культурно раздробленное израильское неарабское общество, стала «арабская угроза». Как только она ослабевает, в обществе немедленно обостряются внутренние противоречия между поселенцами и их левыми хулителями, новоприбывшими и коренными израильтянами, а также между харедим и всем остальным обществом. Представители этих слоев слушают разную музыку, читают разные книги и даже ходят в разные продуктовые магазины. Напомним, что большинство харедим с момента основания государства освобождены от обязательной службы в армии – важного механизма социальной интеграции.

Напоминания о массовых убийствах евреев в Европе и непрестанное ощущение опасности позволяют многим израильтянам и сионистам в других странах избегать моральной оценки действий Израиля[512]. И это неудивительно, поскольку «в то время как иудейство помещает в центр системы ценностей долг человека перед Богом, понимая обязательства перед общиной как часть отношений человека с Богом, новая гражданская религия делает упор на обязанности индивидуума перед нацией»[513]. Гражданская религия, не давая ответа на вопрос о смысле жизни, требует этой жизнью жертвовать. Гражданское пространство («civic space») в Израиле отождествляется прежде всего не с жизнью, а со смертью за Родину[514], и это отождествление существует с самого начала сионистской колонизации. Еще в 1911 году в Палестине стали публиковаться первые книги воспоминаний об охранниках поселений, убитых при исполнении[515].

Хотя гражданской религии следует значительная часть населения, она, призванная заменить иудейство, совершенно чужда харедим. С другой стороны, все больше и больше израильтян-атеистов видят в гражданской религии подобие устаревшей европейской идеологии «крови и почвы», сдобренное выборочным толкованием еврейских источников.

Любое общество, основанное на идеологии, рано или поздно должно пройти через стадию сравнения заявленных целей и полученных результатов. Израильское общество – не исключение, несмотря на то, что такие сравнения способны ослабить его еще больше. Многие видные израильтяне задаются вопросом, не движется ли Государство Израиль к коллективному самоубийству. Именно такого рода тревога чувствуется в статье, появившейся во время второй интифады в израильской газете «Га-

Арец». В ней Ариэля Шарона с изрядной долей сарказма сравнивают с римским императором:

«Мы начинаем задаваться вопросом, не принял ли ты ради достижения своих целей решение переместить поле боя не на вражескую территорию, как это обычно делается, а в совершенно иное измерение реальности – в царство полного абсурда, полного самоуничтожения, где никто ничего не выиграет – ни мы, ни они. Большой жирный ноль… Так или иначе, когда мы в конце концов поймем, каковы были эти мотивы и причины, которые ныне выше нашего понимания, то осознаем… почему согласились прожить нашу единственную и неповторимую жизнь как своего рода латентную смерть. До тех пор мы будем поддерживать тебя всем сердцем. Мы, идущие на смерть десятками, сотнями и тысячами, приветствуем тебя, о Цезарь!»[516]

В 2006 году сын автора этой статьи трагически погиб во время войны в Ливане, развязанной Ариэлем Шароном.

Эмиграция из Израиля – явление не новое. Многие годы уехать из сионистского государства считалось постыдным поступком, однако сейчас дети и внуки беженцев из Германии, Польши в других европейских стран получают паспорта Европейского Союза. В качестве примера можно отметить тот факт, что количество выданных в Израиле немецких паспортов в последние годы значительно увеличилось[517]. Более того, бывший председатель Еврейского агентства (Сохнута) Авраам Бург смотрит в будущее Израиля без особого оптимизма и открыто советует всем, кто может, обзавестись европейским паспортом. Количество людей, предпринявших такой шаг или помышляющих об этом, достигает двух третей населения. Если во время Второй мировой войны евреи мечтали о документе, который позволил бы им уехать из Европы в Палестину, в наши дни, получая европейские паспорта, они приобретают возможность покинуть Израиль. Полмиллиона израильтян имеют паспорт США. Путь эмиграции в эту страну выбирают в основном люди из самых образованных слоев. Например, почти четверть выпускников университетов Израиля уезжает работать в США[518].

Вот уже больше двух десятилетий пересмотр постулатов сионизма, часто связанный с понятием «постсионизм», поляризует израильское общество. Некоторых видных авторов и активистов, например Леву Элиава и Симху Флапана, можно назвать пионерами или предшественниками этого метода, знакомого сегодня тысячам студентов. Этот метод нередко используют историки, социологи и антропологи.

Существует несколько подходов к объяснению постсионизма, влияние которого заметно в литературе, театре, кинематографе,

да и во всей культуре страны[519]. Постидеологический подход (отголосок концепции «конца идеологий» Дэниела Белла) фиксирует переход израильского общества на новый виток развития, на котором сионизм, бывший важным на этапе построения государства, становится лишним и трансформируется в постсионизм. С другой стороны, постмодернистский подход выделяет не развитие, а крушение идеологии сионизма и утверждает, что этнический национализм, будучи еще одной формой угнетения людей, должен уступить место мультикультурализму. В рамках этого подхода сионизм и Израиль не являются адекватными и уж тем более необходимыми ответами на проблемы еврейства; утверждается существование множества вариантов еврейского самосознания, не замыкающихся на Государстве Израиль.

Постколониальный подход ставит под сомнение способы восприятия и изображения колонизированных народов в литературе и политике и рассматривает сионизм в рамках дихотомии «Запад-Восток». Основатели этого интеллектуального течения Франц Фанон (1925–1961) и Эдвард Саид (1935–2003) исследовали национализм, который стал появляться в бывших колониях как реакция на господство насаждаемых европейских ценностей. В рамках постколониального подхода особое внимание уделяется истории сионисткой мысли и ее практическому воплощению в вопросах самосознания и международных отношений. Фанон и Саид подчеркивают, что сионисты уготовили одну судьбу всем арабам еврейского, христианского или мусульманского вероисповедания, ибо они обладали общим недостатком: не были европейцами.

Отметим, что постсионистский дискурс, выстроенный во многом на понятиях постколониализма, разработан преимущественно евреями. Палестинские арабы, поскольку своего государства у них нет, естественно, не могут его критиковать и остаются в основном на националистических позициях. Постсионизм вызывает споры, подобные тем, что возникали в Европе между деятелями Просвещения и адептами романтического национализма, в которых сталкивались идеи равенства всех людей и верховенства Нации.

Однако политические тенденции израильского общества идут вразрез с постсионизмом. Например, одно социологическое исследование показало, что 68 % израильтян-евреев не хотели бы иметь соседей-арабов[520]. Проекты законов, рассматриваемые в Кнессете, направлены на укрепление сегрегации и подавление инакомыслия. Постсионизм выявил конфликт между еврейским и демократическим измерениями израильского общества. В то

время как многие антисионисты считают, что эпоха сионизма не окончена и ему по-прежнему необходимо твердо противостоять, немало постсионистов видят в сионизме просто пережиток прошлого, мешающий израильскому обществу двигаться к демократии и мультикультурализму, то есть к государству всех своих граждан.

Несмотря на то что далеко не все израильские мыслители считают себя постсионистами, многие их них критикуют израильское общество, разрушают мифы отцов-основателей, разоблачают идеологический характер государственных структур, то есть занимаются тем, что характерно для интеллектуалов всего мира. Например, вместо термина «репатрианты» («олим*») они используют лишенное идеологической нагрузки понятие «иммигранты». В израильском обществе такое интеллектуальное диссидентство вызывает страх за будущее государства и усугубляет комплекс жертвы.

Кризис, который переживают евреи в начале XXI века, довольно часто подталкивает их к искушению сплотиться под флагами сионистской идеологии. Многие века евреев обвиняли в том, что они слишком рассудочны. Похоже, что сионизм так подстегнул их эмоции, что многим все труднее относится к нему рационально. Ставить под вопрос сионистскую сущность государства стало тоже непросто. А ведь, помимо религиозных антисионистов, многие известные ученые и мыслители – например, философ Мартин Бубер и президент Еврейского университета Иегуда Магнес в Израиле; Ханна Арендт и Альберт Эйнштейн в США, – были открытыми противниками идеи отдельного еврейского государства. Но их усилия не увенчались успехом. Магнес, прощаясь с университетом, сожалел, что евреи мира, особенно США, «оказались в тисках сионистского тоталитаризма, который хочет подчинить себе каждого еврея, применяя при необходимости силу и прибегая к насилию»[521].

Кажется, что этот тоталитаризм и не думает ослабевать. При том что обсуждение некоторых политических шагов Израиля допускается, любая иудейская критика сионизма делегитимизируется, а люди, которые позволяют себе подобные критические высказывания, систематически исключаются сионистскими организациями из пространства общественного обсуждения[522]. Акции протеста антисионистов-харедим попросту игнорируются, а их самих многие евреи воспринимают как «врагов еврейского народа». Вспомним, что вожаки социалистического сионизма решили устранить Якоба Де Хаана как раз за «критику движения перед внешним миром», а также за то, что он был способен дискредитировать сионистские планы и

даже позволял себе публично над ними насмехаться[523].

Страх за будущее Израиля, который испытывают многие евреи, сильно затрудняет честное обсуждение возникающих проблем. Такая чувствительность к любой критике государства легко объясняется тем, что в качестве стержня еврейского самосознания преданность Израилю давно заменила приверженность иудейству. Но евреи диаспоры верны идеальному, воображаемому государству, а не реальному Израилю – сильнейшей экономической и военной державе в Западной Азии. В то же время существуют и обратный вариант еврейского самосознания, когда еврейство выражается исключительно в критике и осуждении Израиля. Для некоторых евреев – это солидарность с палестинцами и требование справедливости для исконных жителей страны, которые пострадали при образовании сионистского государства[524].

Еврейские общины в большинстве своем отказываются вести диалог с израильскими диссидентами. Четко скоординированными усилиями любые идеи, способные посеять в евреях сомнение в праведности дела Израиля и сионистской идеологии, отметаются в сторону, а в еврейской прессе очень редко дают слово их носителям. По мнению историка Джека Росса, «тоталитарное стремление сионистской идеологии объявить любую оппозицию нелегитимной и недопустимой живо и в наши дни»[525]. Вызывает тревогу и то, что: «…любое общество, отказывающееся подвергать свою политику моральной критике, обязательно начинает разлагаться». В современном Израиле, к сожалению, раздается слишком много резких и властных религиозных голосов, требующих, чтобы общество двигалось именно в эту сторону»[526]. В настоящее время эти голоса явно преобладают.

Особенно яростная критика обрушивается на тех, кто осмеливается выступать против фундаментальных принципов сионизма. Примером может служить судьба шести харедим, которые в 2006 году участвовали в посвященной Холокосту конференции в Тегеране. Несмотря на то что они не раз там заявляли, что члены их семей стали жертвами нацистского геноцида, в Израиле и других странах их обвинили в отрицании Холокоста. Справедливости ради отметим, что такие идеи действительно были высказаны на той конференции. Многие синагоги «отлучили» этих харедим, закрыв для них свои двери. Администрация местного еврейского кладбища заявила, что откажется хоронить одного из них, несмотря на то, что он уже приобрел там участок. Детей другого раввина тут же исключили из еврейской школы, а он сам был избит израильским

активистом, который в знак одобрения своих действий в следующую субботу был вызван к Торе в синагоге[527]. Такой накал эмоций легко объяснить. Визит харедим в Тегеран и их встреча с тогдашним президентом Ахмадинеджадом ударили сразу по двум болевым точкам нового еврейского самосознания – поддержке Государства Израиль и роли нацистского геноцида в оправдании его существования. Для носителей нового самосознания эти евреи, несмотря на их приверженность иудейству, стали изменниками и еретиками. Визит харедим в Тегеран пошел вразрез с новым самосознанием, явно очертил его контуры и тем самым помог лучше его понять: нас часто характеризует то, что мы ненавидим.

Нападки на диссидентов и их семьи становятся все более распространенным явлением. Когда Адам Шапиро, американский еврей, поехал в Рамаллу на встречу с Ясиром Арафатом, чтобы предотвратить его весьма вероятное убийство израильскими войсками, многие нью-йоркские газеты прозвали его «евреем из Талибана», а его пожилые родители стали получать угрозы и были вынуждены переехать из Бруклина. Евреи, которые осмеливаются осуждать действия сионистов и Израиля, все чаще подвергаются остракизму.

Многие евреи мира отождествляют себя с Израилем, посещают концерты израильских певцов и защищают репутацию этого государства. Вот уже несколько десятилетий по всему миру в большинстве еврейских школ (за исключением школ харедим) молодое поколение воспитывают в духе преданности Израилю как центра еврейской жизни. Существование государства с национальным флагом, мощной армией и процветающей экономикой дает многим евреям чувство уверенности.

Такого рода израильский патриотизм на расстоянии с легкостью заменяет традиционное самосознание еще и потому, что так куда проще жить. Традиционное самосознание было основано на подчинении заповедям Торы, а влияние его распространялось как на личную жизнь (например, пищу и интимные отношения), так и на публичную (запрет на использование машины в субботу или необходимость скромно одеваться). Напротив, «дистанционный патриотизм» дает своим последователям чувство принадлежности к чему-то важному и в то же время не налагает на них никаких обязательств. Разрыв с традицией настолько глубок, что теряется даже чувство долга помогать униженным и угнетенным. По мнению Боаза Эврона, «нравственная самоидентификация с политикой сильного – суть идолопоклонничество»[528]. Марк Эллис считает, что в этом отождествлении скрывается «моральный крах», и напоминает, что

«коллективная гордость подразумевает коллективную вину»[529].

События нацистского геноцида имели место более полувека назад. Ныне всемирные еврейские организации многочисленны и представлены в большинстве развитых стран во многих профессиональных областях: в политике, праве, журналистике и т. д. Руководители этих организаций утверждают, что Израиль занимает центральное место в еврейской жизни. И такое утверждение де-юре и де-факто делает членов этих организаций агентами израильского влияния и преданными сионистами.

Однако подавляющее большинство сионистов сегодня совсем не евреи, а христиане. Некоторые из них даже готовы защищать Израиль с оружием в руках[530]. Евангелистские церкви уже многие годы являются столпом поддержки этого государства. Идея репатриации евреев в Святую землю приводит в восхищение миллионы сионистов-христиан по всему миру. Они готовы оказать сионистскому государству и самым непримиримым националистам щедрую и безоговорочную помощь. Джеффри Визенфельд, деятель американского сионизма, признает, что «хоть это и трагично, но мы можем обойтись без 80 % евреев – Государство Израиль прежде всего защищают правоверные христиане»[531]. Напротив, поддержка евреев менее надежна и, самое главное, сопряжена с большим количеством оговорок. Социологические исследования подтверждают такое мнение. В октябре 2013 года 82 % белых христиан-евангелистов США считали, что Бог даровал Землю Израилеву евреям. Среди американских евреев такой ответ дали лишь 40 % респондентов[532].

Мировая история изобиловала религиозными противостояниями, но конфликты, в которых участвует Израиль, имеют совсем иную природу. Это государство остается пережитком колониальной эпохи, когда западные державы наделили себя правом вторгаться в чужие земли и насаждать среди местного населения свою культуру. Пользуясь этим правом сейчас, Израиль как бы ставит себя в авангард правых сил мирового сообщества. Даже если эта позиция приносит непосредственную пользу, она остается весьма шаткой, о чем свидетельствует резкая реакция израильского правительства на акцию пропалестинских пацифистов, которым запретили въезд в сектор Газа и на Западный берег реки Иордан. Международная кампания за бойкот, вывод вкладов и введение санкций в отношении израильских товаров делегитимизируют «еврейское демократическое государство».

Сторонники Израиля, принимающие себя за последних защитников евреев, считают, что критика политического

сионизма напрямую ведет к новому геноциду евреев. В ответ на предложение обсудить сценарии реорганизации территорий между Иорданом и Средиземным морем в единое государство видный апологет Израиля из Канады пишет:

«За идеей единого государства стоит нечто поистине чудовищное: если Израиль, как еврейское государство, является центром еврейского народа, правопреемником [жертв] Холокоста, то здесь мы стоим не просто перед ликвидацией государства, но и фактически перед уничтожением всего народа»[533].

Подобный ужас ощущают в Израиле каждый раз, когда в соседних странах, население которых настроено более враждебно, чем их руководство, возникает надежда на осуществление демократических преобразований. События Арабской весны чрезвычайно обеспокоили израильскую элиту. Мощный и процветающий Израиль по-прежнему кажется чуждым для региона образованием и недолговечной авантюрой.

Позиции этнического национализма в Государстве Израиль продолжают укрепляться. Весной 2011 года декларация, подписанная более чем 300 раввинами – в основном, последователями национал-иудаизма – призвала запретить продажу и сдачу внаем квартир неевреям[534]. Один из подписавших декларацию раввинов был автором вступления к вышеупомянутой книге «Торат а-Мелех» («Тора Царя»), в которой одобрялись насилие и террор в отношении палестинского населения. Мнения евреев, в том числе и в лоне национал-иудаизма, разделились. В итоге ряд известных раввинов дистанцировался от этой декларации на том основании, что она не только дискредитирует иудейство, но и представляет опасность для евреев всего мира, которые рискуют оказаться жертвами таких ограничений даже в относительно либеральном обществе[535].

Желание израильских руководителей действовать по примеру Герцля от имени всех евреев мира можно понять: они хотят узаконить сохранение откровенно этнического государства и его политики. Их союзники в разных странах диаспоры, открыто заявляющие о единой и безграничной поддержке Израиля еврейскими общинами, стоят перед дилеммой: они знают, что их заявления усиливают враждебность или даже агрессию по отношению к евреям. Хотя многие евреи безоговорочно солидарны с Государством Израиль, есть и такие, которые яростно протестуют, веря, что еврейский долг заставляет их поддерживать палестинцев.

Идея отдаления евреев от Израиля и его политики сгладила некоторые давние разногласия, однако возникли и новые. Яркой

иллюстрацией расхождения мнений по израильскому вопросу может служить событие, которое произошло в 2011 году во время вручения дипломов Брандейского университета в Массачусетсе – alma mater многих студентов-евреев. В американских университетах существует традиция: каждый год для выступления перед выпускниками на церемонии вручения дипломов приглашают известного человека. В 2011 году ученики отвергли кандидатуру посла Израиля на роль почетного гостя, потому что его участие «вызвало бы раскол в аудитории». Израиль больше не объединяет евреев, а скорее сеет между ними раздор.

Пока неясно, насколько серьезен раскол между приверженцами еврейской традиции и евреями, поставившими во главу угла Государство Израиль. Раскол этот может оказаться гибельным для евреев и иудейства, но не для Израиля, среди сторонников которого куда больше христиан, чем евреев.

Страх гибели в пустыне постоянно витает над Израилем, но драматический накал, характерный для отношения многих евреев к этому маленькому государству в Западной Азии, быть может, чрезмерен:

«Все государства в мире, в том числе и Государство Израиль, появляются и исчезают. Государство Израиль тоже, конечно, исчезнет через сто, триста или пятьсот лет. Однако еврейский народ будет существовать, коль скоро существует иудейская религия, быть может, еще тысячи лет. Существование этого государства не имеет никакого значения для существования евреев… Евреи мира могут прекрасно жить без него»[536].

Государство Израиль на международной арене

Иногда кажется, что в на Ближнем Востоке к Израилю относятся хуже, чем в остальном мире. На самом деле мировое сообщество в целом относится к сионистскому государству весьма неодобрительно. Тех, кто считает влияние Израиля на мировое сообщество отрицательным, куда больше, чем тех, кто расценивает его позитивно (49 % против 21 %). В США и Великобритании – двух странах, где сионизм имеет глубокие корни, – также наметилось явное ухудшение отношения к Израилю[537]. Факт показательный, если учесть, что сионистские организации располагают в этих странах значительными средствами для улучшения имиджа Израиля. Так активно проводится кампания Rebranding Israel, т. е. улучшение «торговой марки» Израиля: создается образ современной, продвинутой страны, причем за кадром остается влияние сионистского государства на жизнь палестинцев.

В силу того, что Израиль по-прежнему воспринимается как источник нестабильности и конфликтов, дипломаты, ученые и СМИ продолжают пристально наблюдать за этой страной. А тем временем вот уже больше века продолжается освоение сионистами новых территорий, с которых постепенно вытесняют местное палестинское население. Израиль играет важную роль в стратегии западных стран, хотя в США также бытует мнение, что это государство скорее препятствует реализации американских интересов в этом регионе[538]. Израильский вопрос вышел за рамки внешней политики и стал частью внутренней, что особенно заметно в странах, где проживает много сионистов, христиан либо евреев. С этой точки зрения Израиль занимает особое место в мировом сообществе.

Исключительно эффективен в Израиле высокотехнологичный промышленный сектор, тесно связанный с оборонным. Экспорт оружия и договоры о сотрудничестве в производстве вооружения позволяют Израилю укрепить связи с правящими кругами многих стран – даже тех, где общественное мнение настроено против Израиля. Торговля оружием укрепляет не только военную промышленность Израиля, но и его международные связи.

Лига арабских государств еще в 2002 году предложила Израилю мир и дипломатические отношения в обмен на территории, занятые им в 1967 году. Однако сионистское государство игнорирует это остающееся в силе предложение и

продолжает переселять на них своих граждан. Подобное отсутствие интереса со стороны Израиля отражает постоянные факторы его внешней политики, расходящиеся с призывами к миру сионистского руководства с самого начала колонизации. Расхождение слов с действиями – обычное явление для великих держав, но совершенно исключительное для такого маленького государства, как Израиль.

Израиль поддерживает многосторонние отношения со странами постсоветского пространства. Советский Союз, оказавший решающую помощь сионистскому предприятию в 1947–1949 годах, стал серьезным недругом Израиля во время холодной войны. Он снабжал арабские страны оружием, обеспечивал им также надежную дипломатическую поддержку.

В то же время, несмотря на протесты некоторых арабских стран, сотням тысяч советских евреев был разрешен выезд в Израиль. Перестройка и расчленение СССР послужили толчком к массовой эмиграции. Как уже было замечено, Израилю удалось оказать сильное давление на США и ФРГ и перенаправить поток эмигрантов в свою сторону, хотя они в основном стремились в Америку и Германию. В то же время политика России и других постсоветских республик на Ближнем Востоке радикально изменилась в пользу Израиля, где к тому же проживает самая большая русскоговорящая диаспора в мире, причем многие ее представители занимают ключевые посты в правительстве.

Судя по всему, влияние бывших советских евреев на израильскую политику только возрастет. Выходцы из СССР способствовали установлению сотрудничества между Израилем и Россией в сфере обороны, безопасности, производства вооружения и высоких технологий. Продукты израильского сельского хозяйства пользуются хорошим спросом на рынках постсоветских республик. Войны в Чечне укрепили связи между армиями и разведками России и Израиля. Жители бывших советских республик составляют самый крупный контингент европейских туристов в Израиле. Отношения между Россией и Израилем стали столь тесными и сердечными, что, по мнению Владимира Путина, «Израиль – это немножко Россия». В то же время Россия, не забывая о своих стратегических интересах, поддерживает добрые отношения с Сирией и Ираном.

Израильские наработки в сфере безопасности экспортируются во все уголки мира и являются краеугольным камнем в его отношениях с Китаем и Индией. Израиль помогает в подготовке вооруженных сил разных стран, включая США и Колумбию. Канада, в настоящее время самый преданный союзник Израиля на международной арене, заключила с ним ряд договоренностей о

военном и полицейском сотрудничестве. Израильские истребители участвуют в учениях в провинции Альберта, службы безопасности стран обмениваются оперативной информацией, и Канада закрывает глаза на тот факт, что Израиль использует канадские паспорта для проведения «точечных ликвидаций» в третьих стран. Например, агенты израильских спецслужб, используя поддельные канадские документы, убили в Норвегии марокканца, ошибочно приняв его за участника палестинского сопротивления. В Иордании владельцы таких канадских паспортов совершили покушение на одного из лидеров движения Хамас[539]. Около тридцати высоких полицейских чинов Канады посетили Израиль, где обучались методам контроля массовых движений и управлению тюрьмами. Канада и Израиль также сотрудничают в аэрокосмической отрасли[540]. Однако в собственном регионе сионистское государство остается в культурной и экономической изоляции, ибо опирается в своих отношениях с соседями исключительно на свое военное превосходство. До начала первой интифады в 1987 году израильтяне в целом воспринимали существование своего государства как естественное и даже вечное. Например, в конце XX века Кнессет официально объявил «объединенный Иерусалим – вечной столицей Израиля». Но с некоторых пор в израильском обществе возникло ощущение эфемерности и хрупкости государства, при том что ни одна армия (ни даже коалиция вооруженных сил нескольких стран) в регионе не может тягаться с Армией обороны Израиля. Однако иногда в Израиле высказываются сомнения в способности сионистского государства выжить в Западной Азии, которую израильские политики зачастую называют «опасным соседством».

Опасность ощущается со стороны не только палестинцев, но и практически всего населения региона. При этом причиной враждебности чаще всего приписывают исламу и антисемитизму, а вовсе не возмущению, вызванным такими политическими и социально-экономическими факторами, как дискриминация, обезземеливание и депортация палестинцев. Основатель Израиля Давид Бен-Гурион понимал, что «мир без справедливости будет недолговечен»[541]. Тем не менее именно Бен-Гурион командовал военными силами, заставляющими палестинцев бежать с их исконных земель. Даже некоторые защитники Израиля признают, что он является последним колониальным государством, основанным в момент, когда во всем мире начался процесс деколонизации. Образ Израиля как плацдарма Запада на Ближнем Востоке лишь подчеркивает его чуждый для региона характер. Перспективы демократических преобразований в

арабских странах сильно беспокоят большинство израильтян: ведь они осознают, что «умеренные» лидеры, сотрудничавшие с израильской армией, такие как президент Египта Хосни Мубарак, не выражают общественного мнения, потому что жители этих стран поддерживают палестинцев.

Неарабское израильское население, сплоченное благодаря «вражескому окружению», опасается палестинцев, прирост населения которых воспринимается как «демографическая бомба». Все больше израильтян, считающих, что сохранение неарабского большинства – это непременное условие выживания Израиля, ратует за депортацию палестинцев в арабские страны и аннексию оккупированных в 1967 году территорий. Это вызывает неприятие у многих евреев, ибо они понимают, что сохранение сионистского государства требует мер, которые не соответствуют ни традиционному иудейскому понятии о морали, ни просто человеческой порядочности. Однако в Израиле крепнут силы, готовые прибегнуть к таким мерам.

В то же время бывший председатель Кнессета, а также Международной сионистской организации Авраам Бург считает само понятие «еврейский характер государства» самоубийственным. Писатель Ицхак Лаор настаивает: «Нам не нужно ни покидать эту страну, ни жертвовать ради нее жизнями. Мы просто должны избавиться от сионизма»[542]. Эти евреи, ветераны многих израильских войн, ощущают себя заложниками ситуации, которую не в силах контролировать. Они ищут мирное решение в соответствии со своими понятиями о чести, и некоторые из них впервые начинают по-новому оценивать давние доводы об опасности, которую представляет для евреев сионизм и сионистское государство. Но сионисты отнюдь не склонны к компромиссу. Ни сионизм, ни сионистская структура государства обсуждению не подлежат. Израильское правительство и его западные союзники несколько лет назад стали требовать признания Израиля «еврейским государством» как условия для начала переговоров с палестинцами. Тем не менее и в Израиле, и за его пределами все чаще утверждают, что именно сионистская идеология является причиной конфликта и что даже депортация («трансфер») палестинцев,[543] в долгосрочной перспективе приведет лишь к увеличению масштаба насилия. Эту оценку разделяют как сионисты, призывающие к еще более жестким мерам, так и антисионисты, предлагающие преобразовать Израиль в государство всех своих граждан, пока не стало слишком поздно. Они считают, что в регионе никогда не согласятся с существованием в нем сионистского государства и сходятся во мнении, что в будущем евреев Святой земли ожидает

бойня. Но если сионисты убеждены, что только сионистское государство сможет ее предотвратить, их противники утверждают, что именно оно и провоцирует насилие против евреев.

Сторонники возвращения мусульманского контроля над Святой землей, как и поборники создания на ней двунационального государства признают, что ненависть к евреям в арабских странах возникла недавно, а значит, она обратима. Это видение разделяют и многие историки в Израиле и за его пределами, опираясь при этом на разнообразные источники, нейтральные по отношению к сионизму. Еще во время Первой мировой войны немецкий генерал, прикрепленный к османским частям в Палестине, заметил, что сионисты разрушают те добрые отношения, которые издавна существовали между еврейским и мусульманским населением Палестины[544].

«Десионизация» Израиля, по мнению раввина Собера, вполне осуществима:

«Решение возможно; его цена еще и не слишком высока. Но оно недостижимо, если мы хотя бы на секунду не отставим лелеемые нами верования [в сионизм], за которые было отдано столько жизней, и вместо этого не взглянем в лицо реальной ситуации. Мы должны перестать относиться к Израилю как к романтической мечте и научиться видеть в нем разноплеменную страну, где два этноса, примерно равные по численности, борются за контроль… Мы – народ, давший миру слова пророков, – должны найти в себе смирение признать, что были неправы, а также мужество поступить правильно»[545].

Он считает, что все разговоры об израильской оккупации лишь отвлекают от очевидного факта: по существу Израиль уже давно стал двунациональным государством, просто одна из наций лишена в нем политических прав.

Идея единого государства от реки Иордан до Средиземного моря постепенно приобретает приверженцев как в Израиле, так и в других странах. Крупный специалист по палестинскому вопросу и бывший вице-мэр Иерусалима считает, что это единственное возможное решение проблемы[546]. В мире этот сценарий подчас расценивают как «последнюю надежду»[547]. Даже журналисты такого консервативного издания, как еженедельник «Экономист» («The Economist»), всерьез рассуждают о двунациональном проекте[548].

Некоторые израильские лидеры также упоминают его, но в качестве угрозы существованию независимого государства Израиль, проводя параллели с Южной Африкой и со страхом ожидая момента, когда палестинцы потребуют равных

политических прав[549]. Разговоры о создании такого государства обычно расцениваются как посягательства на правомерность сионизма. Однако такая перспектива становится все более реальной по мере того, как сама концепция еврейского народа, положенная в основу сионистской идеологии, вызывает сомнения среди образованных израильтян. С 1948 по 1967 годы Государство Израиль поддерживали в основном левые движения по всему миру; для них оно являлось воплощением прогресса и человечности. При социалистах, находившихся у власти в Израиле вплоть до 1977 года, страну приняли в Социалистический интернационал. Однако сегодня основная поддержка сионистского государства исходит от правых сил и националистов разных стран, расценивающих Израиль как передний край обороны Запада на Ближнем Востоке.

Действительно, как говорили раньше, «все прогрессивное человечество» симпатизировало Израилю в первые годы его существования. Жан-Поль Сартр и Бертран Рассел поддерживали сионизм. Даже Лев Троцкий, ранее принципиальный противник всякого этнического национализма, в ответ на преследования евреев в нацистской Германии заявил о своей симпатии к сионизму. Тогда евреи воспринимались как жертвы, и поддерживали их практически все левые силы. Они не только сочувствовали жертвам нацизма, но восхищались новыми формами социальной организации – мошав, кибуц и т. п. Несмотря на то что, как выяснилось, израильские социалисты использовали коллективные поселения лишь как средство освоения новых земель, тысячи людей – евреи и неевреи из разных стран мира – отправлялись добровольцами в кибуцы и тем самым вносили свой вклад в строительстве сионизма.

Однако арабские страны в то время рассматривались в прогрессивных кругах как отсталые и реакционные, поэтому судьба палестинцев в 1947–1949 годах, карательные операции против целых палестинских деревень в 1950-х годах и другие жесткие меры по отношению к местному населению остались, по большому счету, незамеченными. В некоторых случаях левые даже оправдывали изгнание палестинцев. Так, в 1944 году исполнительный комитет лейбористской партии Великобритании предложил «поощрять переселение арабов по мере того, как там [в Палестине] будут обосновываться евреи»[550].

Заселение территорий, занятых в ходе израильской превентивной войны 1967 года, стали причиной сдвига симпатий левых сил мира в пользу палестинцев, хотя последствия той войны для палестинцев были куда менее трагическими, чем последствия военных действий при образовании Государства

Израиль. Если в 1947–1949 годах более 500 палестинских деревень были просто стерты с лица земли, а их население изгнано, то после 1967 года сионисты осваивают в основном малонаселенные, хоть и возделанные земли.

Поддержка левыми силами палестинского сопротивления наблюдается с тех пор во многих странах. Например, группа из Японии приняла участие в вооруженных нападениях на израильские объекты. СССР и его союзники, за исключением Румынии, порвали дипломатические отношения с Израилем, начали обучать бойцов палестинского сопротивления и снабжать их материальной помощью. Арабо-израильский конфликт стал одним из фронтов холодной войны. До настоящего времени правые, как правило, стоят за Израиль, а левые – за палестинцев.

Обычно Израиль пользуется поддержкой со стороны обеспеченных слоев общества, политических и экономических элит, вне зависимости от их верований или происхождения. Правые видят в Израиле пример для подражания, ведь израильское руководство смогло превратить относительно эгалитарную экономику страны в неолиберальную. Отсутствие серьезного гражданского сопротивления такому преобразованию, сделавшему бедняками тысячи людей, убедительно демонстрирует, как подогреваемое чувство национального единства в условиях непрерывной угрозы отодвигает в сторону вопросы социальной и экономической справедливости.

Израиль как конкретное воплощение идей сионизма продолжает вдохновлять сторонников этнического национализма многих стран. Например, белые националисты Южной Африки поддерживали Израиль с 1948 года, хотя в их Национальную партию путь евреям был закрыт. Прямое сотрудничество, установленное между сионистским государством в Азии и государством апартеида в Африке, свидетельствует об идеологической близости двух стран и схожести их политических интересов. Даже после падения режима апартеида отдельные правые активисты в Израиле поддерживают связь со сторонниками белого господства в ЮАР. Антисемиты восхищаются «новым евреем», прямым, смелым и бесстрашным сионистом-израильтянином, антиподом традиционных евреев, которые издавна вызывают у них лишь презрение и ненависть. Многие организации правого толка с антисемитским прошлым – например, «Партия свободы» в Голландии, «Фламандское дело» в Бельгии, «Лига английской обороны» и «Альянс за будущее Австрии», – уже несколько лет и с энтузиазмом поддерживают Израиль[551].

Пример Израиля также вдохновил, по крайней мере, одного

ставшего известным европейского исламоненавистника. Убийца десятков людей в Норвегии летом 2011 года 359 раз упомянул в своем «меморандуме» Государство Израиль как оплот противостояния исламской угрозе и пример решительного отпора ей[552]. Для крайне правых Израиль является воплощением идеологии превосходства, естественной во времена зарождения сионизма и по-прежнему несущей отпечаток колониализма начала XX века. В Европе эта идеология, пережившая спад в 1960–1980 годах, снова набирает ход, особенно после окончания холодной войны. Западные правые также уважают Израиль за ту роль, которую играют бывшие его офицеры в экономической и политической жизни страны, что является показателем сращивания израильской политической элиты и военно-промышленного комплекса. (В Израиле шутят, что армия есть у многих стран, но только в Израиле у армии есть свое собственное государство.) В других странах эта связь не выставляется напоказ столь беззастенчиво. Понять Израиль – это понять сегодняшний мир и то, из каких элементов создается современная история.

Лидеры одного из российских правоцентристских объединений – Национал-Демократического Альянса – во время визита в Израиль в 2011 году были приняты в Кнессете и даже встретились с одним из членов израильского правительства. Они восторгались Израилем – государством, построенным на базе этнического национализма и служащим для них моделью для создания «России для русских». «В целом израильское общество, конечно, право-националистическое», – заключил член этой делегации Широпаев[553]. Он также выразил свое восхищение в стихах, один из которых начинается так:

> В горниле библейского зноя,
> Кипой отражая зенит,
> Шагает мужик с кобурою —
> Особой породы семит.

Все эти правые движения объединяет общая идея об «исламском засилье», и тот же поэт вот так высказался о роли, которую правые приписывают Израилю[554]:

> Без страха прослыть сионистом,
> себе указую: смотри!
> Там битвы решающей выступ,
> там Запад на кромке зари!

Израильские националисты «без комплексов» следуют европейской традиции применения силы для достижения целей колонизации. Конечно, эта традиция совсем не еврейская, но Израиль знает, что выполняет историческую задачу, которой очень гордится: он возрождает былые европейские принципы, в данном случае – откровенную политику с позиции силы. После нацистского геноцида и с началом деколонизации во время холодной войны в европейском обществе стали преобладать идеи расового равенства и интернационализма, а также отвращение к войне. Применение силы против «цветных» в дальних уголках мира было временно дискредитировано. Все это время Израиль не отступал от своих принципов и продолжал держать соседние страны и палестинцев на мушке. Символично, что США, Канада и некоторые европейские страны для обучения своих войск, отправлявшихся воевать в мусульманские страны, прибегали к помощи израильских экспертов по борьбе с терроризмом.

Израильское общество и его элита с самого начала сионистского предприятия стали приписывать обобщенному понятию «араб» определенные неизменные черты, точно так же, как антисемиты – понятию «еврей». Такой подход идет вразрез с прогрессивными взглядами, утвердившимися в Европе в послевоенные годы, но создает простор для дискриминации палестинских арабов, евреев арабского происхождения, африканцев или рабочих-иммигрантов из стран Азии. В этом свете становится понятным вывод англо-израильского историка Илана Паппе, который считает, что «сионизм угрожает безопасности Ближнего Востока куда больше ислама»[555].

Израильское общество считает причиной враждебности народов региона их религию и даже «природу» и не рассматривает эту враждебность как естественную реакцию на несправедливость по отношению к палестинцам. Такая точка зрения, заимствованная из арсенала колониализма, пользуется популярностью в Израиле. Поэтому Израиль при любом правительстве был и остается важным центром распространения по всему миру антиарабской, а теперь и антимусульманской пропаганды, которая отлично вписывается в западные рассуждения о неполноценности народов и культур, проявляющейся в сопротивлении этих народов власти демократических стран Запада. Фактически это означает возвращение в обиход противопоставления понятий «цивилизации» и «дикости», веками служившего для оправдания колониализма. Несмотря на репутацию социалиста, Бен-Гурион с гордостью говорил, что созидатели Израиля принадлежали к одной из «цивилизованных рас, возвращавшихся на древнюю

родину»[556]. Неудивительно, что защитники Израиля, евреи и неевреи, оказываются на первых ролях в деле «новой колонизации мира».

Подобное оправдание применения силы повлияло и на США, где после терактов 11 сентября 2001 года вместо того, чтобы определить глубинные причины враждебности мусульман американской политике, правительство, СМИ и, наконец, само общество сплотились под единым лозунгом «они ненавидят наши ценности». Штаты, следуя примеру Израиля, а иногда и превосходя его, развязали «войну против террора», игнорируя права человека, международное право, Женевскую конвенцию и прочие соглашения о войне и военнопленных. Вторжения в другие страны, похищение подозреваемых на чужой земле, пытки и тюрьмы, разбросанные по всему миру, стали обыденной реальностью. Как и Израиль после начала сионистского освоения Палестины, США борются с симптомами, отказываясь признавать, что вооруженное сопротивление вызвано их собственной политикой.

Такая «израилизация» внешней политики США спасает сионистское государство от слишком резкого осуждения американским правительством некоторых его шагов. Более того, действия Израиля подчас становятся примером для других. Так, израильская бомбардировка ядерного реактора в Ираке в 1981 году, которую осудило большинство государств, включая США, стала в новых условиях точкой отсчета для отношений с Ираном. Обладая ядерным арсеналом, Израиль и США подозревают Иран в стремлении также стать ядерной державой, несмотря на то что иранские руководители не раз опровергали такое намерение. Ирану, который, в отличие от Израиля, подписал Договор о нераспространении ядерного оружия, западные страны отказывают в праве производить ядерное топливо для мирных целей, утверждая, что лидеры Ирана – иррациональные религиозные фанатики. Возрождение понятия «цивилизованные страны», проглядывающее за более политкорректным «демократические страны», воплощает практику двойной морали и позволяет тем, кто себя к ним причисляет, утверждать, что, вопреки фактам, только они способны действовать в области международных отношений рационально. Интересно, что сионистская идеология, призывающая к «возвращению на историческую родину» после двух тысячелетий Изгнания, считается ими вполне рациональной.

Для понимания Государства Израиль нет смысла обращаться к иудейской религии и еврейской истории, которые могут лишь затуманить картину: ведь созданная сионистами идеология,

выбросившая «на свалку истории» традиционное иудейство, – явление революционное. Пытаться разобраться в политике Израиля с иудейской точки зрения – бесплодно и бессмысленно. Гораздо проще понять политику, структуру и законы Израиля, отвлекаясь от многовековой иудейской преемственности. К тому же не стоит забывать, что в Государстве Израиль живут не только евреи: более пятой части граждан Израиля – арабы. Поэтому вместо широко используемых выражений «еврейское государство» и «еврейское лобби» следует говорить о «сионистском государстве» и «сионистском лобби».

Сионистское государство, как об этом мечтали отцы-основатели Израиля, следует рассматривать ровно так же, как и любую другую современную политическую формацию, не боясь обвинений в антисемитизме. Судить о нем надо не в рамках библейской истории и морального наследия иудаизма, а прежде всего в контексте современных международных отношений и западной политики на Ближнем Востоке.

Заключение

Похоже, что Израиль и сионизм, его официальная идеология, восторжествовали. Утвердив свое военное и экономическое превосходство в регионе, Израиль кажется неуязвимым для своих противников. Сионистское государство установило стратегические связи не только с западными державами, но и с Россией, Китаем, Индией и даже – пусть и более скрытые – с элитой Саудовской Аравии и других арабских стран. Вскоре после атаки на Сектор Газа в 2008–2009 годах и несмотря на случаи жестокого обращения с палестинцами, Израиль был единогласно принят в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), объединяющую более тридцати экономически развитых стран, обладающих демократическими политическими структурами. Обширный спектр программ научного и технического сотрудничества позволяет израильским специалистам получать от западных стран фонды и другую помощь для исследований и разработок.

Широкая общественность, СМИ и даже академические круги в значительной степени приняли сионистскую идеологию. Интересно, что, хотя она по определению противостоит либерализму, к ней с пониманием относятся даже в странах с давними либеральными традициями, в которых гражданские права должны обеспечиваться государством, а не конфессиональной или «племенной» солидарностью. Многие евреи в этих странах живут в состоянии когнитивного диссонанса или, проще говоря, сидят на двух стульях одновременно, пытаясь сочетать сионистскую идеологию с либеральными ценностями, на которых зиждется все их благополучие. В той же степени это относится и к нееврейским поборникам Израиля. Например, несмотря на то что официально в Канаде запрещена любая расовая, религиозная или этническая дискриминация, Еврейский национальный фонд, более века занимающийся созданием «еврейских поселений», в которых арабам, в том числе израильским гражданам, жить запрещается, не только пользуется здесь финансовыми льготами, но и организует кампании по сбору средств, в которых принимает участие даже премьер-министр Канады[557].

Руководители многих еврейских организаций США и других стран практически действуют в интересах Израиля, притом что все больше простых евреев недовольны таким оборотом дел. Их недовольство становится более явным, когда подобная деятельность от имени еврейской общины идет вразрез с

политикой страны, в которой они живут. Так, в ноябре 2013 года Израиль призвал руководство еврейских организаций начать кампанию против договоренности по ядерному вопросу между Ираном и мировыми державами, включая США. В данном случае руководители этих организаций вышли за рамки «двойной лояльности», в которой подчас обвиняют евреев, и признали, что интересы Израиля им дороже интересов их собственной страны.

Тот факт, что такие действия могут способствовать усилению антисемитизма, сионистов не заботит: подъем антисемитизма лишь подтвердит необходимость существования Израиля и подстегнет евреев к переселению туда. Израиль, выступая в качестве защитника евреев всего мира, повторяет политику европейских держав прошлого века, когда они, преследуя свои политические цели в Османской империи, заручились правом защищать христиан в Святой земле. Поскольку сионистское государство считает всех евреев своими потенциальными гражданами, оно не стесняется требовать от других стран запрета на въезд покинувшим родину евреям, с тем чтобы перенаправить их в Израиль.

С помощью эффективно проводимой политической кампании против Ирана Израилю удалось вытеснить палестинский вопрос на периферию внимания мировой общественности. Прочная поддержка Израиля со стороны правых движений в Европе и Северной Америке часто сопровождается подъемом антиарабских и исламофобских настроений, что, в свою очередь, усложняет деятельность мировой общественности в защиту палестинцев. Систематическое содействие Израилю остается объединяющей идеей и идеологическим принципом правых партий даже тогда, когда они находятся у власти и вынуждены действовать в соответствии с национальными интересами. Например, канадский премьер-министр Стивен Харпер, последовательно претворяя в жизнь свою идеологию, открыто заявил, что его правительство будет поддерживать Израиль «любой ценой»[558], что вызвало у канадских обозревателей вопрос, не стал ли Харпер премьер-министром… Израиля.

В эту картину хорошо вписываются тесные отношения правительства Харпера с евангелическими церквями, составляющими сегодня главную опору сионизма на Западе. Христианские сионисты, во много раз превосходящие числом всех евреев мира, имеют немалое влияние на политику Запада в отношении Израиля. В своем желании приблизить Второе пришествие, собрав евреев в Святой земле, сионисты-христиане финансируют иммиграцию в Израиль и тем самым помогают Израилю обезвредить «демографическую бомбу». Речь идет о том,

что на территории между рекой Иордан и Средиземным морем на данный момент евреи составляют меньшинство, что для сионистов представляет демографическую опасность. Сионистские деятели, христиане и евреи, привлекают для этого значительные ресурсы. Дело палестинцев такой поддержкой не пользуется, несмотря на то что большинство населения западных стран к Израилю относится весьма критически.

Израильское общество отнюдь не монолитно: оно включает в себя светское большинство, несколько десятков еврейских общин, друзов, мусульман и палестинских христиан, христиан – выходцев из бывшего СССР, тысячи иностранных рабочих и многие другие группы иммигрантов и местного населения. В таком контексте требование признания формулы «еврейское демократическое государство» палестинцами и мировым сообществом подчеркивает сионистскую природу Государства Израиль, которым двигает страх «десионизации» под давлением социальных и демографических реалий.

Граждане Израиля арабского происхождения – более 20 % населения – во многом остаются гражданами второго сорта, что дополнительно подогревает конфликт на Святой земле. Однако в израильском обществе, даже без учета арабов, совсем не все считают себя сионистами. По словам израильского философа Йосефа Агасси, израильские правительства ведут себя так, будто они по-прежнему руководят местечковыми общинами, огородившись стенами гетто. Игнорируя интересы израильтян-неевреев, они тем самым поддерживают в Израиле постоянное военное напряжение, ибо гетто, оснащенное мощной армией, опасно для окружающих[559].

Среди израильских евреев отсутствует единое мнение о характере государства, а некоторые: как мы видели, просто отвергают сионизм с самого начала. Харедим, например, смотрят на государство совершенно иначе, нежели их единоверцы, ступившие на путь национал-иудаизма. Светское большинство тоже разобщено, а единство неарабского большинства сохраняется лишь благодаря ощущению опасности, укрепляющему национализм и порождающему комплекс жертвы. Память о нацистском геноциде стала одной из причин объединения израильтян под флагами сионизма, а ресурсы использования этой памяти в политических целях еще далеко не исчерпаны. В ноябре 2013 года во время посещения мемориального музея нацистского геноцида «Яд ва-Шем» находившимся в Израиле с официальным визитом французским президентом Франсуа Олландом, израильский премьер-министр с гневом осудил договоренность мировых держав с Ираном.

Активно поддерживаемое чувство страха остается главным фактором, который объединяет израильское общество.

Но страх вызывает разные реакции. Многие израильтяне предпочитают эмигрировать и строить свою жизнь за границей, в частности, в Европе[560]. Эта тенденция противоречит представлениям о Европе в сионистских СМИ как о континенте, где восторжествовал антисемитизм. В этом смысле сионизм остается верен своим истокам: он продолжает настаивать, что ненависть к евреям вечна.

В то же время само понятие «еврейское государство» начинает казаться странным и чужеродным все большему числу евреев. Ничто не разделяет евреев так, как израильский вопрос. Идея, что Государство Израиль стало воплощением Божественного обетования евреям, куда шире распространена в американском обществе в целом, нежели среди американских евреев. Среди верующих американцев евреев, разделяющих эту идею, меньше, чем христиан, что еще раз напоминает о христианских корнях сионизма.

Израиль – это государство без границ. Ни сионистское движение, ни пришедшее ему на смену израильское правительство не определяли границ своего государства. Поэтому территория Израиля постоянно меняется в зависимости от завоеваний, колонизации завоеванных земель, перемирий и мирных договоров с соседними странами. То, что Израиль – государство без границ, выражается не только в идеологическом постулате, что Израиль принадлежит всем евреям мира, даже тем, кто и не думает туда переселяться, но и в политическом подчинении Израилю еврейских организаций в разных странах. Выражение «еврейское государство» настолько часто употребляют в СМИ, что оно стало частью речевого обихода. Вместе с тем, Государство Израиль, поставившее во главу угла понятие еврейской национальности, не признает идею национальности израильской, отражающей то пестрое общество, которое сформировалось на территории государства за последний век.

Отстутствие границ проявляется и в том, что израильские официальные лица нередко вмешиваются во внутреннюю политику других стран. Например, в Соединенных Штатах для контроля над ближневосточной политикой Белого дома Израиль и его союзники все чаще использует Конгресс США, подверженный сильному влиянию сионистского лобби.

Международные границы никогда не останавливали израильские вооруженные силы от нанесения ударов – обычно безнаказанных – по целям в соседних странах, как это недавно произошло в Сирии. Израиль не обращает внимания не только на

границы, установленные международным правом, но и на нравственные границы еврейской традиции, которую основатели государства умышленно и с презрением отринули. Таким образом, Израиль, обладающий многими признаками зрелого современного государства, остается пленником сионисткой идеологии, мешающей ему повзрослеть и стать нормальной страной.

Глоссарий

Агада – религиозный текст, читаемый за пасхальной трапезой и повествующий о Божественном избавлении из плена египетского; агада с маленькой буквы – в талмудической литературе обозначает этические и поучительные наставления – в отличие от правовых разделов.

Агудат Исраэль («союз Израиля») – всемирное религиозное движение, основанное в 1912 году для сохранения иудейства и сопротивления сионизму.

Алия «подъем» – иммиграция в Израиль; однокоренное **олим** – иммигранты в Израиль.

Алият а-ноар – «переселение молодежи» – сионистская организация для привлечения в Израиль подростков в отрыве от их семей.

Ашкеназы – евреи родом из Восточной и Центральной Европы и их потомки.

Бейтар – акроним *брит йосеф трумпельдор,* Союз им. Иосифа Трумпельдора – военизированная сионистская организация, основанная Жаботинским в 1923 г.; название отсылает также к последнему оплоту Бар-Кохбы во время восстания против Рима.

Бельз (Белз) – местечко в Западной Украине, где зародилась одноименная хасидская династия.

Бунд – на идише «Всеобщий рабочий еврейский союз Литвы, Польши и России», левая антисионистская политическая партия, основанная в 1897 г.

Вижница – местечко в Буковине, где зародилась одноименная хасидская династия.

Галут – см. *Изгнание*.

Ешива – (устар. «ешибот») – учебное заведение по изучению Талмуда и иудейского права.

Зелоты – от греч. «ревнители», на ивр. *канаим* — повстанцы против римского владычества в Святой земле в начале новой эры, нередко использовавшие насилие и против евреев.

Избавление – на ивр. *геула* — богословская концепция спасения мира от зла, подразумевающая, среди прочего, конец Изгнания и чудотворное возвращение иудеев в Святую землю.

Изгнание – на ивр. *галут* — богословская концепция изгнания из Святой земли как Божественного наказания за нарушение заповедей Торы; также означает страны расселения евреев; в XX в. приобрел в сионистских кругах пренебрежительное звучание как проявление слабости и нерешительности.

Ишув – «населенное место» – собирательное название

еврейских поселений в Палестине; Старый ишув – еврейское население до начала сионистской колонизации в 1880-х гг., то есть Нового ишува.

Кнессет – «собрание» – израильский парламент.

Кошерный – «пригодный» – соответствующий иудейским правилам о пище.

Лев Тагор – «чистое сердце» – хасидская антисионистская группа, образованная ранее далекими от иудейства израильтянами в конце XX в.

Любавичи – местечко в Смоленской области, где зародилась одноименная хасидская династия, известная также как **Хабад.**

Масада – крепость на западном берегу Мертвого моря, в которой в I в. н. э. сикарии, члены еврейской радикальной антиримской группировки, предпочли захвату римлянами массовое самоубийство.

Маскилим – см. *Хаскала.*

Мессия – на ивр. *машиах,* «помазанник» – человек, потомок царя Давида, призванный принести в мир гармонию и моральное совершенство путем признания единого Бога всеми людьми и осуществить Избавление евреев.

Мизрахи – сокр. от *мизрах рухани,* «духовный центр» – название движения религиозных сионистов, основанного в Российской империи в 1904 г.; этот термин в Израиле стал означать также: «восточные евреи», то есть евреи неашкеназского происхождения.

Мицва – «заповедь», мн.ч. *мицвот* — заповеди, которым согласно Устной и Письменной Торе обязан следовать еврей.

Мишна – «повторение, учение» – основной текст Устной Торы, ставший предметом расширенных толкований, собранных в Талмуде, которые развили иудейское право и принципы еврейской нравственности.

Мункач – рус. Мукачево, на идише Минкач – местечко в Закарпатье, в настоящее время город на Украине, где зародилась одноименная хасидская династия.

Национал-иудаизм – (на ивр. *дати-леуми*) иудейское направление, сочетающее активное участие в политической и общественной жизни Израиля со строгим соблюдением заповедей; сформировалось на основе движения Мизрахи; из его рядов вышли многие поселенцы на территориях, занятых Израилем в 1967 году.

Нетурей Карта – арам. «Стражи города» – название антисионистского движения харедим, основанного в Иерусалиме в 1938 г.

Олим – см. *Алия.*

Ортодоксальное движение – оформившееся в противовес реформистскому направление в иудаизме, объединяющее сегодня евреев, строго соблюдающих иудейские законы.

Пейсы – в совр. ивр. *пеот* — пряди волос на висках, которые многие религиозные евреи оставляют неподстриженными в соответствии с их толкованием библейской заповеди (Левит, 19:27).

Ребе – ашкеназский вариант слова «раввин» – руководитель хасидской династии, являющийся для прихожан «хасидского двора» бесспорным авторитетом во всех областях жизни.

Реформистское движение – возникшее в начале XIX века в Германии направление иудаизма, изменившее ряд традиционных законов и ритуалов, в частности устранившее молитвы о возвращении в Сион. Центром его в настоящее время являются США.

Сатмар – бывшее местечко, а в настоящее время город Сату Маре в Румынии, где зародилась одноименная хасидская династия.

Сефарды – евреи родом с Иберийского полуострова и их потомки; в настоящее время термин зачастую используется для наименования всех евреев неашкеназского происхождения.

Талмуд – «изучение» – совокупность толкований Мишны, на которых основывается иудейское право и наставления по нравственности; существуют Вавилонский и Иерусалимский (или Палестинский) варианты Талмуда.

Тора – «учение» – совокупность Письменной Торы (Танаха) – иудейского Священного Писания, состоящего из 24 книг Пятикнижия, Пророков и Агиографов (Писаний), и Устной Торы, состоящей из Мидраша, Мишны, Талмуда, а также многочисленных толкований Письменной Торы, законов и моральных принципов. Считается, что Тора содержит 613 заповедей.

Традиция – совокупность законов и обычаев, охватывающих полный диапазон жизни богопослушного еврея.

Хагана – «оборона» – военизированные отряды левого крыла сионистского движения, составившие после 1948 года основу Армии обороны Израиля.

Харедим – «богобоязненные» – евреи, строго соблюдающие заповеди Торы и обычно отличаемые по верхней одежде черного цвета; их называют иногда «ультраортодоксы», термин, имеющий оценочный и потому полемический оттенок, не подходящий по тону к этой книге.

Хасид – «праведный» – последователь *хасидизма,* мистического движения за обновление иудейства, возникшего в

XVIII в. в Восточной Европе; однокоренное *хасидский.*

Хаскала – еврейский вариант европейского Просвещения, возникший во второй половине XVIII в.; однокоренное **маскилим** – сторонники Хаскалы, понимаемой также как борьба с религией.

Хахам – «мудрец, умный человек» – сефардский вариант раввинского звания.

Хибат Цион – «любовь к Сиону» – одно из ранних (1881) движений российских евреев за сельскохозяйственную колонизацию Палестины, влившееся в сионистское движение в 1896 г.; однокоренное **Ховевей Цион** – «любящие Сион».

Черта оседлости – территория в западных губерниях Российской империи, где было обязано проживать большинство евреев.

Шас – акроним *Шомре тора сефарадим,* «сефардские блюстители Торы» – политическая партия в Израиле; название партии также намекает на сокращенное название Талмуда.

Эйн брера – «нет выбора» – израильское выражение, часто используемое для объяснения военной политики Израиля.

Эмансипация – уравнение евреев в правах с остальным населением, начавшейся в XVIII в. во многих странах Европы.

Эрец Исраэль – «Земля Израилева» – термин, использованный впервые в Первой книге Самуила (13, 9); не следует смешивать его с Царством Израиля, основанном в X в. до н. э., и Государством Израиль, провозглашенным в 1948 г.

notes

Примечания

1

www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/is.html.

Chouraqui A. L'état d'Israël. Paris: PUF, 1962. P. 126.

Kawach N. Real per capita of Palestinians plunges // Emirates 24/7. 2010. January 17.

Nahmias R. GDP per capita of Arab Israelis third of that of Jews // Ynet News, 2007, January 18 // http://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-3354260,00.html.

MacIntyre D. Secret paper reveals EU broadside over plight of Israel's Arabs // The Independent. 2011. December 27.

Shindler C. A History of Modern Israel. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 7.

http://www.btselem.org/press_releases/20090909.

8

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. «Воображаемые сообщества» – понятие, определяющие любое национальное сообщество как искусственно созданное.

9

Существовали и другие виды сионизма – в частности культурный сионизм, некоторые деятели которого упомянуты в этой книге. В наши дни термин «сионизм» означает политический сионизм в том виде, в котором он существует с 1942 года.

http://news.bbc.co.uk/2/hi/in_depth/middle_east/israel_and_the_palestinians/key_documents/1682961.stm.

Именно тогда и возник термин «антисемит».

12

Пояснения слов, помеченных звездочкой, см. в Глоссарии в конце книги

13

Это движение, возникшее в XX веке, известно в Израиле как «дати-леуми», «национал-религиозное». Перевод «национал-иудаизм» используется по аналогии с введенным проф. Еврейского университета в Иерусалиме Зеевом Штернхелем термином «националистический социализм» (см. ссылку 1, стр. 93), причем краткая форма «национал-иудаизм», в отличие от «национал-социализма», не несет на себе груза исторических ассоциаций. Для анализа усиления влияния этого движения с 1967 года см.: *Charles Enderlin.* Au nom du Temple. Israël et l'irrésistible ascension du messianisme juif (1967–2013). Paris: Seuil, 2013.

14

Достоевский Ф.М. Записки из подполья. СПб.: Азбука-классика, 2008. С. 47.

Отрадин М.В. (сост.). Петербург в русской поэзии XVIII–XX века. Л.: Издательство Ленинградского ун-та, 1988. С. 148–150.

16

Давид Бен-Гурион (1886–1973) – основатель и первый руководитель Государства Израиль.

17

Цит. по: *Georges Bensoussan.* Un nom impérissable. Israël, le sionisme et la destructiono des Juifs d'Europe (1933–2007). Paris: Seuil, 2008. P. 151–152.

18

Авинери Ш. Происхождение сионизма. Основные направления в еврейской политической мысли. М.: Мосты культуры/Гешарим, 2004. С. 11.

19

Йехиль Яков Вайнберг, цит. по: *Marc Shapiro.* Between the Yeshiva World and Modern Orthodoxy. London: Littman Library of Jewish Civilization, 1999. P. 98–99.

20

Под Библией подразумевается 24 книги Торы (Пятикнижие, Пророки и Писания), которые в иудейских кругах называются Танах (аббревиатура названий трех групп книг: Тора, Невиим и Кетувим), а в христианских – Ветхий Завет.

Leibowitz Y. Peuple. Terre. État. Paris: Plon, 1995. P. 95–96.

22

Domb I. Transformation. The Case of the Neturei Karta. Brooklyn, NY: Hachomo, 1989. P. 20.

23

См.: *Рабкин Я.* Еврей против еврея. Иудейское сопротивление сионизму. М.: Текст, 2009. Гл. 3.

24

Вавилонский Талмуд. Трактат «Кетубот». С. 111а.

Leibowitz Y. Peuple. Terre. État. Paris: Plon, 1995. P. 171.

26

Вавилонский Талмуд из серии Artscroll: Talmud Bavli, Kesubos. Brooklyn, NY: Mesorah Publications, 2000. P. 110b1–2, note 15.

Ravitzky A. Messianism, Zionism, and Jewish Religious Radicalism. Chicago: University of Chicago Press, 1996. P. 18.

28

Издание английского перевода Вавилонского Талмуда из серии Artscroll («Ketuboth». P. 111a2, note 13) содержит ряд ссылок на раввинистические комментарии о трех клятвах и опасности их несоблюдения: Рабейну Бахья на Бытие, 32:7; Абарбанель, Йешуот мешихо, ч. 1, с. 11б; Кафтор ва-ферах. – Иерусалим, 5657. – С. 197; Йефе Тоар на Ваикра Раба 19, 5; Йефе Кол на Шир Ха-Ширим Раба 2, 7.

Yedei Haim. Jerusalem, Yehudiof, 1988. P. 47.

30

Йосеф Хаим Зонненфельд, цит. по: *Rosenberg A. (dir.)*. Mishkenoth ha-ro'yim. New York: Nechmod, 1984–1987. Vol. 2, P. 441.

31

Сидур «Кол Йосеф». Бруклин: Месора Артскролл, 1999. С. 107.

32

Приведена ашкеназская версия.

Там же. С. 191.

Авинери Ш. Указ. соч. С. 12.

35

Сидур «Кол Йосеф». Бруклин: Месора Артскролл, 1999. С. 679.

36

Цит. по: *Джонсон П.* Популярная история евреев. М.: Вече, 2000. С. 662.

Там же. С. 662.

Именно так иудейская практика иногда определяется в традиции.

Schwab S. Heimkehr ins Judentums. New York, n. p., 1978. (Первое издание книги было опубликовано во Франкфурте в 1934 году.)

40

Пиркей авот, 4, 2.

41

Brunet M. Qu'est-ce que l'assimilation? // Action nationale. Janvier 1956. Vol. 45. № 5. P. 388–395.

Leibowitz Y. Peuple. Terre. État.. Op. cit. P. 44.

Neusner J. Jew and Judaist, Ethnic and Religious: How They Mix in America // *Issues, American Council for Judaism* (Washington), spring 2002. P. 3–4, 10–14.

Ibid.

45

Yerushalmi Y.H. Zakhor. Histoire juive et mémoire juive. Paris: Gallimard, 1991 [c1984]. P. 40.

46

Вавилонский Талмуд. Трактат «Йома». С. 9б.

47

Вавилонский Талмуд. Трактат «Гиттин». С. 55б.

Yerushalmi Y.H. Zakhor. Op. cit. P. 38

Ibid. P. 103 (выделено в оригинале).

Подробнее см.: *Рабкин Я.* Christian and Judaic Roots of Zionism, // Українська орієнталістика. Спеціальний випуск з юдаїки. Київ: Києво-Могилянська академія, 2011. С. 304–324.

51

Kochan L. The Jew and his History. New York: Shocken Books, 1977. P. 3.

52

См., например: *Julius Guttman.* Histoire des philosophies juives. Paris: Gallimard, 1994; *Samson Raphael Hirsch*. Fundamentals of Judaism. New York: Feldman, 1969; *Léon Askenazi.* La parole et l'écrit. Paris: Albin Michel, 1999.

53

Цит. по: *Kochan L.* The Jew and his History. New York: Shocken Books, 1977. P. 105.

См.: *Idel M.* Kabbalah: New Perspectives. New Haven, CT: Yale University Press, 1998.

Abitbol M. Introduction. // *Heymann F, Abitbol M (dir.).* L'historiographie israélienne aujourd'hui. Paris: CNRS éditions, 1998. P. 20.

Schonfeld M. Genocide in the Holy Land. Brooklyn: NK of USA, 1980; *Esther Meir-Glitzenstein.* Yetsiat yehoudei taïman… Tel-Aviv: Resling, 2012.

Abitbol M. Introduction. Op. cit. P. 21–22.

Sofer R. Knesset passes Nakba law // *Ynet.* 2011. March 23 // http://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-4046440,00.html.

Eldar A. A Softer touch on the Nakba // *Haaretz. 2012. January 24.*

Rabkin Y. Nakba in Narratives about Zionism // *Kyoto Bulletin of Islamic Area Studies*. 3–1 (July 2009). P. 21–36.

61

См., например: *Bruno Bettelheim.* The Children of the Dream. New York: Macmillan, 1969; *Rina Peled.* «Ha-adam ha-hadash» shel ha-maapekha ha-tsionit. Tel-Aviv: Am Oved, 2002.

62

Харедим – евреи, которых в западных источниках часто называют «ультраортодоксами».

Yerushalmi Y.H. Zakhor. Op. cit. P. 116

Подробнее о взаимоотношениях между национализмом и социализмом в сионистской идеологии см.: *Sternhell Z.* Aux origines d'Israël. Entre nationalisme et socialisme. Paris: Gallimard, coll. «Folio», 2005 [1995].

65

См.: *Занд Ш.* Кто и как изобрел еврейский народ. М.: Эксмо, 2012.

Bartal I. Inventing an Invention // *Haaretz*. 2008. July 6.

Sachar H. M. A History of the Jews in the Modern World. New York: Vintage Books, 2005. P. 47.

Kobler F. Napoleon and the Jews. New York: Schocken Books, 1976. P. 55–57. В последнее время некоторые исследователи подвергли сомнению достоверность этого призыва и считают приписываемый перу Наполеона документ фальшивкой (*Ayoun R.* Les juifs de France de l'émancipation a l'intégration (1787–1812), Paris: Harmattan, 1997. P. 143)

Hertzberg A. The French Enlightenment and the Jews. New York: Columbia University Press, 1968.

Sternhell Z. Aux origines d'Israël. Entre nationalisme et socialisme. Paris: Gallimard, coll. «Folio», 2005 [1995]. P. 24 и далее.

Yaakov Zur, «German Jewish Orthodoxy's Attitude toward Zionism», in: Shmuel Almog, Jehuda Reinharz and Anita Shapira (dir.), *Zionism and Religion,* Hanover (NH), University Press of New England, 1998. P. 111.

Hirsch S.R. Horeb: a Philosophy of Jewish Laws and Observances. New York: Soncino Press, 1981. P. 461.

73

Йехиль Яков Вайнберг, цит. по: *Marc Shapiro*. Between the Yeshiva World and Modern Orthodoxy. L.: Littman Library of Jewish Civilization, 1999. P. 98–99.

Bein A. The Jewish Question: Biography of a World Problem. Madison (NJ): Fairleigh Dickinson University Press,1990. P. 594.

Anidjar G. Semites. Race, Religion, Literature. Stanford (CA): Stanford University Press, 2007.

Sternhell Z. Aux origines d'Israël. Op. cit. P. 113.

http://www.historyplace.com/worldwar2/holocaust/h-statistics.htm.

http://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/Immigration/First_Aliyah.html.

Popper N. Germany is Moving to End Mass Immigration of Jews from Russia // Forward. 2004. December 24.

Piterberg G. The Returns of Zionism. L.: Verso, 2008. P. 247.

Shavit A. Leaving the Zionist Ghetto // *Haaretz. 2007,* June 7. (Интервью с Авраамом Бургом.)

Wistrich R.S. Zionism and Its Religious Critics in Vienna // *Almog S., Reinharz J. and Shapira A (eds.)*. Zionism and Religion. Op. cit. P. 145.

Sharif R. Non-Jewish Zionism; its Roots in Western History. L.: Zed, 1986. P. 39.

Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // http://www.bim-bad.ru/docs/kant_anthoropology.pdf.

85

Fichte J.G. Saemtliche Werke. Berlin, 1846. Vol. VI. P. 149–150. Цит. по: *Sharif R.* Non-Jewish Zionism. Op. cit. P. 38.

Friedman I. The Question of Palestine: British-Jewish-Arab Relations, 1914–1918. Brunswick (NJ): Transaction Publishers, 1992. P. xvi.

Цит. по: *Sharif R.* Non-Jewish Zionism. Op. cit. P. 58.

Ibid.

Oliphant L. The land of Gilead, with excursions in the Lebanon. Edinburgh and London: W. Blackwood and Sons, 1880. P. 285–286.

Ibid. P. 317.

Duvernoy C. Le prince et le prophète. Vannes: Keren Israël, 1996.

Chouraqui A. Préface // *Duvernoy C.* Le prince et le prophète. Op. cit. P. 4.

Ibid. P. 3–4.

Shindler C. A History of Modern Israel. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 92.

Ben Gourion D. Israël, années de lutte. Paris: Flammarion, 1964. P. 60.

Ibid. P. 72.

Занд Ш. Указ. соч. С. 334–336.

Ben Gourion D. Israël, années de lutte. Op. cit. – P. 79.

http://jssnews.com/2010/04/01/discours-video-en-francais-de-benjamin-netanyahu-a-laipac-22032010/.

http://www.nytimes.com/2012/05/01/world/middleeast/benzion-netanyahu-dies-at-102.html.

101

Цит. по: *Sieffert D.* Éloge de la pensée binationale // Politis. 2007. 17 mai.

102

Peel Commission – королевская комиссия, созданная в 1936 году для изменения условий британского мандата и урегулирования ситуации в Палестине, погрязшей в межэтническом насилии.

Hagee J. Christians United for Israel // http://www.pbs.org/moyers/journal/10052007/profile.html.

Segev T. On the Third Thought // Haaretz Magazine. 2005. August 5.

Sharif R. Non-Jewish Zionism; its Roots in Western History. L.: Zed, 1986.

Shohat E. Le sionisme vu par ses victimes juives. Paris: La Fabrique, 2006.

107

Цит. по: *Барнави Э., Фридлендер, С.* Евреи и XX век: Аналитический словарь. М.: Текст/Лехаим, 2004, С. 217.

Авинери Ш. Происхождение сионизма. Основные направления в еврейской политической мысли. М.: Мосты культуры/Гешарим, 2004. Гл. 1.

109

Там же.

Барнави Э., Фридлендер С. Евреи и XX век: Аналитический словарь. М.: Текст/Лехаим, 2004. С. 216.

111

Laqueur W. Histoire du sionisme. Paris: Calmann-Lévy, 1973. P. 107–108.

Black E. The Transfer Agreement: the Dramatic Story of a Pact between the Third Reich and Jewish Palestine. New York: Macmillan, 1984.

113

Preil J.J. Davar lemeshiv // Hamelitz. 1894. № 183–184. P. 1–2. Йосеф Сальмон, цит. по: *Almog S., Reinharz J. and Shapira A (eds.)*. Zionism and Religion. Hanover (NH): University Press of New England, 1998. P. 30.

Adelman J. The Rise of Israel: A History of a Revolutionary State. New York: Routledge, 2008. P. 200 и далее.

Fishkoff S. Israeli population in U.S. surges, but exact figures hard to determine // *JTA. 2010.* December 22 // http://www.jta.org/news/article/2010/12/22/2742296/israeli-population-jumps-in-the-us-but-is-still-hard-to-count.

Sharif R. Non-Jewish Zionism. Op. cit. P. 62.

117

Domb I. Transformation. The Case of Neturei Karta. Brooklyn: Hachomo, 1989. P. 17.

Grodzinksy Y. In the Shadow of the Holocaust: The Struggle between Jews and Zionists in the Aftermath of World War II. Monroe (ME): Common Courage Press, 2004. P. 230.

Zertal I. Israel's Holocaust and the Politics of Nationhood. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 284.

Rabinowitch I.M. Political Zionists and the State of Israel // *The [Jewish] Guardian*. April 1974. № 1. P. 10.

121

Барнави Э., Фридлендер С. Евреи и XX век: Аналитический словарь. М.: Текст/Лехаим, 2004. С. 228.

122

Heichler L. Israel: An Insoluble Problem // Issues of the American Council for Judaism. Washington (DC). Summer 2002. P. 5–6. (Поллард, американский еврей, бывший аналитик военно-морской разведки, отбывает в данный момент в США пожизненное заключение за шпионаж в пользу Израиля.)

123

Peters R. // *New York Post*. 2003. September 3. Цит. по: *Brownfeld A.C. (ed.)*. Pollard Seeks New Hearing; Jewish Groups Are Criticized for Seeking His Release // American Council for Judaism Special Interest Report, 32(5). 2003. P. 2.

124

Poll: 50 % in U.K. think Jews more loyal to Israel than home nation // Haaretz. 2007. July 17.

Marmari H. In France, Cause for Real Anxiety // Haaretz. 2002. May 10.

126

Ben Gourion D. Israël, années de lutte. Paris: Flammarion, 1964. P. 186.

Avnery U. Manufacturing Anti-Semites // http://www.gush-shalom.org/archives/article213.html, 28.09.2002.

128

Беседаы автора с раввином Менаше Фуллопом, 11 ноября 2002 года, Вильямсбург, Нью-Йорк.

http://news.reformjudaism.org.uk/press-releases/update-from-the-new-israel-fund.html.

Авинери Ш. Указ. соч. С. 463–466.

Michaelson J. What are Jewish issues? // Forward. 2008, August 22 // www.forward.com/articles/14029

Blank D.E. The New York Times' Strange Attack on Classical Reform Judaism // Issues of the American Council for Judaism (Washington). Fall 2002. P. 5–14.

www.tikkun.org.

Rabbi David Goldberg. Let Us Have a Sense of Proportion // The Guardian. 2002. January 31.

Siegman H. Separating Spiritual and Political, He Pays a Price // New York Times. 2002. June 13.

Solomon A. Intifada Dyptich // Jewish in America, Special Issue. Michigan Quarterly Review. XLI (4). 2002. P. 650.

137

Yehuda Bauer. Israel's genocidal nationalists. Интервью телекомпании Аль-Джазира. 8 января 2012 года // www.aljazeera.com/programmes/talktojazeera/2012/01/20121774656322518.html.

Schechtman J.B. Fighter and Prophet. New York: Thomas Yoseloff, 1961. P. 411.

139

Перевод В. Жаботинского // http://heblit.bravepages.com/hnb/hnb01.html.

Schechtman J.B. Fighter and Prophet. Op. cit. P. 410.

141

Шломо Авинери, цит. по: *Almog S. et al., (eds.)*. Zionism and Religion. Hanover (NH): Brandeis University Press and University Press of New England, 1998. P. 6.

Don-Yehiya E., Liebman C.S. The Symbol System of Zionist-Socialism: An Aspect of Israeli Civil Religion // Modern Judaism. September 1981. № 2. Vol. 1. P. 121–148

Sternhell Z. Aux origines d'Israël. Entre nationalisme et socialisme. Paris: Gallimard, coll. «Folio», 2005 [1995]. P. 114.

144

Цит. по: *Shapira A.* Land and Power: the Zionist Resort to Power. New York: Oxford University Press, 1992. P. 102.

145

IDF To Remove ”God” From Memorial Text // The Jewish Daily Forward. 2012. May 17.

Avishay Ben-Haim, *Ish HaHashkafah: Haldeologia HaHaredit al pi HaRav Shach,* Jerusalem, Mosaica, 2004, p. 54–70.

Reinharz Y. Zionism and Orthodoxy: A Marriage of Convenience // Zionism and Religion. Op. cit. P. 116–139.

Leibowitz Y. Peuple. Terre. État. Paris: Plon, 1995. P. 176.

Neumann M. The Case Against Israel. Petrolia/Oakland (CA): CounterPunch/Ak Press, 2005.

150

Цит. по: *Shafer G.* Origins of the Israeli-Palestinian Conflict // *Silberstein L.J. (ed.)*. Postzionism: a reader. New Brunswick (NJ): Rutgers University Press, 2008. P. 47.

Shapira A. Land and Power. Op. cit. P. 355.

152

Morris B. Righteous Victims. New York: Vintage Books, 2001. P. 676.

Ezrahi Y. Rubber Bullets: Power and Conscience in Modern Israel. Berkeley: University of California Press, 1998.

Yiftachel O. Ethnocracy: the Politics of Judaising Israel/Palestine // *Silberstein L.J. (ed.).* Postzionism: A Reader. Op. cit. P. 141

Ibid. P. 120–130.

Ibid. P. 131.

157

Blau A. A Call from Jerusalem // The [Jewish] Guardian. April 1974. № 1. P. 2–3.

158

Давид Бен-Гурион, цит. по: *Sternhell Z.* Aux origines d'Israël. Op. cit. P. 48.

159

В предисловии к своей книге Штернхель тратит немало усилий, чтобы не называть политическую систему Бен-Гуриона «национал-социализмом», и изобретает с этой целью термин «националистический социализм» (Ibid. Introduction. Socialisme, nationalisme et socialisme nationaliste).

160

Жаботинский, В. О железной стене // Разсвет (Париж). № 42/43 (79/80). 4 ноября 1923 года.

161

Sharif R. Non-Jewish Zionism: Its Roots in Western History. Londres: Zed Books, 1986. P. 78.

Shapira A. Land and Power. Op. cit. P. 366–367.

Honig-Parnass T. False Prophets of Peace. Liberal Zionism and the Struggle for Palestine. Chicago: Haymarket Books, 2011.

Шломо Авинери, цит. по: Zionism and Religion. Op. cit. P. 3.

Berend I. History derailed: Central and Eastern Europe in the long nineteenth century. Berkeley: University of California Press, 2003. Chap. 2.

Чтобы понять исторический контекст, в котором возникла эта литература, см.: *Aberbach D.* Revolutionary Hebrew, Empire and Crisis: Four Peaks in Hebrew Literature and Jewish Survival. New York: New York University Press, 1998.

Mendes-Flohr P.R., Reinharz J. (eds.). The Jew in the modern world: a documentary history. New York: Oxford University Press, 1995. P. 83.

168

Неологизм «галути», то есть «относящийся к изгнанию, диаспоре», отражает презрение к жизни в диаспоре, представленной как жизнь без корней и национальной гордости. Термин был внедрен в современный иврит двумя весьма националистическими авторами: Итамаром Бен-Ави, сыном Элиэзера Бен-Иегуды, и Ури Цви Гринбергом. Его можно сравнить с понятием «безродные космополиты», которое было введено в России во время сталинских антисемитских преследований и также имело резко отрицательную коннотацию, хотя и более ограниченную, нежели ивритский «галути».

169

Saposnik A.B. Becoming Hebrew: the Creation of Jewish National Culture in the Ottoman Palestine. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 269.

Ренан Э. Что такое нация? // *Ренан Э.* Собрание сочинений в 12-ти томах / Перевод с французского под редакцией В.Н. Михайловского. Киев, 1902. Т. 6.

171

Chaver Y. What Must be Forgotten: the Survival of Yiddish in Zionist Palestine. Syracuse (NY): Syracuse University Press, 2004. P. 16–17.

Masalha N. The Bible and Zionism: Archeology and Post-Colonialism in Palestine-Israel. London: Zed Books, 2007.

Steiner T.Y. Pedouyoth Tuvya. Bnei-Brak: s.n., 1996. P. 37.

Parsha Pearls from the Words of the Gedolim // True Torah Jews. Brooklyn. May 2009.

Ellis M.H. Out of the Ashes: The Search for Jewish Identity in the Twenty-first Century. London: Pluto Press, 2002. P. 6.

Shapira E.S. Or la-yesharim. Warszawa, Meir Yehiel Alter et al., 1900. P. 56–57. Цит. по: *Ravitzky A.* Messianism. Op. cit. P. 4.

Ravitzky A. Messianism. Op. cit. P. 131–137.

Bartal I. Responses to Modernity // Zionism and Religion. Op. cit. P. 21.

Ben Gourion D. Israël, années de lutte. Op. cit. P. 132.

Hochberg G.Z. In Spite of Partition: Jews, Arabs and the Limits of Separatist Imagination. Princeton (NJ): Princeton University Press, 2007. P. 30

Zuckerman G. Yisraelit safa yafa. Tel-Aviv: Am Oved, 2009.

182

Иерусалимский Талмуд. Трактат «Брахот» (2, 8) содержит такое упоминание: «Мать издевается над человеком, а мачеха осыпает его почестями – куда ему пойти?» Речь идет о мудреце, к которому плохо относились в Земле Израиля, но с почетом приняли в Вавилоне. Несмотря на заключенную в истории иронию, ссылка на нее используется в книге «Эм а-баним семеха» («Радуется мать детей») – страстном призыве к переезду в Палестину, написанном во время Второй мировой войны: *Teichtal Y.S.* Restoration of Zion as a Response during the Holocaust. Hoboken (NJ): Ktav, 1999. P. 33–36, 192–203. В ней призывают «покинуть землю Изгнания и вернуться в объятия матери – Земли Израиля» (p. 229).

183

«Для нас “Эрец Исраэль” – это не родина… Невозможно представить, что простое обладание Землей Израиля делает нас нацией», – писал раввин Вассерман (цит. по: *Sorasky A.* Reb Elchonon. New York: Mesora Publications, 1996. P. 224).

Chaver Y. What Must be Forgotten: The Survival of Yiddish in Zionist Palestine. Syracuse (NY): Syracuse University Press, 2004. P. 40.

Saposnik A.B. Becoming Hebrew: The Creation of Jewish National Culture in the Ottoman Palestine. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 252.

186

Циркулярное письмо, разосланное русским раввинам Раввинским судом Иерусалима. *Йосеф Сальмон*, цит. по: Zionism and Religion. Op. cit. P. 28.

Eraqui-Klorman B-Z. Yemen *// Simon R.S., Laskier M.M., Reguer S. (eds.)*. The Jews of the Middle East and North Africa in modern times. New York: Columbia University Press, 2003. P. 406.

Peres S., Landau D. Ben-Gurion: A Political Life. New York: Schocken Books, 2011. P. 83.

Heller M. La machine et les rouages: la formation de l'homme soviétique. Paris: Calmann-Lévy, 1985.

Sternhell Z. Aux origines d'Israël. Op. cit. P. 55.

191

См., например: *Menahem N.* Israël: tensions et discriminations communautaires. Paris: L'Harmattan, 1986.

Efron N. Trembling with Fear: How Secular Israelis See the Ultra-Orthodox, and Why // Tikkun. 1991. Vol. 6. № 5. P. 15–22, 88–90.

Ibid. P. 16, 18–19.

Передовая статья // Haaretz «Musaf» Elul. 1943. 5703.

195

Malraux A. Préface // *Lazar N., Izis, Neher A.* Israël. Lausanne: La Guilde du livre, 1955. P. 9.

Rose J. The Question of Zion. Princeton (NJ): Princeton University Press, 2005. P. 91–92.

Falk R. Zionism, Race and Eugenics // *Cantor G., Swetlitz M. (eds.)*. Jewish Tradition and the Challenge of Darwinism. Chicago: Chicago University Press, 2006. P. 150.

Ibid. P. 155.

Занд Ш. Кто и как изобрел еврейский народ. М.: Эксмо, 2012. С. 460.

Bensoussan. G. Un nom impérissable. Israël, le sionisme et la destruction des Juifs d'Europe (1933–2007). Paris: Seuil, 2008. P. 76–77.

Efron N. Trembling with Fear. Op. cit. P. 16.

Ibid.

203

Ibid. (Для более глубокого изучения темы см.: *Efron N.* Real Jews: Secular versus Ultra-Orthodox and the Struggle for Jewish Identity in Israel. New York: Basic Books, 2003.)

Недавняя выставка в Музее Израиля в Иерусалиме красноречиво свидетельствует о переносе статуса святынь с иудейских на национальные символы.

Geffen Y. Trading Anna Karenina for Golda Meir // Lilith. 2002. Vol. 27. № 1. P. 11–15.

Барнави Э. Сионизм // *Барнави Э., Фридлендер, С.* Евреи и XX век. Указ. соч. С. 218.

207

Хаим Соловейчик, цит. по: *Rosenberg A.* (dir.). Mishkenoth haro'yim. New York: Nechmod, 1984–1987 (3 tomes). Vol. 1. P. 269.

Levi-Barzilai V. Divine Secrets of the Basia Sisterhood // Haaretz. 2002. February 13.

Leibowitz Y. Peuple, Terre, État. Op. cit. P. 111.

Wasserman E.B. Yalkout maamarim u-mikhtavim. Brooklyn: s.n., 1986. P. 7.

211

Цит. по: *Shindler C.* A History of Modern Israël. Op. cit. P. 16.

212

Иегуда Леон Магнес, цит. по: *Berger E.* Judaism or Jewish Nationalism: the Alternative to Judaism. New York: Bookman Associates, 1957. P. 32.

213

Адин Штейнзальц. Кто мы: трагические актеры или самобытная нация? // Время и мы. 2000. № 146, стр. 193.

Gonen J.Y. A Psychohistory of Zionism. New York: Mason Charter, 1975. P. 334.

215

Rabbin Schneerson S.B. Three Questions and Answers on Zionism and Zionists // Jewish Guardian. Spring 1984. Vol. 2. № 8. P. 19–24.

Stampfer S. Ha-yeshiva ha-litait ba-me'ah ha-tesh'a-'esreh. Jérusalem: Merkaz Zalman Shazar le-toldot Yisrael, 1995. P. 224.

217

Боаз Эврон, цит. по: *Leibowitz Y.* Peuple. Terre. État. Op. cit. P. 132.

Oliphant L. The Land of Gilead. Op. cit. P. 526.

Encyclopaedia Judaica. 1971. Vol. 8. Col. 729–730.

См.: *Tessendorf K.C.* Kill the Tsar: Youth and Terrorism in Old Russia. New York: Atheneum, 1986.

221

См.: *Landry T.* La valeur de la vie humaine en Russie (1836–1936). Québec: Les Presses de l'Université Laval, 2001.

Kriegel M. La société israélienne et le passé juif // Le Débat. 1994/5. № 82. P. 104.

Moses E. (dir.). Anthologie de la poésie en hébreu moderne. Paris: Gallimard, 2001. P. 155–156.

Sternhell Z. Aux origines d'Israël. Op. cit. P. 108.

Rosenheim J. Ausgewählte Aufsätze und Ansprachen. Frankfurt-am-Main, 1930. Vol. 2. P. 104. Цит. по: *Zur Y.* German Jewish Orthodoxy's Attitude toward Zionism // Zionism and Religion. Op. cit. P. 111.

Schechtman J.B. Fighter and Prophet. New York: Thomas Yoseloff, 1961. P. 297.

Who is Who in Israel 1960 // *Gilbert M.* The Atlas of Jewish History. New York: William Morrow & Company, 1992. P. 115.

Kenbib M. Juifs et musulmans au Maroc, 1859–1948. Rabat: Université Mohammed V, 1994. P. 478.

Adelman J. The Rise of Israel. A History of a Revolutionary State. New York: Routledge, 2008. P. 37.

BBC survey claims Israel has least positive image of any country // *Haaretz*, 2006, March 6.

Фурман Д. Нас объединяет жестокость // Московские новости. 2002. 20 ноября.

Радышевский Д. Русские спасут Израиль // Московские новости. 2002. 20 ноября.

http://jerusalem-temple-today.com/for/viewtopic.php?f=80&t=5065.

http://izrus.co.il/wfre/index.php?articleid=18695.

Bensoussan G. Un nom impérissable. Israël, le sionisme et la destruction des Juifs d'Europe (1933–2007). Paris: Seuil, 2008. P. 63.

236

Хаим Вейцман, цит. по: *Rabinowitch I.M.* Political Zionists and the State of Israel. // *The [Jewish] Guardian*. April 1974. no 1. P. 10.

Evron B. Jewish State or Israeli Nation. Bloomington: Indiana University Press, 1995. P. 259–261.

Rabinowitch I.M. Political Zionists and the State of Israel. Op. cit. P. 11. Также см.: *Hecht B.* Perfidy. New York: Julian Messner, 1961.

Rabinowitch I.M. Political Zionists and the State of Israel. Op. cit. P. 10.

Duvernoy C. Le prince et le prophète. Vannes: Keren Israël, 1996. P. 193.

Bensoussan G. Un nom impérissable. Op. cit. P. 19.

242

Цит. по: *Porat D.* Une question d'historiographie: l'attitude de Ben Gourion a l'égard des juifs d'Europe a l'époque du génocide // *Heymann F., Abitbol M. (dir.).* L'historiographie israélienne aujourd'hui. Paris: CNRS éditions, 1998. P. 120.

Bensoussan G. Un nom impérissable. Op. cit. P. 71.

Ibid– P. 128.

Ibid. P. 51.

Ross J. Rabbi Outcast. Elmer Berger and American Jewish Anti-Zionism. – Washington (DC): Potomac Books, 2011. P. 76.

247

Цит. по: *Rabinowitch I.M.* Political Zionists and the State of Israel. Op. cit. P. 9.

Sussman L.R. Judaism for All Seasons // The Christian Century. 1963. April 3. P. 428.

249

См., например: *Segev T.* Le septième million. Les Israéliens et le génocide. Paris: Liana Lévy, 2003.

Blau R. Les gardiens de la cité: histoire d’une guerre sainte. Paris: Flammarion, 1978. P. 184–185.

251

Шабтай Бен-Цви, цит. по: Ibid. P. 122.

Greenstein H.R. Turning Point: Zionism and Reform Judaism. Chico (CA): Scholars Press, 1981. P. 79.

Sternhell Z. The Founding Myths of Israel. Op. cit. P. 50.

Ross J. Rabbi Outcast. Op. cit. P. 141.

Prinz J. Zionism under the Nazi Government // Young Zionist. London. November 1937. P. 18.

Недавно вышедший израильский фильм «Квартира» подробно рассказывает об этой истории: *Catsoulis, Jeannette*, ”On One Coin, a Swastika and a Star of David” // New York Times, October 18, 2012, http://movies.nytimes.com/2012/10/19/movies/the-flat-a-jewish-family-history-in-a-documentary.html

Black E. The Transfert Agreement: The Dramatic Story of a Pact between the Third Reich and Jewish Palestine. New York: MacMillan, 1984.

Моше Циммерман, цит. по: *Leibowitz Y.* Peuple. Terre. État.. Op. cit. P. 61.

Bensoussan G. Un nom impérissable. Op. cit. P. 230.

Kennan O. Between Memory and History: the Evolution of Israeli Historiography of the Holocaust. New York: Peter Lang, 2005. P. 31.

Ibid. P. 15.

Zertal I. Israel's Holocaust and the Politics of Nationhood. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 95.

Chaumont J-M. La concurrence des victims: génocide, identité, reconnaissance. Paris: La Découverte, 1997. P. 32.

Cesarini D. After Eichmann: Collective Memory and the Holocaust since 1961. London: Routledge, 2005. P. 23 и далее.

265

Цит. по: *Liebman C.S., Don Yehiya E.* The Symbol System of Zionist-Socialism: An Aspect of Israeli Civil Religion // Modern Judaism. Septembre 1981. Vol. 1, № 2. P. 178.

Хаим Гури, цит по: *Bensoussan G.* Un nom impérissable. Op. cit. P. 165.

http://ria.ru/world/20140127/991433981.html

Mala K. Israeli Warplanes over Auschwitz // Reuters. 2003. September 4.

ADL Survey Finds Vast Majority of Israeli Teenagers Aware of Global Anti-Semitism // http://www.adl.org/PresRele/IslME_62/5014_62.htm.

Цит. по: *Liebman C.S., Don Yehiya E.* The Symbol System of Zionist-Socialism». Op. cit. P. 184.

Klepfisz I. Dreams of an Insomniac – Portland (OR): Eighth Mountain, 1990. P. 130–131.

Foot P. Palestine's Partisans // *The Guardian*. 2002. August 21.

Арендт, Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа, 2008.

Aschheim S., ed., Hannah Arendt in Jerusalem, Oakland, CA: University of California Press, 2001.

Цит. по: *Liebman C.S., Don Yehiya E.* The Symbol System of Zionist-Socialism». Op. cit. P. 184.

Auron Y., Katzenell J., Silberklang D. Holocaust and the Israeli Teacher. // Holocaust and Genocide Studies. 1994. Volume 8, Issue 2. P. 225–257.

Sober M. Beyond the Jewish State. Toronto: Summerhill Press, 1990. P. 49.

См., например: *Soloveitchik J.D.* Fate and Destiny. Hoboken (NJ), Ktav, 2000. *Йосеф Дов Соловейчик* – один из самых влиятельных современных ортодоксальных мыслителей.

См. среди прочего: Вавилонский талмуд. Трактат «Мегилла». С. 14a; Трактат «Санхедрин», С. 47a; комментарий Раши на Исход, 14:10. См. также: *Ben-Israel M.* De la fragilité humaine et de l'inclinaison de l'homme au péché. Paris: Éditions du Cerf, 1996.

Rav Elchonon Wasserman // Jewish Guardian. July 1977. № 12.

Wasserman E. Epoch of the Messiah. Brooklyn: Ohr Elchonon, (без даты); русское издание: Вассерман, рав Э. Б. Перед приходом машиаха. Иерусалим: Швут Ами, 1995..

Schwab S. Homecoming to Judaism. New York: s.n., 1978. P. 5. (Оригинальное немецкое издание книги («Heimkehr ins Judentums») было опубликовано во Фракфурте в 1934.)

Ibid. P. 15–16.

Wasserman E. Epoch… Op. cit. P. 23.

285

Цит. по: *Hirsch M.* Reb Amrom's Last Demonstration // *The [Jewish] Guardian*. July 1974, № 2. P. 5–6.

Cashman G.F. No stranger to controversy // Jerusalem Post. 2000. May 24.

287

Statement to UN Special Committee on Palestine. // Jewish Guardian. November 1974. № 3. P. 4.

The New York Times. 1937. July 18.

Wagner M. Exclusive: No shuls, please, we're atheists // Jerusalem Post. 2006. November 3.

Bensoussan G. Un nom impérissable. Op. cit. P. 139–140.

291

Цит. по: *Liebman C.S., Don Yehiya E.* The Symbol System of Zionist-Socialism». Op. cit. P. 184.

Oz A. The Slopes of Lebanon. San Diego: Harcourt, Brace et Jovanovich, 1989. P. 40.

Liebman C.S., Don Yehiya E. The Symbol System of Zionist-Socialism». Op. cit. P. 237.

Ibid. P. 237–238.

Ross J. Rabbi Outcast. Op. cit. P. 181.

Helm, S., An Israeli prophet sees signs of hope // The Independent, February 1, 1993.

https://www.youtube.com/watch?v=vKZtzmjm-FM

298

Вавилонский Талмуд. Трактат «Баба-Кама». С. 60а.

299

Вавилонский Талмуд. Трактат «Шевуот». С. 39а.

Wasserman E. Epoch… Op. cit. P. 44–45.

Ibid. P. 46.

Blau R. Les gardiens de la cité. Op. cit. P. 296.

Wasserman E. Epoch… Op. cit. P. 24.

Eliach Y. Hasidic Tales of the Holocaust. New York: Vintage Books, 1982. P. 160–161.

Ibid. P. 19.

Ibid. P. xxxii.

307

Беседа с раввином Моше Дов Беком, Монси (штат Нью-Йорк), 11 ноября 2002 года.

Warsaw Ghetto Revolt: True or Fiction? The Torah View // Jewish Guardian. Spring 1984. Vol. 2. № 8. P. 5–7.

Ibid. P. 6.

http://www.moia.gov.il/Moia_en/AboutIsrael/AliyaList.htm.

Shindler C. A History of Modern Israel. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 19.

http://www.moia.gov.il/Moia_en/AboutIsrael/AliyaList.htm.

Pappe I. Le nettoyage ethnique de la Palestine. Paris: Fayard, 2008.

Leibowitz Y. Peuple. Terre. État. Paris: Plon, 1995. P. 95–96.

Morris B. The New Historiography // *Silberstein L.J.* Postzionism: A Reader. New Brunswick (NJ): Rutgers University Press, 2008. P. 31–45.

Morris B. Israel"s Border Wars, 1949–1956: Arab Infiltration, Israeli Retaliation, and the Countdown to the Suez War. Cambridge: Clarendon Press, 1997. P. 431–432.

Shindler C. A History of Modern Israel. Op. cit. P. 93.

Ibid. P. 95.

Mashiach C. Children's literature in Hebrew // *Jewish Women's Archive* // http://jwa.org/encyclopedia/article/childrens-literature-in-hebrew.

Собственная оценка Эли Барнави; тем не менее она кажется верной даже для самого идеологизированного периода сионистской колонизации. См.: *Alroey G.* Aliya to America? A Comparative Look at Jewish Mass Migration, 1881–1914 // Modern Judaism. 2008. Vol. 28. Issue 2. P. 109–133.

Shohat E. Rupture and Return: Zionist Discourse and the Study of Arab Jews // *Silberstein L.J.* Postzionism. Op. cit. P. 248.

Ibid. P. 251.

Shenhav Y. History Begins at Home // *Silberstein L.J.* Postzionism. Op. cit. P. 264.

Abitbol M. Introduction // *Heymann F., Abitbol M. (dir.).* L'historiographie israélienne aujourd'hui. Paris: CNRS éditions, 1998. P. 15–16.

325

Для более детального изложения этой главы сионистской истории см.: *Schonfeld M.* Genocide in the Holy Land. Brooklyn: NK of USA, 1980. (Автор указанной книги выдвигает против сионистов обвинения, которые несколькими годами позже подтвердят многие исследователи. См., например: *Shohat E.* Le sionisme vu par ses victimes juives. Paris: La Fabrique, 2006.)

Blau R. Les gardiens de la cité: histoire d'une guerre sainte. – Paris: Flammarion, 1978. P. 275.

Blau A. A Call from Jerusalem // *The [Jewish] Guardian*. April 1974. № 1. P. 2–3.

Blau R. Les gardiens de la cité. Op. cit. P. 187–188.

Weiss M. The Chosen Body: The Politics of the Body in Israeli Society. – Stanford (CA): Stanford University Press, 2002. P. 61; *Halevi Y.K.* Where Are Our Children? // Jerusalem Report. 1996. March 21. P. 14–19.

Blau R. Les gardiens de la cité. Op. cit. P. 271.

Ibid. P. 273.

Salmon Y. Zionism and Anti-Zionism in Traditional Judaism in Eastern Europe // Almog S. *et al., (eds.)*. Zionism and Religion. Hanover (NH): Brandeis University Press et University Press of New England, 1998. P. 25.

Leibowitz Y. Peuple. Terre. État. Paris: Plon, 1995. P. 133.

Central Rabbinical Council. A Clarification of Torah Doctrine // New York Times. 2008. January 8. P. A-20.

Leibowitz Y. Peuple. Terre. État. Op. cit. P. 144.

Marmorstein E. Religious Opposition to Nationalism in the Middle East. // International Affairs. July 1952. Vol. 28. № 3. P. 344–359.

Шмуэль Альмог, цит. по: Zionism and Religion. Op. cit.; *Ravitzky A.* Messianism, Zionism, and Jewish Religious Radicalism. Chicago: The University of Chicago Press, 1996; *Luz E.* Parallels Meet: Religion and Nationalism in the Early Zionist Movement, 1882–1904. Philadelphia: Jewish Publication Society, 1988; *Salmon Y.* Religion and Zionism: First Encounters. – Jerusalem: Magnes Press, 2002.

Breuer M. Modernity within Tradition: the Social History of Orthodox Jewry in Imperial Germany. New York: Columbia University Press, 1992; *Lowenstein S.* Frankfort on the Hudson: the German-Jewish Community in Washington Heights, 1933–1983. Detroit: Wayne University Press, 1989.

Greenstein H.R. Turning Point: Zionism and Reform Judaism. Chico (CA): Scholars Press, 1981.

Самым полным источником антисионистской мысли харедим является следующая антология: *Rosenberg A. (dir.)*. Mishkenoth haro'yim, 3 tomes. New York: Nechmod, 1984–1987.

Авинери Ш. Происхождение сионизма. Основные направления в еврейской политической мысли. М.: Мосты культуры/Гешарим, 2004.

342

Там же.

343

Там же.

Йосеф Сальмон, цит. по: Zionism and Religion. Op. cit. P. 32.

345

Письмо Александра Лапидоса Мордехаю Элиасбергу, процитированное Йосефом Сальмоном. Ibid. P. 25.

Domb I. Transformation. The Case of the Neturei Karta. Brooklyn: Hachomo, 1989. P. 14–15.

Мориц Гюдеман, цит. по: *Wistrich R.S.* Zionism and its Religious Critics in Vienna // Zionism and religion. Op. cit. P. 151.

Ibid. P. 150.

Landau S.Z. (dir.). Or la-yesharim. Varsovie: Heller, 1900.

Weingott E. Orah le-Tsion. Varsovie: s.n., 1902; *Steinberg A,B. (dir.)*. Daath Harabanim. Varsovie: Y. Unterhendler, 1902.

351

Авраам Барух Штейнберг, цит. по: *Lévyne E.* Judaïsme contre sionisme. Paris: Clerc, 1969. P. 226.

Rubin I. Satmar. An Island in the City. Chicago: Quadrangle Books, 1972. P. 40.

Ibid. P. 95.

Цит. по: *Danziger H.* Guardian of Jerusalem. Brooklyn: Mesorah, 1983. P. 450.

355

Коллекция текстов, выдвигающих аргументы против участия в израильских выборах, содержится в Milhamoth Hashem – Monroe, NY, 1983.

Naimi A.S. ben-Itzhak. (dir.), Ari Ala mi-Bavel. Jerusalem: Shemesh Tsedaka, 1986. P. 109.

357

Отсылка к Библии: «Господь же шел пред ними днем в столпе облачном, показывая им путь, а ночью в столпе огненном, светя им, дабы идти им и днем и ночью» (Исход, 13:21).

Yehudiof D. Hasabba Kadisha Baba Salé. Netivot: Baruck Abuhatsera, 1987. Vol. 2. P. 217–219.

359

Хофец Хаим, цит. по: *Rosenberg A. (dir.).* Mishkenoth ha-ro'yim. Op. cit. Vol. 2. P. 505.

360

Statement to UN Special Committee on Palestine, цит. по: The Jewish Guardian. November 1974. № 3. P. 2.

Rosenberg A. (dir.). Mishkenoth ha-ro'yim. New York: Nechmod, 1984–1987 (3 tomes). Vol. 3. P. 912.

Friedman M. The State of Israel as a Theological Dilemma // *Kimmerling B. (ed.)*. The Israeli State and Society: Boundaries and Frontiers. Albany: State University of New York Press, 1989. P. 165–215.

Avishay Ben-Haim, *Ish HaHashkafah: HaIdeologia HaHaredit al pi HaRav Shach,* Jerusalem, Mosaica, 2004, p. 172.

Shindler C. A History of Modern Israel. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 26.

365

Для краткой информации о партии см.: «Шас» в Электронной еврейской библиотеке // http://www.eleven.co.il/article/14759

366

Встречи на радио «Kol Haneshama», Иерусалим, день 49-й годовщины основания Государства Израиль, 12 мая 1997 года.

367

См., например: *Helmreich W.B.* The World of the Yeshiva: an Intimate Portrait of Orthodox Jewry. New Haven (CT): Yale University Press, 1986.

Своего рода сан, который присваивают потомственным руководителям т. н. «хасидских дворов», называемых по аналогии с царскими.

Weiss A. Ultra-Orthodox Break From Tradition // Forward. 2007. November 28.

Hirsch M. Reb Amrom's Last Demonstration // The [Jewish] Guardian. July 1974, № 2. P. 5.

Teitelbaum Y. Vayoel Moshe. Brooklyn: Jerusalem Book Store, 1985. Vol. 2, section 157.

Feinstein M. Iggueroth Moshe. Brooklyn: Moriah Offset Company, 1959. Orah Haim, siman (№) 46. P. 105.

373

Беседа автора с раввином Меиром Веберманом, Вильямсбург, Нью-Йорк, 11 ноября 2002 года.

Ravitzky A. Messianism, Zionism, and Jewish Religious Radicalism. Chicago: The University of Chicago Press, 1996. P. 35.

Shapiro M. Between the Yeshiva World and Modern Orthodoxy. London: Littman Library of Jewish Civilization, 1999. P. 12.

Polonsky P. Rav Avraham Itzhak Hacohen Kouk. Jérusalem: Mahanaïm – Beit Harav, 2006. P. 16.

Oren M. Seven Existential Threats // Commentary. May 2009 // www.commentarymagazine.com/article/seven-existential-threats/; вскоре после публикации статьи автор был назначен послом Израиля в США.

Sober M. Beyond the Jewish State. Toronto: Summerhill Press, 1990. P. 30 (выделено в оригинале).

Ravitzky A. Messianism, Zionism and Jewish Religious Radicalism. Chicago: University of Chicago Press, 1996. P. 16.

Kopelowitz E., Rosenberg L.»Israeli-Jews» vs. «Jewish-Israelis» and the Ritual Connection to Diaspora Jewry // Конференция в Иерусалиме, 2004. // www.researchsuccess.com/images/users/1/Israeli-Jew.pdf.

381

Bell Y.E. The Traditional Corner // The Jewish Press. New York. 2002. October 18. P. 35.

Blau R. Les gardiens de la cité. Op. cit. P. 276–277.

Kenbib M. Juifs et musulmans au Maroc, 1859–1948. Rabat: Université Mohammed V, 1994. P. 557.

Marmorstein E. Bout of Agony // The Jewish Guardian. April 1974. № 1. P. 6.

385

Wasserman E.B. Yalkout maamarim u-mikhtavim. – Brooklyn: s.n., 1986. – P. 3.

Becher Y. From Herzl to Jabotinsky to Begin: the Road to Churban. // Jewish Guardian. July 1977. № 12. P. 3–4.

Rabbin Schneerson S.B. Three Questions and Answers on Zionism and Zionists // Jewish Guardian. Spring 1984. Vol. 2. № 8. P. 19–24.

Ravitzky A. Messianism… Op. cit. P. 60.

Teitelbaum Y. Vayoel Moshe. Op. cit.

Йосеф Сальмон, цит. по: Zionism and Religion. Op. cit. P. 33.

391

Парафраз библейского стиха (Бытие, 19:9).

Shapira H.E. Sefer divre torah. Jerusalem: Emet, 1998. P. 794.

Ravitzky A. Messianism. Op. cit. P. 56.

Вавилонский Талмуд. Трактат «Мегилла». С. 28а.

395

В ноябре 2013 года члены «Лев Тахор» переехали в провинцию Онтарио в связи со сложностями, с которыми столкнулась их школа при выполнений требований Министерства образования Квебека.

Цит. по: *Ross J.* Rabbi Outcast. Op. cit. P. 9.

Mezvinsky N. Reform Judaism and Zionism: Early History and Change // Tekner R. *et al.* (eds.), Anti-Zionism. Analytical Reflections. Brattleboro (VT): Amana Books, 1989. P. 315.

Ibid. P. 319.

Brownfeld A.C. Zionism at 100: Remembering Its Often Prophetic Jewish Critics // Issues, American Council for Judaism. Washington (DC). Summer 1997. P. 1–2, 7–10.

Ehrenreich B. Zionism is the Problem // Los Angeles Times. 2009. March 15.

Berger E. Memoirs of an Anti-Zionist Jew. Beyrouth: Institute of Palestinian Studies, 1978. P. 57.

Ibid. P. 12.

Sharif R. Non-Jewish Zionism. Op. cit. P. 77.

Brownfeld A.C. Zionism at 100… Op. cit. P. 9.

Leibovici M. Hannah Arendt, une juive. Expérience, politique et histoire. Paris: Desclée de Brouwer, 1998. P. 365–367.

Барнави Э. Сионизм // *Барнави Э., Фридлендер, С.* Евреи и XX век, Аналитический словарь. М.: Текст/Лехаим, 2004. С. 225.

Klaushofer A. The Unorthodox Orthodox // The Observer. 2002. July 2; *Gruda A.* Un groupe de juifs ultrareligieux établi a Sainte-Agathe souhaite l'abolition d'Israël // La Presse. 2002. 26 mai.

См. например: www.nkusa.org; www.jewsagainstzionism.com; www.jato.org; www.jewishvoiceforpeace; www.counterpunch.org; www.tikkun.org; www.gush-shalom.org; www.palsolidarity.org; www.jcall.eu; www.thejc.com; www.ijsn.net.

Rubin I. Satmar. An Island in the City. Chicago: Quadrangle Books, 1972. P. 175–176.

Rabbi Weiss Y.D. Toward a Lasting Middle East Peace. Брошюра «Нетурей Карта» (Neturei Karta International), 11 декабря 2001 года.

Раввин Шах, цит. по: ibid.

Sober M. Beyond the Jewish State. Op. cit. P. 105.

413

Роберт Вистрич, цит. по: Zionism and Religion. Op. cit. P. 145.

Segev T. C'était en Palestine au temps des coquelicots. Paris: Liana Lévi, 2000.

Montagu E. Memorandum on the Anti-Semitism of the Present Government – Submitted to the British Cabinet. August, 1917 // http://www.zionism-israel.com/hdoc/Montagu_balfour.htm.

Polishook S.S. The American Federation of Labor, Zionism and the First World War // American Jewish Historical Quarterly. 1976. 65(3). P. 228–244.

Abitbol M. Les deux terres promises. Op. cit. P. 43.

Zionist Congresses. Encyclopaedia Judaica. Vol. 16. P. 1164.

419

Занд Ш. Кто и как изобрел еврейский народ. М.: Эксмо, 2012. С. 65–66.

Berkowitz M. Rejecting Zion, Embracing the Orient: the Life and Death of Jacob Israel De Haan // *Kalmar I.D. & Penslar D,J. (eds.)*. Orientalism and the Jews. Waltham (MA): Brandeis University Press, 2005. P. 109–124.

Blau R. Les gardiens de la cité. Op. cit. P. 276.

422

Текст петиции часто приводится в публикациях «Нетурей Карта»; см.: Memorandum to King Hussein // The Jewish Guardian. November 1974. № 3. P. 5.

Meeting with King Hussein by Rabbi Yosef Sonnenfeld // The Jewish Guardian. Fall 1982. Vol 2. № 6 // http://www.jewsagainstzionism.com/rabbi_quotes/sonnenfeldhusseinMeeting.cfm.

Подробнее о Гистадруте см.: *Lockman Z.* Comrades and Enemies: Arab and Jewish Workers in Palestine, 1906–1994. Berkeley: University of California Press, 1996; *Shalev M.* Labour and Political Economy in Israel. Oxford: Oxford University Press, 1992; *Karsal G.* Ha-histadrout. Arba'im Shenot Haim. Tel-Aviv: Tarbut ve Hinuch, 1960.

425

Йосеф Хаим Зонненфельд, цит. по: *Rosenberg A. (dir.)*. Mishkenoth ha-ro'yim. Op. cit. Vol. 2. P. 440.

Rabbi Weiss Y.D. Towards a Lasting Middle East Peace. Neturei Karta Statement at the National Press Club, Washington (DC), 11 décembre 2001.

Encel F. Géopolitique du sionisme. Stratégies d'Israël. Paris: Armand Colin, 2006. P. 190.

May Jews Wage War or Battles in Our Time? // Jewish Guardian. Spring 1984. Vol. 2. № 8. P. 10–15.

Teitelbaum Y. Dibroth ha-kodesh. Brooklyn, 1983. (Запись четырех речей, произнесенных сатмарским ребе после войны 1967 года.)

Gruda A. Un groupe de juifs ultrareligieux établi a Sainte-Agathe souhaite l'abolition d'Israël. Op. cit.

Wasserman E. Epoch… Op. cit. P. 24.

См. например: *Beck M.B.* Kuntres Shav Shakad Shomer: Birur B'inyan Hevrat ha' Shmirah. Monsey, 1982.

Weiss Y.D. Rescuing Judaism from Zionism: A Religious Leader's View // American Free Press, 2002. August 2.

The New York Times. 2001. February 11 (выделено в оригинале).

435

Встречи автора с Довидом Вейсом и Моисеем Катцем, Нью-Йорк, ноябрь 2002.

См.: *Ellis M.* Beyond Innocence and Redemption: Confronting the Holocaust and Israeli Power: Creating a Moral Future for the Jewish People. San Francisco: Harper & Row, 1990; Toward a Jewish theology of liberation: the challenge of the 21st century. Waco (TX): Baylor University Press, 2004; Israel and Palestine – Out of the Ashes: The Search for Jewish Identity in the Twenty-first Century. London: Pluto, 2006; Judaism Does Not Equal Israel: The Rebirth of the Jewish Prophetic. New York: New Press, 2009.

Ha'am A. (Asher Ginzburg). Truth from Erets Israel // *Shatz A. (ed.)*. Prophets Outcast. New York: Nation Books, 2004. P. 32–33

Ibid. P. 45.

Shatz A. Prophets Outcast. Op. cit. P. 54.

Farber S. Radicals, Rabbis and Peacemakers. Monroe (ME): Common Courage Press, 2005.

Shatz A. Prophets Outcast. Op. cit. P. xii.

Laqueur W. A History of Zionism. London: Weidenfeld & Nicolson, 1972. P. 596.

Цит. по: *Shatz A.* Prophets Outcast. Op. cit. P. 15.

Цит. по: Ibid. P. 64.

Цит. по: Ibid. P. 88.

Avishai B. The Tragedy of Zionism: How its Revolutionary Past Haunts Israeli Democracy. New York: Helios Press, 2002.

Barnavi E. A Historical Atlas of the Jewish People. New York: Schocken Books, 1992. P. 214.

Schneerson S.D.B. Three Questions and Answers on Zionists and Zionism // Jewish Guardian. Spring 1984. Vol. 2. № 8. P. 22.

Blau R. Les gardiens de la cité. Op. cit. P. 249.

Shapiro M. Between the Yeshiva World… Op. cit. P. 99.

451

Вавилонский Талмуд. Трактат «Йома». С. 85b.

452

Вавилонский Талмуд. Трактат «Йевамот». С. 79а.

453

Вавилонский Талмуд. Перек Ха-Шалом. Трактат «Дерех-эрец».

Там же.

Шломо Авинери, цит. по: Zionism and Religion. Op. cit. P. 4.

Вавилонский Талмуд. Трактат «Кетубот». С. 111а.

Цит. по: *Shatz A.* Prophets Outcast. Op. cit. P. 26.

Ibid. P. 261.

Jerome F. Einstein on Israel and Zionism: His Provocative Ideas About the Middle East. New York: St. Martin's Press, 2009.

Цит. по: *Ross J.* Rabbi Outcast. Op. cit. P. 37.

461

Rimantas V. Nenusigręħk nuo savęs: gyvieji tilta. Vilnius: Vyturys, 1995. P. 69–70.

Lederhendler E. Jewish Responses to Modernity. New Voices in America and Eastern Europe. New York: New York University Press, 1994. P. 67 и далее.

463

Torah Comments During the Zionist War in Lebanon // Jewish Guardian. Spring 1984. Vol. 2. № 8. P. 16–17.

Цит. по: *Shindler C.* A History of Modern Israel. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 65.

Torat Rabbi Amram. Jerusalem: s.n., 1977. P. 17.

Ravitzky A. Messianism… Op. cit. P. 75

См. например: *Rubinstein A.* From Herzl to Rabin: the Changing Image of Zionism. New York: Holmes & Meier, 2000. Chap. 7.

Blau Y. Ploughshares into Swords: Contemporary Religious Zionists and Moral Constraints // Tradition. 2000. Vol. 34. № 4. P. 39–60.

Взгляд на это событие с точки зрения харедим изложен в: *Marmorstein E.* A Martyr's Message. London, 1975, and Monsey (NY), 2000.

Schattner M. Support grows for Israeli rabbis' 'racist' letter // Agence France-Presse. 2010. December 9.

Giebels L. On De Haan // Exquisite Corpses: A Journal of Letters and Life. Issues 5–6 // http://www.corpse.org/archives/issue_5/critical_urgencies/giebels.htm.

Иегуда Слуцкий, цит. по: *Danziger H.* Guardian of Jerusalem. Op. cit. P. 443.

Давид Тидхар, цит. по: Ibid. P. 444.

Эсав (или Исав) в еврейской традиции считается воплощением физической силы, в противоположность духовности Иакова (Быт. 25). Акты насилия против евреев, особенно в христианских странах, зачастую аллегорически представлены в еврейских источниках как «деяния Эсава».

475

Два имени убитого. Как известно, праотец Иаков получил имя Исраэль после борьбы с ангелом (Быт. 32:24–31)

Йосеф Хаим Зонненфельд, цит. по: Ibid. P. 440–441.

Иегуда Слуцкий, цит. по: Ibid. P. 443.

См.: *Begin M.* The Revolt: the Story of the Irgun. New York: H. Schuman, 1951; *Shamir I.* Ma vie pour Israël: mémoires de combat, autobiographie. Paris: Ramsay, 2000; *Malka V.* Menahem Begin: La Bible et le fusil. Paris: Média, 1977.

Ben Yehuda N. Political Assassinations by Jews. Albany: SUNY Press, 1993.

Man has separated lust and sorrow / But God holds them together like day and night. / I know lust. I know intense suffering. / I praise God's one name, цит. по: *Berkowitz M.* Rejecting Zion // Kalmar I.D., Penslar D.J. Orientalism and the Jews. Op. cit. P. 122. (Человек разделил сладострастие и скорбь. / Но Господь держит их вместе, как день и ночь. / Я знаю сладострастие. Я знаю глубокое страдание. / Я восхваляю единое имя Господа.)

Blau A. A Call from Jerusalem // The [Jewish] Guardian. April 1974. № 1. P. 2.

Arendt H. To Save the Jewish Homeland (опубликована в мае 1948 года) // Jew as Pariah. New York: Grove Press, 1978. P. 187.

483

Orthodox Jews Worldwide Protest Zionist Atrocities in Gaza, NK Press release, February 8, 2008.

Sadka S. Haredi sect brands Chief Rabbi Metzger ‘Zionist stooge,’ wicked // Haaretz. 2008. February 5.

Feuchtwanger L. Une juive de Toledo. Paris: Calmann-Lévy, 1957.

Arab American Institute & Americans for Peace Now Release // Joint Survey of Arab American & Jewish American Opinion. 2002. November 21.

Bensoussan G. Un nom impérissable. Op. cit. P. 196, 213.

Shelah O. Saving Munich: Spielberg talks // Ymetnews. 2006. February 20. // http://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-3219061,00.html

Rabbi Sober M. Beyond the Jewish State. Toronto: Summerhill Press, 1990. P. 30–31.

Ravid B. Netanyahu calls urgent meeting after rightists attack IDF base // Haaretz. 2011. December 13.

491

См., например: реклама, опубликованную в газете New York Times 22 марта 2002 года.

См. на сайте: http://www.rhr.israel.net.

Oz ve-Shalom/Netivoth Shalom. Movement for Judaism (Washington), Zionism and Peace // http://www.netivot-shalom.org.il.

Harel A. IDF rabbinate publication during Gaza war: We will show no mercy on the cruel // Haaretz. 2009. January 26.

The Forward & Daniel Estrin. The King's Torah: a Rabbinic Text or a Call to Terror? // Haaretz. 2010. January 22.

Ibid.

Wagner M. US rabbis urge change in IDF war code // Jerusalem Post. 2006. August 21.

Ben Gourion D. Israël, années de lutte. Paris: Flammarion, 1964. P. 109.

Leibler I. The Validation of Jewish anti-Zionism // Jerusalem Post. 2006. January 11.

500

En Terre Sainte: l'hécatombe. Déclaration du Congrès rabbinique de l'État de New York, 7 février 2002.

Blau R. Les gardiens de la cité. Op. cit. P. 279–280.

502

BBC survey claims Israel has least positive image of any country // Haaretz. 2007. March 6.

Heichler L. Israel: an Insoluble Problem // Issues of the American Council for Judaism (Washington). Summer 2002. P. 5–6.

504

Беседа автора с раввином Меиром Веберманом, Вильямсбург, Нью-Йорк, 11 ноября 2002 года.

505

Meah Shearim Centennial Hears Call for Jerusalem Internationalization. // The [Jewish] Guardian. April 1974. № 1. P. 9, 15.

506

Официальное письмо Ясира Арафата раввину Моше Гиршу, Рамалла, 23 апреля 2002 года.

Ophir A. Identity of the Victims and Victims of Identity // *Silberstein L.J. (ed.).* Postzionism: A Reader. New Brunswick (NJ): Rutgers University Press, 2008. P. 81–101.

Benbassa E. La souffrance comme identité. Paris: Hachette, 2007.

Lim J-H. Victimhood Nationalism in Contested Memories: National Mourning and Global Responsibilites // *Assmann A., Conrad S. (eds.)*. Memory in a Global Age: Discourses, Practices and Trajectories. New York: Palgrave Macmillan, 2010. P. 138–162.

Shohat E. Le sionisme vu par ses victimes juives. Paris: La Fabrique, 2006.

Levinson C. Israel has 101 different types of permits governing Palestinian movement // Haaretz. 2011. December 23.

См., например: протоколы симпозиума, посвященного нравственности и власти, который состоялся во время первой интифады: *Elazar D.J. (ed.)*. Morality and Power. Contemporary Jewish Views. – Lanham (MD): Jerusalem Centre for Public Affairs, 1990. (Большинство участников обсуждения поддержали идею первостепенности интересов государства и сошлись во мнении, что вопросы его выживания должны стоять выше индивидуальных нравственных сомнений.)

513

Don Yehiya E., Liebman C.S. The Symbol System of Zionist-Socialism: An Aspect of Israeli Civil Religion // Modern Judaism. September 1981. Vol. 1. № 2. P. 229.

Ezrahi Y. Rubber Bullets: Power and Conscience in Modern Israel. Berkeley: University of California Press, 1998. P. 47.

Bensoussan G. Un nom impérissable. Israël, le sionisme et la destruction des Juifs d'Europe (1933–2007). Paris: Seuil, 2008. P. 35.

Grossman D. Avé César // Haaretz. 2002. February 22.

Sharp Rise in Israelis seeking German Citizenship. 2007. July 24 // http://www.ynet.co.il/english/articles/ 0,7340,L-3429414,00.html.

Kalman M. Report on Israeli Academics in the United States Fuels Long-Held Concerns About Brain Drain // The Chronicle of Higher Education. 2008. February 29. (В то же время лишь 12 % выпускников университетов Канады, самой близкой к Штатам страны в географическом и культурном планах, переезжают к своим североамериканским соседям.)

См.: *Ram U.* Postsionist studies in Israel // *Silberstein J. (ed.)*. Postzionism. Op. cit. P. 61–77.

Ashkenazi E. Most Jews would refuse to live in a building with Arabs // Haaretz. 2006. March 23.

Ross J. Rabbi Outcast. Elmer Berger and American Jewish Anti-Zionism. Washington (DC): Potomac Books, 2011. P. 81.

Самые последние случаи такого исключения описаны в: *Weinthal B.* Inclusion of anti-Israel speaker at Berlin conference on ways to tackle anti-Semitism sparks uproar // Jerusalem Post, 2013. November 6; *Tobianah V.* Montreal Jewish festival cancels panels by anti-Birthright activist // Haaretz. 2013. November 3. (См. также исследование, посвященное влиянию такого подхода на академическую свободу: *Drummond S.G.* Unthinkable Thoughts: Academic Freedom and the One-State Model for Israel and Palestine. Vancouver: UBC Press, 2013.)

Berkowitz M. Rejecting Zion, Embracing the Orient: The Life and Death of Jacob Israel De Haan // *Kalmar I.D., Penslar D.J. (eds.)*. Orientalism and the Jews. Waltham (MA): Brabdeis University Press, 2005. P. 115.

Landy D. Jewish Identity and Palestinian Rights: Diaspora Jewish Opposition to Israel. London: Zed Books, 2011.

Ross J. Rabbi Outcast. Op. cit. P. 167.

Blau Y. Ploughshares into Swords: Contemporary Religious Zionists and Moral Constraints // Tradition. 2000. Vol. 34. № 4. P. 57.

527

ZAKKA head hits Neturei-Karta rabbi // Jerusalem Post. 2007. March 12.

Evron B. Jewish State or Israeli Nation. Bloomington: Indiana University Press, 1995. P. 253.

Ellis M. O Jerusalem: the Contested Future of the Jewish Covenant. Minneapolis: Fortress Press, 1999. P. 52.

Lappin Y. Christians: We'll fight for Israel // Ynet. 2006. September 24.

Resnick E. ‘Tony Kushner Is Disingenuous And Dissembling’: An Interview with CUNY Board of Trustees Member Jeffrey Wiesenfeld // Jewish Press. 2011. May 11.

Lipka M. More white evangelicals than American Jews say God gave Israel to the Jewish people. Pew Research Center, 3 October 2013. // www.pewresearch.org/fact-tank/2013/10/03/more-white-evangelicals-than-american-jews-say-god-gave-israel-to-the-jewish-people/#comments.

Krantz F. One-State Would Mean the Liquidation of Israel // The Gazette. 2003. November 14.

Schattner M. Support grows for Israeli rabbis' 'racist' letter // Agence France Presse. 2010. December 9.

Benari E. Rabbi Ovadia Yosef Opposes ‘Torat Hamelech’ Book. // Arutz Sheva. 2011. June 30 // www.israelnationalnews.com/News/News.aspx/ 145306#.UoCx5˚3PG0w.

Leibowitz Y. Peuple. Terre. État. Paris: Plon, 1995. P. 154

http://www.worldpublicopinion.org/pipa/pdf/mar11/BBCEvals_Mar11_rpt.pdf.

Mearsheimer J.J., Walt S.M. Le lobby pro-israélien et la politique étrangère américaine. Paris: La Découverte, 2009 [2007].

Canadian Passport Abuse // *Canadian Encyclopedia* // www.thecanadianencyclopedia.com/articles/macleans/canadian-passport-abuse.

Kilibarda K. Canadian and Israeli Defense – Industrial and Homeland Security Ties: An Analysis, *2008* // www.sscqueens.org/sites/default/files/Canadian%20and%20Israeli%20Defense%20Industrial%20and%20Homeland%20Security%20Ties.pdf.

Ben Gourion D. Israël, années de lutte. Paris: Flammarion, 1964. P. 134.

Laor Y. Get rid of Zionism // Haaretz. 2011. June 3.

Barzilai A. More Israelis favor transfer of Palestinians, Israeli Arabs – poll finds // Haaretz. 2002. March 12.

Von Kressenstein F.K. Im ha-Turkim el Taalat-Suez. Tel Aviv: Maarakhot (2002). Цит. по: Dromi U. Turks and Germans in Sinai // Haaretz. 2002. September 27.

Sober M. Beyond the Jewish State. Toronto: Summerhill Press, 1990. P. 26.

Benvenisti M. The Binational Option // Haaretz. 2002. November 7. (См. также: *Sheley Y.* The Letters and a Binational State // Haaretz. 2003. August 31.)

*Rabkin Y.*M. A Glimmer of Hope // Tikkun, July-August 2002. P. 56–61; *Tilley V.Q.* The One-State Solution: A Breakthrough Plan for Peace in the Israeli-Palestinian Deadlock. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2005; *Abunimah A.* One country: a bold proposal to end the Israeli-Palestinian impasse. New York: Metropolitan Books, 2006. (Обзор всех мнений в пользу единого государства между Иорданом и Средиземным морем см. на сайте: www.one-democratic-state.org.)

The One State Option // The Economist. 2007. July 19.

Benn A. et al. Olmert to Haaretz: Two-state solution, or Israel is done for // Haaretz. 2007. November 29.

550

Цит. по: *Shindler C.* A History of Modern Israel. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 57.

Primor A. The unholy alliance between Israel's Right and Europe's anti-Semites // Haaretz. 2010. December 12.

Hartman B. Norway attack suspect had anti-Muslim, pro-Israel views // Jerusalem Post. 2011. July 24.

Широпаев А. Мое открытие Израиля // http://nazdem.info/texts/256.

http://la-belaga.livejournal.com/283040.html

Wilson S. A Shared History, a Different Conclusion // Washington Post. 2007. March 11.

Ben Gourion D. Israël, années de lutte. Op. cit. P. 231.

Des manifestants dénoncent la proximité entre Harper et Israël. Radio-Canada // www.radio-canada.ca/regions/ontario/2013/12/01/005-manifestants-harper-israel.shtml#top.

Buzzetti H. Harper maintient le cap pro-Israël // Le Devoir. 2010. 9 novembre.

Agassi J. Liberal Nationalism for Israel: Towards an Israeli National Identity. Jerusalem and New York: Gefen, 2000.

Kriegel D. Les émigrés israélien taxés de traîtrise à la cause sioniste // Le Point. 2013. 26 octobre.